

Издание этой книги в Латвии поддержали

Организация «Daugavas Vanagi»

Фонд истины – памяти Г. Астры

Семья внука Миериньша Ушите

Эгита и Валдис Лаускисы

«Усадьба Лиепупес»

Общество филистров студенческой корпорации Fraternitas

Фонд организации «Daugavas Vanagi» в Великобритании

Ялна Рудзите Салните и Андрис Салнитис

Даце Рудзите

Эваристс Берзиньш

Mathew Czaja

Ингрида Мейеровица

Петерис Болшайтис

Лигита Ковтуна

Благодарим!

Книга издана издательством SIA VESTA-LK в серии *Laika grāmata*,
Рига

Напечатана в типографии Euroconnect

На обложке – фото Эваристса Берзиньша

Художественное оформление Мадары Берзини

Перевод на русский язык Татьяны Слободчиковой

Редактор Карлис Стрейпс

Корректор Ирена Эглите

© Grāmatu Draugs (ASV), 1978

© Художественное оформление – SIA VESTA-LK, 2016

ISBN 978-9934-511-35-6

СОДЕРЖАНИЕ

О Рутине и ее книге. <i>Петерис Болшайтис</i>	5
Книга Рутини на шестом языке. <i>Хелмарс Рудзитис</i>	8
Без жалоб на человечество. <i>Зента Мауриня</i>	10
Это сердечная и трогательная книга. <i>Анилавс Эглитис</i> . . .	12
Из писем читателей “Laiks”	13
Введение	15

О Рутине и ее книге

К сожалению, я не имел счастья лично познакомиться с Рутей Упите. Когда в 1958 году я впервые из изгнания прибыл в гости в Латвию, Рутиня уже умерла. Зато я встретился с ее отцом Миериньшем Упите и отчасти был вовлечен в «эпопею» издания книги Рутини. Поэтому сначала немного расскажу об отце.

Миериньш Упите был родом из зажиточной латышской семьи. Его отец Давис Упите был одним из младолатышей, которые, благодаря успешной деятельности во время Атмоды, стал состоятельным и благополучным предпринимателем. Им построен хорошо известный «Urīša pasāža» («Пассаж Упита») между улицами Марияс и Дзирнаву.

Миериньш поступил в Латвийский Университет, где изучал инженерные науки. В студенческие годы он вступил в корпорацию *Fraternitas Lettica*, и этот шаг стал роковым для всей его дальнейшей жизни. Миериньш, будучи человеком с очень активной жизненной позицией, занимал различные ответственные должности, а также оказывал корпорации щедрую финансовую поддержку. Не зря его называли сердцем и душой корпорации.

Друзья Миериньша, которым по окончании Мировой войны удалось попасть на Запад, стали заботиться о Миериньше Упите как только им стало известно, что он из ссылки в Сибирь возвратился в Латвию. При его любезной поддержке в Латвию поступала помощь и другим оставшимся в Латвии членам корпорации, кроме того, Миериньш заботился о том, чтобы могилы ушедших не оставались заброшенными. Таким образом он по-прежнему

оставался самым известным из всех членов корпорации.

В 1966 или в 1967 году один из моих живущих в США друзей, Арвидс Земитис, осмелился посетить оккупированную советами Латвию и, конечно, разыскал также Миериньша Упите. В тот раз Миериньш передал своему другу рукопись воспоминаний своей безвременно ушедшей дочери Рутини – с просьбой незамедлительно ее опубликовать. Если я правильно помню, Арвидс Земитис привез рукопись, спрятав ее под рубашкой.

Когда рукопись была доставлена в Нью-Йорк, развернулись живые дискуссии о том, что с ними делать дальше. Преобладало мнение, что публикация книги может угрожать жизни Миериньша, поэтому решили пока ее не издавать. По этому вопросу началась интенсивная переписка. Миериньш повторно спрашивал, почему книга не издана, а его друзья с противоположного берега пытались донести до него, что никто не хочет брать на себя ответственность за его дальнейшую судьбу, если это произойдет. Не знаю, подумал ли кто-нибудь о том, что эта переписка так или иначе может дать чека конкретное представление о происходящем.

В декабре 1968 года мы вместе с женой собрались поехать в Ригу навестить мою тещу, которая вернулась из Сибири почти в то же время, что и Миериньш. Родители моей жены, врачи, стали жертвами большевиков в июне 1941 года, но их обоим детям посчастливилось спастись.

Мои товарищи по корпорации поручили мне встретиться с Миериньшем и разъяснить ему, почему книга Рутини до сих пор не издана. Мне дали рабочий телефон Миериньша Упите – он работал в одном городском строительном бюро

на улице Кришьяня Барона. Как-то после обеда, когда у меня выдалось свободное время, я сел к тещиному телефону и позвонил. Меня соединили с Упите, он узнал меня по имени и сказал, что охотно встретится со мной после работы. Чтобы я мог его узнать, Миериньш в 17.00 будет стоять у магазина «Детский мир» на углу лиц Барона и Матиса с газетой под мышкой. Когда положил трубку, заметил, как встревожена теща. «Что ты наговорил? Из-за тебя мы все попадем в беду!»

Я согласился, что действительно поступил необдуманно. Сколько «шпионов» было скомпрометировано именно таким образом! Правда, глупо все получилось. Я решил, что позволю чекистам ждать меня на углу улиц Барона и Матиса, а сам сел на трамвай и поехал искать Миериньша на его работе. Пришел в соответствующее учреждение и сказал, что хочу поговорить с «товарищем» Упите. Меня привели в большую рабочую комнату, где стояло около 20 чертежных столов, и показали, что в самом конце, вот там, сидит «товарищ» Упитис.

Знакомство было быстрым и бесконечно сердечным. Миериньш усадил меня на высокий табурет рядом со своим столом и начал рассказывать... Может быть, скорее излить все, что у него было на сердце. Говорил обо всех ужасах, которые ему и его семье довелось перенести. Его голос, сначала приглушенный, становился все громче и громче и скоро раздавался по всему просторному помещению... Миериньш, наверное, заметил, что я начал чувствовать себя неловко, ведь рассказ и особенно адресованные «им» обвинения «доходили до многих ушей». И тогда Миериньш сказал: «Ты

не волнуйся! Они все это уже слышали бесчисленное количество раз, а чекист это тот, кто сидит вот там, у двери. «Они» меня в чека вызывают каждый месяц, но сделать мне ничего не могут. Ты же понимаешь, что издание книги Рутини для меня важнее всего... и они знают об этом».

Когда-то позже я прочитал сказанное греческим философом Никосом Казандзакисом (Nikos Kazantzakis): «У меня нет никаких надежд, я ничего не боюсь, я свободен». Мне тут же вспомнился мой конфилистр. Я понял, что все ужасы и страдания были не настолько болезненны, как перенесенное унижение, когда он и его семья из уважаемых в обществе людей внезапно как скоты были загнаны в вагоны, а его малолетние дочурки подверглись дикому насилию. Только свидетельства книги Рутини могли хоть немного возместить эти тяжкие оскорбления. И только это...

Возвратившись в Америку, я постарался объяснить нашим друзьям это желание Миериньша... Увы, напрасно... Мне даже пришлось защищаться от подозрений, что я сам якобы мог стать агентом чека. В конце концов, вербуют каждого, кто прибывает в оккупированную Советами Латвию.

К сожалению, Миериньш при жизни так и не дождался издания книги Рутини. Лишь после его смерти рукопись была передана издательству «Grāmatu Draugs».

И теперь книга издана на латышском, а также на английском и русском языках в серии *Laika grāmata* (Книга времени), которая наряду с газетой *Laiks* продолжает в Латвии заложенную Хелмарсом Рудзитисом традицию издавать также ценные книги об истории и современном мире.

Петерис Болайтис

Книга Рутини на шестом языке

Когда в 1977 году издали книгу воспоминаний Рутини У. «Еще так хотелось жить», никто даже представить не мог, какой отклик в обществе вызовет эта книга и насколько широкий круг читателей она обретет. Книга на латышском языке пережила четыре издания, и она давно распродана.

Думаем, что со страданиями Рутини, ее семьи и всего латышского народа следовало бы ознакомить и американских читателей. Рита Лиэпа перевела книгу на английский язык. Надеялись, что ее выпустит какое-нибудь американское издательство. Напрасные надежды! Никто этого не хотел.

Книги на английском на этом берегу мы еще не издавали, опыта не было, однако решили, что нужно самим издать книгу Рутини и на английском языке. Не в первый же раз издательству «Grāmatu Draugs» приходится пробиваться в другие языки. Уже в период свободной Латвии книги с эмблемой «G.D.» выходили на русском, эстонском и польском языках.

И чудо свершилось, главным образом, благодаря отзывчивости латышей. Издания отвергнутой американскими коллегами книги выходили одно за другим. Спрос продолжался, и до сих пор издание на английском языке пришлось печатать 10 раз! Причем ни один экземпляр в издательстве не задержался! Кто знает, не придется ли типографским станкам и в одиннадцатый раз встретиться с Рутиней?

За изданием на английском языке последовало издание на немецком. Затем сюрпризом стало известие о том, что в далекой Бразилии книга переведена на португальский язык и для нее найден издатель. Теперь воспоминания Рутини

можно было прочитать уже на четырех языках.

Еще большей неожиданностью стал один бразильский генерал, который, ознакомившись с книгой, попросил разрешения издать ее огромным тиражом – 50 000 экземпляров, чтобы бесплатно раздать их солдатам. Идея генерала была правильной – показать одурманенным красной пропагандой военным истинное лицо коммунизма.

Вслед за португальским изданием в Венесуэле вышла книга на испанском языке. Так на нашей полке появилась целая стопка книг, название которых – «Еще так хотелось жить» – можно было прочитать на пяти языках.

Много лет назад руководитель музыкальной библиотеки Детройтского симфонического оркестра Элхонн Иоффе под впечатлением трагической истории Рутини попросил разрешения перевести ее на русский язык. Мы охотно дали разрешение. Издателя у него не было, но он надеялся его найти.

Прошли годы, но о судьбе этого перевода нам ничего не было известно. Издателя найти не удалось. Но в 1987 году в 52-м номере русского эмигрантского журнала «Континент» появился довольно большой отрывок из книги Рутини. Иоффе все еще надеялся и продолжал искать издателя.

Настойчивому переводчику наконец это удалось. Книга Рутини в переводе Элхонна Иоффе с латышского на русский сейчас вышла в Лондоне (Англия), в издательстве «Overseas Publications Interchange Ltd.». Это красивое издание в мягкой обложке с предисловием Евгения Селги, в котором он рассказал о том, как рукопись тайно попала в Америку, как об этом узнали в чека, поэтому издание

пришлось отложить на много лет, чтобы не навредить отцу Рутини, а также о том, что в 1977 году книга вышла в издательстве «Grāmatu Draugs», а потом была переведена на четыре языка.

Отправляя мне книгу, в написанном на хорошем латышском языке письме Э. Иоффе рассказал, что найти издателя ему помогла ответственный секретарь «Континента» Наталия Горбаневская. Глава лондонского издательства граф С. Милорадович написал ему: «Будем надеяться, что эта чудесная, трогательная книга поможет латышскому национальному движению. Деятели Интерфронта в Латвии должны знать, что власть коммунистов причинила латышскому народу при вторжении России в 1940 году».

Повествование Рутини сейчас смогут прочитать и те, кто замучил и уничтожил ее и ее семью. Будем надеяться, что хотя бы у кого-то из потомков этих мучителей она вызовет угрызения совести и они научатся понимать стремление латышского народа к свободе.

Хелмарс Рудзитис

«Laiks», 7 февраля, 1990 года

Без жалоб на человечество

Как это не раз уже бывало, завершая Старый год и вступая в Новый, хочу поделиться с читателями «Laiks» некоторыми мыслями и воспоминаниями.

Латышская культура под знаком женщины – так ли это? То, что дайны главным образом связаны с женщиной, это всем известно. Там женщина главная – и песни петь, и работать, и красу оберегать. Райнис немислим без Аспазии,

Блауманису по цвету и оттенкам близка Анна Бригадере. Лаймдота и Спидола – символы латышской женственности. Но время идет, приходят новые волны, приливы и отливы. В послевоенное время над бытовой рутинной, над спорами и противоречиями, над симпатиями и антипатиями возносится образ Бируты Блумы, которая в лагере рабов возглавила противостояние тысячи порабощенных женщин танкам и пулеметам. Она осмелилась дать отпор превосходящим силам. Уму непостижимо, как береза может расти в узкой расщелине скалы, уму непостижимо, как молодая женщина в лагере для рабов вырастает борцом за человечество, латышской Жанной Д'Арк. Хрупкая и стойкая, она не только нестигаема и мужественна, она упрямо восстает, не сгибаясь под невыносимо тяжким бременем. В решающий момент она бесстрашно идет своим путем до конца.

Если сегодня мы о какой-нибудь женщине говорим: «Она совсем как вторая Бирута Блума», это означает, что женщина борется за ценности, и самая высокая ценность – это свобода, и это даже не нуждается в особом акцентировании. Духовным двойником Бируты Блумы стала маленькая Рутиня, которой так хотелось жить. Я много читаю. В последнее время удивлялась, как могло случиться, что пустышку тоже называют книгой, но автобиография маленькой Руты меня так поразила, что покой и сон окончательно покинули меня и мне все время казалось: так, как до сих пор, больше жить нельзя, надо что-то делать, что-то делать... Меня преследовала картина: в сани, нагруженные ледяными блоками, впрягают подростка Руту. И это произо-

шло не в средние века, это случилось в наши дни. Дневник Рутини написан незатейливым языком, но каждое слово говорит о том, что девчужка хочет разбудить нас, вселить в нас чувство ответственности. Получается ли у нее это? Солженицын, лауреат Нобелевской премии, своим знаменитым Гулагом ничего не добился. Рутиня растревожила мою душу больше, чем весь Гулаг.

Достоевский сказал: «...от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного замученного ребенка». Слезы Рутини, сталкиваясь с равнодушием мира, превращаются в горящие искры, в пламенную страсть отмщения: «Я хотела бы отомстить за доставленные нам муки, за глубокие унижения, за всю нашу искалеченную, разрушенную жизнь, за смерть бабушки и мамы, за наше здоровье, за драгоценные годы молодости, которые нам пришлось провести в Сибири, за те многие невинные жизни, которые приняли мученическую смерть и были погребены в мрачной земле Сибири».

По телевизору часто показывают разруху так называемого третьего мира, нищету, болезни, голод. Но почему не показывают страдания Рутини, ведь имя ее – тысячи. Для этой девочки и ее подруг освежеванная мышь была самым большим лакомством. Рыбьи косточки не выбрасывались, а засушивались и съедались. Замерзнуть в снегу – обыденное явление.

Как нельзя отрицать своих отца и мать, точно так же нельзя отрицать принадлежность к своему народу, но с тех пор как я в своем воображении пережила мученическую смерть Рутини, во мне сформировалось совершенно новая

принадлежность к латышскости. Точно так же, как христианин ощущает связь с распятым на кресте, так и я сейчас ощущаю связь с Рутиней, с этой распятой на кресте латышкой. Нам же остается без жалоб идти к человечности.

Зента Мауриня

«Laiks», 31 декабря, 1977 года

Это сердечная и трогательная книга

Время от времени в нашей прессе появляются предложения и призывы, но, прозвучав, они так и остаются никем не замеченными. Понятно, нелегко выбрать для перевода или публикации какое-то отдельное сочинение, но сейчас появилась небольшая, однако чрезвычайно впечатляющая документальная книга – «Еще так хотелось жить» Рутини У. Евреи спешно опубликовали дневник Анны Франк, написанный девочкой, которая погибла в процессе истребления евреев гитлеровцами. Это сердечная и трогательная книга, которая популяризировала жалобы евреев на репрессии националистов намного эффективнее, нежели статистика и теоретические философствования.

Скупое документальное повествование Рутини У. своим незамысловатым слогом открывает еще более потрясающие свидетельства против бесчеловечности режима русских коммунистов. Простой язык Рутини легко переводится, кроме того, благодаря небольшому объему книги, не должно быть сложностей с ее изданием. Полагаю, что никто не станет возражать против выбора именно этой книги – для как можно более широкого ее распространения.

Хочется верить, что на этот раз наши организации не

станут самоустраняться, ссылаясь на недостаток средств. Ведь и без особых пожертвований не так уж сложно отложить несколько тысяч долларов. Кроме того, вряд ли кто-нибудь стал возражать против того, чтобы раздробленные на разные литературные и художественные премии средства были объединены и сконцентрированы для более важной и достойной цели – для публикации перевода книги Рутини У. этой суммы хватило бы с избытком.

Анилавс Эглитис

Из писем читателей «Laiks»*

Письмо Рутине:

Читая книгу Рутини У. «Еще так хотелось жить», я плакала. Милая Рутиня, тебе было 14 лет, когда Тебя выгнали из дома в рабство. Мне было 18 лет и я случайно могла оказаться на Твоем месте. Но я не оказалась. Прости меня, Рутиня!

Я уехала в Германию. Пока они изо дня в день губили Твою юную жизнь, у нас были «дни цвета вина и бархатные ночи», образно говоря, мы были на гребне жизни. Прости меня, Рутиня!

Пока Ты выкашливала свои легкие, я изучала карту Америки и Австралии, чтобы решить, где будет выгоднее жить. Сейчас я в Америке. У нас здесь много разных умных людей. Хоть бы им пришло в голову перевести историю Твоей жизни на все языки мира так, чтобы Твоя боль не была напрасной. Надо быть камнем, чтобы не услышать твой зов. Но разве это чем-то могло помочь? Люди пони-

*Газета латышской эмиграции в США (созд. в 1949 году)

мают только тогда, когда хлыст щелкает по собственной коже.

Единственное возмещение за Твою боль – это, если можно так сказать, понимание того, что нам еще только предстоит пережить весь твой опыт. Вслушайся в теорию мыслителя Малкольма Магериджа: западная культура находится на пути к самоуничтожению. Она слушает траурную, неотвратимую песнь сирены. Но мы видели свободу, и никто не может отнять у нас память о ней. Кажется, надвигаются темные времена. Но рассвет обязательно наступит снова! Хочется верить, что Твой зов не был напрасным. Мне кажется, что мудрецы и книжники всего мира не стоят ни одной твоей слезы.

Я склоняюсь перед Тобой.

*Дзидрис, Сан-Франциско, СА
«Laiks», 18 января, 1978 года*

Рекомендация

Спасибо издательству «Grāmatu Draugs» за книгу Рутини У. «Еще так хотелось жить». Эта книга должна быть в каждом латышском доме и в каждой латышской семье как непреходящее свидетельство того, что «могущественный» русский коммунизм причинил нашему и другим оккупированным народам. Все люди должны были бы позаботиться о том, чтобы эту книгу прочитали все молодые.

Может быть, Фонд культуры мог бы обеспечить поддержку и заботу о переводе и издании книги на английском языке, чтобы мы могли дарить их библиотекам, а также нашим американским и английским друзьям.

В. Голдмане, Милуоки, WI

Страшное обвинение

Большое спасибо «Grāmatu Draugs» за издание книги «Еще так хотелось жить». Эта книга – предупреждение всем, кто кричит, что жизнь не имеет смысла. Бюро культуры ALA (Amerikas Latviešu Apvienība – Объединение Латышей Америки. Прим. переводчика) следовало бы приобрести это издание и распространить бесплатно по всем латышским школам. Тогда вся молодежь могла бы ознакомиться со страшной реальностью жизни Рутини У. Эта книга говорит о трогательной привязанности Рутини к жизни в ужасных испытаниях и является тяжким обвинением той власти, которая оккупировала Латвию.

А. Бруниньш, Миннеаполис, MN

Введение

Автор этой книги – Рута У. Ее, тогда всего 14-летней, вместе с мамой, бабушкой и двумя сестренками – 12-и и 9-и лет – 14 июня 1941 года депортировали в Сибирь.

Бабушка умирает уже первой зимой, мама – на следующий год. В 1946 году девочкам, истощенным от голода, морозов и работы, разрешают возвратиться на родину, однако уже через несколько лет – на этот раз с отцом – их снова депортировали в Сибирь. Там отца арестовали, обвинив в антисоветской пропаганде, и приговорили к смертной казни, но наказание сразу же «смягчили», заменив 25-ю годами принудительных работ. В 1956 году наказание отменили, и отец с девочками, которые все были больны туберкулезом, вернулся в Латвию. Рута вскоре умерла, оставив эти записки как свидетельство о своих страданиях, о загубленной молодости и жизни.

При чтении этих записок следует учесть, что их писала недоучившаяся в школе девочка, поэтому от нее нельзя требовать абсолютно правильного языка. Чтобы повествование не утратило настроения его автора, в рукописи были исправлены только самые серьезные грамматические или стилистические ошибки.

История ее переживаний была подготовлена к изданию сразу же после того, как рукопись была вывезена из Латвии в 1967 году. Но тогда отца вызвали в чека и пригрозили новыми репрессиями, если повесть Руты будет опубликована: очевидно, чекисты выследили переписку отца с друзьями из свободного мира, в которой, пусть даже только намеками, упоминалось о намерении издать книгу.

Когда издатель рукописи снова побывал в Латвии – в качестве туриста, его тоже допрашивали в чека, требуя вернуть рукопись.

После продолжительных колебаний друзья в свободном мире, выполняя последнюю волю покойной Руты, наконец решились предать гласности трагическую историю ее страданий.

Подвергнется ли из-за этого теперь уже 78-летний отец Руты новым репрессиям и мучениям? Не окажется ли провозглашенный Хельсинкской декларацией свободный обмен информацией всего лишь красивыми словами?

Это покажет будущее.

Пусть эта книга станет для нас всех напоминанием о тех событиях прошлого, о которых пытается забыть и умолчать нынешняя эпоха, но для нас – народа – они слишком знаменательны, чтобы мы позволили себе забыть или смолчать о них.

1941 год

После чудесного детства, которое я провела без забот, в моей жизни и в жизни моей семьи открылась новая, написанная красными кровавыми буквами страница – 1941 год.

Этот год навечно останется в памяти латышского народа, ведь это был год уничтожения латышей. Коммунисты силой вывезли тысячи латышей по далеким дорогам смерти в Сибирь – в тайгу, в страшные лагеря принудительных работ. Испытывая мучения и унижения, многие там завершили свой жизненный путь.

В 1946 году ничтожная часть вывезенных вернулась на родину. По большей части это были сироты, родители которых умерли. Но те, у которых они были живы, продолжали страдать в местах своих мучений. Они тоже один за другим уходили в мир иной, в живых остались лишь очень немногие.

Это большая община невинных мучеников. Раны пострадавших никогда не заживут.

Как нас арестовали на Рижском взморье

Занималось страшное утро 14 июня 1941 года, мрачное и дождливое. Всех давила непонятная тяжесть, словно предчувствие чего-то дурного.

Ночью слышали, что автомашины ездили чаще, чем обычно, но никто не знал, почему. После завтрака пошла вместе с мамой на рынок за покупками. По дороге видели грузовики, которые везли людей с вещами. Женщины и

дети плакали или причитали. Из пансионата П. вывели большую группу людей и рассадили по машинам. Некоторые из мужчин были со связанными за спиной руками. Наверное, они пытались сопротивляться. Повсюду вокруг царило большое волнение и беспокойство.

Встретили нашу тетюшку К., которая была чрезвычайно взволнована. Она рассказала, что всю прошлую ночь проходили аресты. Неясное предчувствие подсказывало мне, что нужно спешить домой. На нашей улице нам навстречу выехал грузовик с чекистами. Над кабиной водителя навис, держа ружье в боевой готовности, молодой стройный еврей с растрепанными волосами, в расстегнутом пальто. Эта машина медленно ехала по проспекту, останавливаясь у номеров домов в поисках нужного им дома. Очень хотелось, чтобы они побыстрее проехали мимо нашего дома и прекратилось это тягостное чувство неизвестности. Но машина вдруг остановилась прямо у ворот нашего дома. Высокий еврей что-то крикнул, и все выскочили из грузовика.

Меня охватило такое смятение, что на мгновение я застыла как вкопанная. От большого волнения по телу пробежала горячая дрожь. Опомившись, я побежала назад к маме, которая тоже уже приближалась к дому.

Мы зашли в сад, который окружили чекисты. Они спросили, где находится отец. Не поверив, что его здесь нет, они тщательно все обыскали, надеясь его найти.

После безуспешного обыска, они приказали нам взять самые необходимые вещи и приготовиться ехать вместе с ними, но не сказали, куда они нас повезут. Нас сторожили

восемь человек: один латышский милиционер, трое евреев и четверо монголов. Милиционер Каугарс отнесся к нам любезно и сочувственно. Мы сложили вещи в чемоданы и мешки, а продукты – в корзины. Чекисты нас очень торопили и гнали в машину. Когда мы сели в машину, увидели, что мимо нас проехал наш двоюродный брат. Он все видел и понял, что произошло.

Лихорадочная спешка в Риге

Приехав в Ригу, мы увидели, что здесь в еще более усиленном виде проходят акции по вывозу. Множество охраняемых машин везли несчастных людей. Нас отвезли домой. Там оказалась сильно взволнованная бабушка, так как каратели уже побывали у нее ночью – выломав двери, ворвались в квартиру и стали ее обыскивать, чтобы найти отца.

В лихорадочной спешке мы стали собирать вещи, но дело не ладилось: то, что один укладывал, второй, считая ненужным, выбрасывал. А чекисты тем временем рылись в письменном столе отца и читали его письма. Один включил радио, чтобы не слышать наших причитаний. Я побежала к нашей старой няне, которая жила через улицу, и привела ее, жалобно плачущую, к нам. Взяла со своего письменного стола фотографию отца и попрощалась со своей комнатой.

Покидая дом, я была полностью уверена, что когда-нибудь, пусть даже через пару лет, но мы обязательно вернемся в Латвию.

Забравшись в машину, мы увидели, что из окон на нас смотрит множество грустных лиц. Раздался гул мотора, и

мы стали отдаляться от нашего дома, в котором родились, выросли и провели много незабываемого, чудесного времени. Боль прощания была невыносимой, но это был самый тягостный момент, потому что только сейчас мы начали понимать и осознавать свое положение. Наши родные места постепенно стали скрываться из вида, и тогда сердце тоскливо зануло, а в глазах помутнело от навернувшихся слез.

В охраняемых чекистами вагонах

Нас отвезли на Торнякалнскую товарную станцию, но там нас не приняли, потому что вагоны были переполнены. Тогда повезли в Шкиротаву, где нас высадили из машин. Здесь стоял и ждал прибывающих длинный эшелон с зарешеченными окнами. Привезенных людей стогнали в вагоны для скота. Нас разместили в одном вагоне в середине эшелона, в котором мы встретили нескольких наших знакомых.

В вагоне были четыре широкие нары в два яруса, в каждом конце по две нары. Нас было больше 30 человек.

Поскольку лучшие места уже были заняты, мы устроились на одной из нижних нар, а вещи сложили внизу под нарами.

У некоторых с собой было довольно много вещей: большие корзины, чемоданы, мешки. Было очень тесно – не то что трудно, но даже просто невозможно повернуться. В тяжелом, спертом воздухе нечем было дышать. Потом кто-то выбил оконное стекло, стало лучше.

Весь день подвозили арестованных. Нас хотели пересадить в другой вагон. Мы стали просить, чтобы не пере-

саживали. Эту просьбу, наконец, выполнили, и нас оставили в покое.

Еду нам не давали. Те, кто взял с собой побольше продуктов, делился с теми, у кого их не было. Мучила сильная жажда, но воды не давали.

К великому удивлению, нам отдали отобранные дома драгоценности. Вооруженные чекисты охраняли вагоны. Ночью они ходили из вагона в вагон, выкрикивая имена тех, которых они искали. Имя нашего отца тоже часто называли. В Риге стояли всю ночь и весь следующий день.

Днем пошел дождь. Потоки дождя все усиливались, да так, что вода стала протекать сквозь дырявые крыши вагонов. Те, у кого были зонтики, все время держали их открытыми, спасаясь от сырости. Все время было слышно, как то туда, то сюда ездили машины. Казалось, что вывезут всех и Рига опустеет.

Снаружи царил большая суматоха. Люди шли, бежали, Многие кричали, плакали. Моторы машин гудели без перерыва...

Ночью бушевала гроза, завывал ветер.

Внезапно двери вагона открылись. Чекисты приказали, чтобы через полчаса все мужчины, чьи имена они называли, были готовы перейти в другой эшелон. Многие начали протестовать против таких действий, ведь здесь у них оставались семьи, но их успокаивали, говоря, что по прибытии на место они снова встретятся. Вначале все этому тоже поверили, ведь в тесном, переполненном вагоне женщинам и мужчинам вместе было неудобно.

Только позже нам стало известно, что мужчин эшелоны увезли в Москву, где они предстали перед судом и каждому был прочитан приговор, на какой срок он осужден. Потом их отправили для дальнейшего размещения в лагерях принудительных работ.

Еще в последний момент перед отправлением поезда к нашему вагону подбежал чекист и прокричал имя моего отца. Его так и не нашли! Нам стало легче на сердце, так как мы думали и надеялись, что он, возможно, успеет спастись, останется в Латвии и таким образом поможет нам поскорее вернуться.

В ночь с 15-го на 16-е около полуночи мы выехали из Риги навстречу неизвестному будущему. Ночь была темная и жуткая. Без остановки лил дождь, грохотал гром, завывал ветер. Время от времени молния высекала на небе свои огненные узоры. То там, то сям в вагоне раздавались крики и рыдания. Было так безнадежно мрачно. Казалось, что вся Латвия этой ночью сотрясается в слезах и муках. Никто из нас этой жуткой грозовой ночью не сомкнул глаз. Прощаясь с Латвией, наши губы шепотом выговаривали ее имя – Л а т в и я! Эту страшную, мрачную ночь никто нас никогда не сможет забыть.

На пути в Сибирь

Рига – Даугавпилс – Великие Луки – Ржев – Москва – Щербаков – Ярославль – Иваново – Горький – Киров – Молотов – Свердловск – Челябинск – Курган – Петропавловск – Омск – Новосибирск.

Сначала ранним утром мы приехали в Даугавпилс. Поезд сделал короткую остановку. Люди шли и несли нам еду и питье. И хотя стражи не подпускали их, однако самые находчивые все же успели передать нам свои гостинцы. Среди желающих поддержать нас было много бабушек, которые умоляли, чтобы мы, Бога ради, взяли и не побрезговали их подношением.

Многие из арестованных писали записки и отдавали их чужим людям с просьбой передать их адресатам. Другие свои написанные записки выбрасывали на ходу из поезда. В них они описывали наше положение и предупреждали оставшихся от подобного несчастья. Были записки и такого содержания: «Отомстите за наше унижение и мучения!»

Когда выехали из Даугавпилса, многие люди стояли у железнодорожного шлагбаума и, плача, махали нам на прощание платочками. Белые платочки и грустные лица стали для нас последним приветом родины.

Сразу же после пересечения границы Латвии мы увидели иной мир, который совсем не был похож на Латвию. Развалившиеся лачуги без крыш посреди безлюдных просторов, неприглядные, по большей части заброшенные домишки заставили нас содрогнуться, так как показалось, что нам в таких придется жить.

В Великих Луках, где мы получили первый обед, я под конвоем пошла за едой.

Через Москву мы проехали ночью, поэтому город мы так и не увидели. В месте следующей стоянки, в Щербакове (бывший Рыбинск), нам дали рыбную похлебку и компот. Мы даже и не мечтали, что нас будут кормить такими деликатесами.

Некоторые станции мы проезжали по ночам, однако за едой мы все же могли идти. Иногда получали подгоревшую пшеничную кашу. Хлеб нам давали формовой, очень соленый, но со временем мы привыкли. Кроме того, у нас еще были взятые из дома запасы хлеба и другой еды, поэтому на голод мы не жаловались.

Дальше в пути нам встречались эшелоны с высланными из Литвы и Эстонии. И в окнах их вагонов мы тоже видели лица только женщин и детей.

Очень медленно двигались вперед, потому что из средней части России и из Сибири нам навстречу шли бесчисленные эшелоны с вооруженными войсками. Они отправлялись в Европу. Мы не могли понять, что это могло означать. Судили по-всякому. Мол, они едут, чтобы пополнить размещенные в странах Балтии войска, или – чтобы участвовать в акциях высылки. Высказывали разные версии, все с большим интересом ожидали, как будут дальше развиваться события. Поскольку главная железнодорожная линия была перегружена составами с войсками, нас везли по подъездным путям. Мы понимали, что в пути придется провести немало времени. Нам часто приходилось останавливаться и довольно долго ждать.

Когда мы проезжали через Ярославль, нас впервые за все время пути выпустили из вагонов. Здесь поблизости был небольшой пруд, в котором мы смогли помыться. Здесь же встретили знакомых из других вагонов.

В дороге от непривычных, ужасных условий умерло много маленьких детей и младенцев. Их выносили из

вагонов и закапывали где-то рядом с железной дорогой.

Труднее всего было с водой. Часто после сильно пересоленной еды нас мучила страшная жажда. Иногда мы получали чистую воду, но чаще всего нам приносили грязную, желтую, зачерпнутую там же из придорожной канавы. Воду нам приносил один русский преступник, которому доверили эту работу. Он был такой голодный, что с жадностью принимал предлагаемый нами хлеб и другие продукты.

Приближались к Горькому. Здесь было много болот и торфяников.

Затем въехали в Киров, где в наш вагон посадили еще десять человек. Сейчас снова стало неудобно и тесно.

В других вагонах только сейчас отделили мужчин, переместив их в отдельный эшелон, на котором их увезли в места отбывания наказания в Вятской и Соликамской области.

Довольно далеко за Молотовым мы увидели большие Уральские горы. Я восхищалась этой дикой, прекрасной природой, скалистыми горами. Местами видны были небольшие домишки с возделанными огородами. Время от времени за окном мелькали озера, еще проезжали мимо речки, которая текла среди горных камней. Кое-где склоны горных хребтов поросли хвойными лесами: соснами, елями, но встречались и лиственные леса. На одной горной станции истощенные, бедно одетые русские женщины принесли к нашему поезду запеченное молозиво, которое предлагали нам обменивать на хлеб. Деньги они не брали. Говорили, что на них ничего не купишь: здесь все очень дорого. Мы им

отдали весь хлеб – он нам совсем не нравился. Знали, что на следующей станции снова его получим. Хлеб у нас остался. Но запеченное молозиво сначала нам совсем не понравилось. Раньше мы такое никогда не ели: оно было очень жирное, с густыми, коричневыми сливочными пенками. Позже молозиво нам пришлось по вкусу.

Двери вагонов уже разрешали держать слегка приоткрытыми, поэтому мы могли наблюдать за мелькающими мимо пейзажами. За два дня мы пересекли Урал. Переехав через Уральские горы и границу Европы и Азии, мы оказались в большом железнодорожном узле Свердловске, в котором сходятся железнодорожные линии как из Европы, так и из Азии, с севера и юга, а также с запада и востока. Свердловск – это самый большой уральский город.

Очень, очень хотелось узнать о том, что происходит в мире, о политической ситуации и, конечно, почему в Европу едет так много поездов с военными и вооружением.

Но что-то узнать было просто невозможно. И все же мы надеялись, что в этом большом городе появится хоть какая-то ясность.

Это было в самый Янов вечер, когда неподалеку от нашего вагона стоял один железнодорожник и читал газету. Мадам Э. бросила ему коробочку папирос и попросила, чтобы за это он бросил нам газету.

Сначала он был очень замкнут и не хотел ни с кем общаться, но при повторной просьбе все же скомкал газету в виде шарика и ловко бросил ее через решетку вагонного окна.

Жадными глазами мы читали газету, на первой странице которой стоял заголовок большими буквами о том, что

22 июня 1941 года началась война между Германией и Советским Союзом. Эта новость была первой радостной вестью, которая позже стала надежным основанием для наших слабых надежд. Мы непрерывно говорили об этой новости, обсуждали ее и делали разные выводы. Появились даже такие дерзкие мысли, что наш эшелон в этом случае могут направить назад. Эта радостная весть распространилась быстро. Во многих вагонах уже начали праздновать Янов день. И у нас зазвучали Яновы и другие народные песни. Мы ликовали и рассуждали о том, как будем спасены, но – эшелон не двигался, все еще стоял... Фанфары войны протрубили, однако мы были уже далеко в России.

Из Свердловска поехали на юг, чтобы освободить дорогу войскам, которые все еще огромным потоком двигались в Европу.

На изгибах дороги через дверную щель мы видели, каким длинным был наш эшелон. Наш вагон находился в середине эшелона, а за нами тянулась бесконечно длинная череда вагонов. По прибытии в Челябинск русские женщины продавали нам вкусный клюквенный сок и русские пироги.

Миновав Курган, мы приближались к Петропавловску. Стали пропадать горы, началась низина с обширными, высохшими степными просторами, что нам казалось весьма необычным. Нигде не было видно ни домов, ни людей. И лесов не было. Местами были разбросаны невысокие, редкие кустики. И все эти просторы покрывала сухая степная трава.

День и ночь зарешеченный эшелон с высланными катился по Сибири. Бесконечные пустоши, бесконечные

леса, бесконечный одноколейный железнодорожный путь – и наша бесконечная дорога...

Где закончится наш путь в ссылку и начнется обреченность на уничтожение?

Особенно по вечерам, когда солнышко закатывалось как красный огненный шар, бросая багровые отблески на наши лица, становилось невыразимо грустно и тягостно... Луна, проплывая над тихой степью, излучала холодный свет... И снова наступала ночь с мрачной тьмой и тишиной. Эшелон ехал все дальше и дальше, день за днем. Казалось, что конца нашему пути не будет никогда. Когда въезжали в какой-нибудь город, на душе сразу становилось легче, чем когда путь лежал через степи и пустоши.

С каждым километром все дальше въезжали в Сибирь. И – все мрачнее становились наши мысли. Возродившиеся в Свердловске надежды снова стали таять.

Ночью въехали в Омск, где получили пшеничную кашу и творог с изюмом. Мы провели уже три недели в пути, но все еще ехали и ехали. Когда приближались к следующему городу, нам велели приготовиться, мол там нас будут высаживать. Беспокойство возрастало с каждым часом, потому что ходили разные слухи, например, что сейчас детей разлучат с матерями и поместят в детские дома, то есть, в приюты, а матерей пошлют на работы.

Сложили в большие мешки наши одеяла и подушки, собрали и остальные вещички. Сидели в неведении и ждали, что с нами сейчас будет. Наконец приехали в Новосибирск, столицу Сибири. Здесь двери вагонов открыли и всех выпустили наружу. Затем прозвучал

приказ со всеми вещами отправляться на баржу, чтобы на ней отправиться еще дальше – в сибирские деревни.

На барже по Оби

Нас привезли к небольшому причалу, у которого уже стояла огромная баржа – на таких по сибирским рекам перевозят разные грузы. Сам причал тоже был построен и оборудован на старой барже, поэтому вначале мы не поняли, на которую из них нам надо заходить.

Перенесли свои вещи из вагонов на баржу и разместили их в указанных местах. Здесь нас рассадили в том же порядке, в каком мы были в вагонах, – чтобы легче было найти нужного человека. Как только мы оказались на барже, власть охранников над нами утратила свою силу.

Широкая, крутая лестница вела в трюм баржи. Указанные нам места находились в носовой части баржи. Всех людей из нашего эшелона разместили на этой барже. На другом конце баржи находился раньше привезенный эстонский эшелон.

При необходимости подняться на палубу баржи приходилось с трудом пробираться к лестнице, протискиваясь сквозь толпу сидящих вплотную друг к другу людей, переступая через спящих и их вещи. Хуже всего было тем, кто оказался ближе к лестнице – им все время мешали и не давали покоя. У причала можно было закупиться. Здесь продавали сметану, творог, русские пироги с начинкой из капусты с яйцами и даже мороженое. Мы также купили несколько кружек и тарелок, которые забыли взять из дома.

Подошли новые эшелоны, которые ехали за нами. Людей тоже согнали на баржу. Теперь здесь было уже четыре эшелона: три латышских и один эстонский. На барже мы чувствовали себя свободнее, чем в поезде. На большой палубе можно было погулять. Здесь мы не были изолированы четырьмя стенами вагона, а находились все вместе. Большая толпа придавала уверенности. В подъезжающих эшелонах встречались знакомые.

Когда всех разместили на барже, ее стал тянуть большой буксир.

Правда, спать на барже было намного хуже, чем в вагоне: там хотя бы у каждого было свое место на нарах, здесь же все зависело от того, сколько места ты успел занять со всеми своими вещичками. Поэтому спать приходилось скрючившись. Ноги вытянуть было невозможно: они тут же упирались в чью-нибудь голову. Из-за сна в такой позе ночи были мучительно долгими. И такую еду, какую нам давали в поезде, мы тоже больше не получали. Здесь нас регулярно кормили прокисшим капустным варевом с прогорклым растительным маслом. Это вариво практически никто не ел, разве что только те, у кого не было с собой домашних продуктов. И хлеба давали меньше, чем в поезде.

Однажды нам довелось пережить несчастный случай. Мы сидели на своих пожитках и обедали. Вдруг из палубного люка на нас сверху упала молодая женщина. Указанное нам место находилось прямо под люком. Женщина была пьяна, держалась на ногах нетвердо и свалилась в открытый люк. Больше всего пострадала бабушка и младшая сестренка. У бабушки еще долго болела голова от полученного сильного

удара. У сестрички появился синяк рядом с глазом. Вся купленная посуда разбилась, в том числе, банка с маслом. Пришлось масло топить и процеживать через марлю, чтобы очистить от осколков стекла.

Почти весь день мы, молодые, проводили на палубе, бабушка же оставалась внизу с вещами. Она не хотела подниматься по крутым ступеням и мучиться, пробираясь к лестнице.

Нам казалось странным, почему наши сопровождающие не боятся, что мы можем сбежать, ведь на барже не было ни одного охранника, кроме чекиста-офицера, которому следовало доставить нас в указанное место. Однако, если поразмыслить, возможность побега была практически нереальной. Позже ходили слухи, что в пути несколько молодых людей, узнав о начале войны, сумели сбежать и добрались до Латвии.

Мы плыли по великой сибирской реке – Оби. Баржа медленно скользила по течению на север. Через несколько дней пути мы заметили, что за нами следует большой белый пароход. Поговаривали, что нем, якобы, находятся, отделенные в поезде мужчины. Когда пароход подошел поближе, мы увидели на нем много женщин и детей, а также несколько молодых мужчин. Это были те, кто недавно достиг совершеннолетия. Позже их отобрали и увезли. Белый пароход приблизился к барже, и теперь оба шли рядом.

На пароходе разместили один эшелон латышей и один – эстонцев. Здесь тоже встретили знакомых. На судовой кухне можно было купить продукты: их так быстро раскупили, что всем не хватило.

Помню один красивый летний вечер. Была теплая, хорошая погода. У некоторых латышей, а также у эстонцев с собой были аккордеоны и скрипки. Они на скорую руку составили оркестр. Над баржей плыли веселые звуки латышской музыки. Молодежь стала кружиться в танце... Это было так странно: слышать мелодию вальса «У моря янтарного» над широкой Обью. А жизнерадостные молодые люди, еще в своих лучших нарядах, кружились в вихре танца. В молодости беды не гнетут так долго, как в старости. Увы, для очень многих этот странный танец в красных отблесках заходящего солнца на широкой Оби стал последним...

Но этого тогда еще никто не знал, более того, даже представить не мог, сколько латышских парней и девушек скоро лягут в чужую землю.

Но вместе с радостью танца было так страшно... Везде вокруг взору открывались картины дикой, мрачной природы. Обь – одна из самых широких в мире рек, и здесь она демонстрировала нам свою мощь. Местами она была такая широкая, что мы не могли разглядеть берегов. Казалось, что плывем по морю. Особенно весной Обь разливалась так сильно, что выходила из своего обычного русла, заливая низкие берега. На крутых берегах росли деревья. Фруктовых садов мы не видели. Зимы, наверно, здесь очень холодные. Проехав сотни километров, мы не видели ни одного дома, ни одной деревни. Все такое мрачное и жуткое, а мы, скользя по реке, все глубже погружались в этот угрожающий гибелью мир. Мы начинали понимать, что нас намеренно увозят все дальше от любого сообщения, лишая, таким образом, возможность бежать и возвратиться на родину.

Нас превращают в груз, не имеющий ценности

Мы уже целую неделю плывем по реке. На барже из-за ужасной тесноты невозможно было ни поддерживать чистоту, ни избежать заразных болезней. Было констатировано несколько случаев заболевания тифом. Никакой врачебной помощи не было. И изоляции тоже – из-за отсутствия свободных помещений, где можно разместить заболевших. Больные лежали рядом со здоровыми, страдая от лихорадки, в невообразимой нечистоте. С большим нетерпением ждали, когда же нас, наконец, высадят где-нибудь на берег, иначе все мы неизбежно заболеем этим страшным недугом. Положение становилось все более серьезным.

На берегах реки то тут, то там стали появляться домишки, запущенные деревушки с маленькими бедными лачугами. В одном месте крашенные синие ступеньки вели наверх, к серой деревеньке на крутом берегу. Позже узнали, что на самом деле это город Колпашево. Комендант нашей баржи, чекистский офицер, перебрался с баржи на подъехавшую небольшую рыбацкую лодку. Он сошел на берег и по лестнице поднялся наверх. Возвратившись, он сообщил что верховный комендант не хочет нас принимать. Это нас глубоко оскорбило и унизило. Вот, нас изгнали из родных домов, с родной земли, увезли далеко на чужбину, а здесь нас возят как рабов, предлагая нищим русским деревням приютить нас, иначе нам придется остаться под открытым небом.

Отправились дальше. На следующий день причалили у небольшого поселка Парабели. Белый пароход пошел дальше, на север, в Шпалозавод.

К нашей барже подошло несколько барж поменьше. Нас

стали вызывать в том же порядке, в каком мы были в вагоне, потом распределили по маленьким баржам, которым предстояло доставить нас дальше в колхозы. Часть оставили здесь же, в Парабели. Как позже узнали, им повезло больше всех.

Немногих мужчин, которых оставили в нашем эшелоне и у которых не было семей, посадили на одну маленькую баржу. Их увезли на большие лесопилки или еще куда-то. Среди них было и несколько весьма известных латышских общественных деятелей, таких, как Динсбергс, Спилва, Дамбекалнс. Все они сердечно попрощались с нами, остальными латышами. Наша семья оказалась на другой маленькой барже вместе с другими людьми из нашего и ближайших четырех вагонов.

Когда все вещи с большой баржи были перенесены на меньшую, мы продолжили путь. При расставании с остальными латышами снова стало грустно. Все это время мы держались вместе и чувствовали себя как одна большая, сильная семья, которая помогает легче пережить беды и невзгоды. А сейчас нас разлучили, разбили на мелкие части. Таким образом нас, латышей, рассеяли мелкой пылью по необъятной России.

Наша песня становится все грустнее

Был хороший, тихий летний вечер. Мы еще слышали грустную мелодию песни «Вей, ветерок», которую пели оставшиеся. Отзвуки песни становились все тише, пока не погасли совсем.

Нашу баржу тянул маленький парходик. Баржа была покрыта досками, которые защищали нас от ветра и дождя. Штурман нашей баржи – лоцман – был старичок с длинной,

белой бородой. Он не умел ни читать, ни писать, но реку он знал так же хорошо, как стены своей родной избушки. Он был очень сердечный и разговорчивый. Позже выяснилось, что он тоже был латыш. Когда он был совсем маленьким мальчиком, его родители переехали в Россию. Родители здесь умерли, и он остался один. Поэтому, проведя всю жизнь в России, он совсем забыл латышский язык. Мы все были сильно поражены тем, что здесь, в далекой Сибири, нам встретился латыш давно минувших времен. Позже нам еще доводилось встречать латышей, которые здесь жили еще до Первой мировой войны.

Когда мы сходили с баржи, старичок-латыш, прощаясь с бабушкой, подарил ей кусочек сахарной головы.

Мы плыли день и ночь. На следующий день из широкой Оби мы зашли в ее приток Парабель. Чем дальше мы плыли, тем уже становилась река. Мы тихо сидели на своих вещичках в ожидании того места, где нам предстоит угасать.

После обеда наша баржа причалила у маленькой деревеньки Петкуль. С баржи на берег перебросили длинную доску, по которой нам предстояло перебираться на берег. Труднее всего пришлось тем, у кого были большие, тяжелые вещи. Некоторые под тяжестью чемоданов упали в воду и основательно промокли. Как только мы выгрузили с баржи все вещи, она тут же отчалила. Составу одного вагона приказали оставаться здесь же, в деревне Петкуль. За ними приехали две подводы. Составам трех остальных эшелонов, в том числе, и нашего, велели дожидаться, пока из определенных колхозов приедут подводы за нашими вещами.

Людей из второго вагона направили в деревню Покровку, из третьего – в Малый Чигас, а из нашего – в Большой Чигас.

После проведенного в дороге месяца наши ноги наконец коснулись земли. 19 июля 1941 года мы въехали в колхоз Большой Чигас, который находился в Парабельском районе Новосибирской области, примерно в 6000 километров от Латвии.

В колхозе Чигас

Вскоре и мы дождались своих подвод. Сложили вещи на повозки, на них усадили нашу бабушку, которая была слишком слаба, чтобы идти пешком восемь километров до деревни.

Дорога была ужасная. Она шла через болотистую местность. Поскольку в предыдущие дни шел сильный дождь, дорога была залита водой. Местами попадались такие лужи, что колеса в них утопали до самых ступиц. Пришлось снять обувь и идти босиком. Мы не привыкли ходить без обуви, поэтому продвигались вперед медленно, постоянно натываясь на палки и сучья, которых здесь было бесконечно много. Подводы заваливались то в одну, то в другую сторону, и бабушка с большим трудом удерживалась на возу. Тощие, изможденные лошаденки едва-едва тащили огромные повозки с вещами. В лесу, через который мы шли, было так много комаров, что мы с облегчением вздохнули, когда оказались в поле. Проехали через нищую деревеньку Покровку. Здесь остались люди из второго эшелона. Через пару километров мы добрались до Большого Чигаса. Здесь нам предстояло поселиться.

Из всех окон домов на нас смотрели любопытные глаза. Подвода остановилась у одного большого здания. Это была школа. В школе были две большие комнаты и одна поменьше, большая кухня и прихожая. Вот туда мы и внесли свои вещи.

Все разместились в двух больших комнатах. Расстелили на полу одеяла и улеглись спать, потому что очень устали.

Большой Чигас находился на пригорке. С одной стороны его окружал приток Парабели, за которым простирались непроходимые чащи лесов. С другой стороны были поля, луга и пашни.

Как-то начали привыкать к жизни в школе. Это был самый большой дом в деревне, причем недавно построенный, с большими окнами и высокими потолками. У школы был небольшой огород. Русские каждый день приходили посмотреть на нас. Наш приезд был для них большим событием. Никогда в своей жизни местные жители не видели так хорошо одетых людей, поэтому они не только разглядывали нас, но и хотели потрогать. Сами они были одеты в серые лохмотья. Однажды к нам неожиданно приехал так называемый комендант. Он выдал всем взрослым справки, которые заменяли паспорта – на 20 лет. Позже он стал приезжать к нам каждый месяц, чтобы регистрировать нас и проверять, не сбежал ли кто.

Деревенский староста распорядился, что до определенной даты мы должны покинуть помещение школы и найти жилье у деревенских жителей.

Покинув школу, мы, латыши, стали еще разобщеннее. В последний прощальный вечер мы собрались все вместе,

пели наши народные песни и предавались воспоминаниям о далекой родине. Было так невыразимо грустно...

Небольшие семьи довольно легко нашли себе пристанище. Нам, пятерым, пришлось нелегко, поэтому нам разрешили еще какое-то время оставаться в школе. Из-за непривычной еды и плохой воды наша бабушка заболела дизентерией, Она долго страдала от этой болезни и совсем ослабела. Казалось, что она не перенесет недуга, но потом пошла на поправку, хотя медицинской помощи не было никакой.

Пристанище у русских

После долгих поисков, наконец, удалось найти квартиру у одной доброй русской женщины. Нас было девять человек в одной маленькой комнатенке, в которой нам отвели небольшой уголок. Жизнь наша была непривычной и неудобной. Деревенские русские со временем осмелели, и уже с раннего утра стояли у дверей комнаты, чтобы посмотреть, как мы одеваемся и что едим. Лето здесь было более жаркое, чем в Латвии, а в жаркие дни воздух был заполнен роями мелких мушек – «мошкаррой», которая, высасывая кровь, лезла под одежду, в уши, ноздри. Все это изматывало и причиняло сильную боль.

Взятые с собой продукты закончились, мы начали менять одежду на питание.

Сначала нам давали по килограмму хлеба на человека. Сейчас уже нет. Нас заставляли вступать в колхоз. Пока мы не хотели связываться с колхозами, так как слышали,

что выбраться из них очень непросто. Пошел снег, а мы все никак не хотели принять горькую правду, что нам здесь, в колхозе, придется провести еще и долгую, суровую зиму.

Чувствовали себя перелетными птицами, которые должны немедленно улететь, чтобы не замерзнуть суровой зимой. Но приходилось с болью подавлять в себе все чувства, тоску по далекой родине и готовиться принять то, что нас ожидало.

Зима здесь суровая и долгая – она длится восемь месяцев. Временами бушуют сильные бури с метелями. Их называют буранами. Нам тоже однажды довелось оказаться в такой метели. Мы шли в расположенный в восьми километрах поселок Чигар, чтобы обменять на продукты оставшуюся одежду. На обратном пути на лесной дороге нас застигла буря. В лесу мы ее еще по-настоящему не почувствовали, но когда оказались в поле она валила нас с ног. Дорогу занесло, идти было трудно, а мы были увешаны мешками с мукой – за одно шерстяное платье мы получили целый пуд муки грубого помола. Хорошо, что до дома уже было недалеко. Наконец, мы до него добрались. И только тогда разыгралась настоящая буря.

Иногда ходили в гости к своим землякам. У одного украинца, у которого тоже жили латыши, был патефон. Когда мы приходили, он охотно ставил его на стол и разрешал нам самим его заводить. Правда, у него были только две пластинки с танцевальной музыкой. Здесь мы проводили не один час, слушая музыку и вспоминая родину. Всю зиму мы испытывали большое беспокойство, ожидая, что нам принесет весна 1942 года. В деревенской

газетке, которая к нам попадала довольно редко, читали, что немецкая армия стремительно занимает и оккупирует большие области России. Медленно приближалась весна. Наша хозяйка отказала нам в жилье. Другая русская женщина сдала нам будку, обустроенную в хлеву. Будка была в плачевном состоянии, она нуждалась в ремонте.

Мы активно взялись за дело. Прежде всего надо было вынести большую кучу навоза, нижний слой которого еще оставался замерзшим и потому практически неподъемным. Навоз вынесли за пару дней. Ладони сплошь покрылись мозолями и неприятно саднили. Крыша насквозь прогнила, ее следовало покрыть заново. Из леса принесли самые прямые деревья, обтесали их и положили на балки перекрытия. Поскольку досок не было, потолок выровняли берестой. В лесу были тучи комаров и мошкар, которые доставили нам немало мучений, пока мы не отодрали нужное количество бересты. Бревна на потолке покрыли мелким хвостом, сверху положили бересту, а на бересту высыпали толстый слой песка. Песок покрыли дерном, и крыша была готова. Потом мы сделали глиняную замазку, которую бросали на стены, а глиняные комья выравнивали и приглаживали дощечкой.

Оставался самый важный вопрос – сложить печку. Где взять кирпичи? Не оставалось ничего другого, как попытаться изготовить их собственными силами. Раздобыли большое корыто, в нем размешали глину, белый песок и конский навоз с водой. Все эти материалы приходилось искать и носить издалека. Навоз собирали как на дороге, так и в колхозном хлеву. Все брошенные в корыто материалы смешивали и мяли ногами, пока смесь не стано-

вилась равномерной, пригодной к использованию. И тогда эту смесь мы выкладывали в формы, придавливали и опрокидывали на доски. На солнце кирпичи становились ровными и твердыми – как настоящие.

Намяли несколько корыт, пока получилось столько кирпичей, сколько нужно было для изготовления печки. Один русский старичок сложил нам большую «русскую» печку за 150 рублей.

Вырыли мы и небольшой погреб. Не хватало досок и для пола, и для другого. Пошли с Л. их искать. Сходили в колхозную конюшню. В обеденное время там никого не было. Никем не замеченные, мы проникли в конюшню. Со стен, загородок и с других мест мы отодрали слабо прикрепленные доски и выбросили их через маленькое окошко со стороны реки. Затем спустили их вниз с крутого берега реки и принесли к нашему хлеву. Здесь мы как следует почистили и отмыли доски, распилили на нужную длину и настелили себе пол. Оставшиеся доски использовали для дверей и окон, но не было стекол. Что делать, пришлось снова идти с Л. – на этот раз в наше прежнее жилье, в школу. Все колхозники были в поле, и нам никто не мог помешать. Со стороны леса подобрались к окнам, отогнули маленькие гвоздики наружных окон и вынули стекла. Спрятав стекла под одеждой, принесли их к нашему дому и застеклили окна. Наконец, вычистили комнатку и перебрались со всеми вещами сюда – в новый дом.

Жизнь в хлеву и заботы о хлебе насущном

Здесь мы чувствовали себя лучше, чем в предыдущем месте, потому что за каждым нашим шагом не следили любопытные взоры русских.

С наступлением лета нас заставили ходить на колхозные работы. Правда, ходили мы нечасто, ведь самое большое, что могли заработать, это 300 граммов хлеба в день. Мы предпочитали собирать ягоды и грибы.

Иногда купались в речке Парабели. Она была сильно заросшая, и в ней водилось много пиявок. Они присасывались и впивались в тело.

За рекой начинались огромные леса, там вообще не было дорог. Наверно, никто даже не пытался пробраться сквозь них. Даже местные не знали, что находится за ними.

На опушке у просеки росла земляника – большая и сладкая. В зеленой траве березовой рощи она выглядела как россыпь красных пуговиц. Это было самое красивое место в колхозе. Через рощу протекал ручеек. Весной на берегу ручейка росли душистые фиалки и сморчки – ранние грибы. В большой лес идти за грибами было опасно – можно было очень легко заблудиться.

В этих вековых лесах огромные деревья, которых не касалась рука человека, спокойно проживают долгую жизнь, истлевают, ломаются под сильными порывами ветра, покрываются мхом и лишайником, и в конце концов вырастают в траву.

Однажды нам довелось войти поглубже в лес, так как на опушке все грибы уже были срезаны. Опушка была на пригорке, а дальше был лес, который опускался в долину. Здесь тайга была еще гуще, еще мрачнее. В чаще сквозь ветви едва

проблескивало синее небо. Редко когда здесь раздавалось щебетанье птиц. Только время от времени издалека доносилось кукование кукушки. Было страшно и неприятно, поэтому мы сразу же бросились бегом из чащи.

Если же кому-то, кто не был знаком с окрестностями и слабо ориентировался на местности, приходилось забрести в лес поглубже, то без посторонней помощи он пропал бесследно и навсегда. Когда с кем-то из жителей колхоза случалась такая беда, тут же объявляли тревогу. Все колхозники шли искать пропавшего. Бесперывно постукивали подвешенным лемехом как колокольчиком, чтобы заблудившийся мог сориентироваться по звуку. Правда, нередко позвякивание невозможно было слышать из-за сильного ветра.

За малиной ходили в другую сторону, за хлебные поля. Малина, черная и красная смородина росли в кустарниках вдоль края полей и вытягивались на большую высоту. Росли ягодники и в тайге. Кое-где мы находили бруснику, чернику и морошку. Особенно много этих ягод было у старого развалившегося сарая за хлебным полем. В самых сырых местах также водилось много змей.

В березовых рощах мы срезали мелкие березовые веточки и вязали из них веники. Здесь было много комаров, которые нас ужасно донимали. Засушенными березовыми вениками зимой кормили истощенных колхозных овец.

Пришло время дергать лен. Нормы по дерганью льна были очень высокие. Их никто не мог выполнить. В зависимости от выполнения нормы получали и хлебный паек. Сначала работа нам казалась трудной, ведь мы

никогда ничего подобного не делали. Однако позже привыкли. Если попадался хороший, чистый лен, то работа спорилась неплохо.

После уборки хлеба нужно было идти собирать колоски. Потом наступало время, когда копали картошку и убирали овощи.

В тайге также росли многие растения, пригодные в пищу человеку. Одно из них – колба – было похоже на наш ландыш, но по вкусу напоминало чеснок. Его даже на рынке продавали. Русские заготавливали колбу на зиму – мелко нарезали и замораживали в каком-нибудь судочке, где она хранилась всю зиму.

По словам русских, их привезли сюда, чтобы строиться и начинать новую жизнь. Многие от голода заболели цингой. Поэтому они варили и ели разные травы. Особенно они заметили эту колбу, которой исцелились от цинги. С тех пор колба была у них в чести. Мы тоже ходили собирать колбу. Весной она была мягкая и сочная, а летом становилась твердой и невкусной. Но колба с хлебом и солью была очень вкусной. Было и такое растение, которое напоминало морковку, только с корешком помельче. Среди растений было много и очень ядовитых.

Наступил мой 15-й день рождения. Мам испекла из грубой муки маленький кренделек и сварила кофе. Нам приходилось все труднее, потому что вещи для обмена на продукты уже были на исходе, да и наша хорошая одежда уже позволила русским хорошо одеться, кроме того, они жили так бедно, что и менять им было нечего.

Снова пришла осень. Нужно было подумать, как

приготовиться к суровой зиме. Нанесли много соломы, которую плотным слоем уложили вокруг стен нашего домика, чтобы защитить его от пронизывающих ветров.

Еще поздней осенью мы ходили за грибами. За грибы можно было получить деньги и хлеб. Грибы собирали в далеком чигасском лесу – там же росли орехи. Это был большой лес. Главным образом здесь росли пихты – кедровые деревья, в шишках которых было много мелких орешков. После ветра и сильных бурь земля была усыпана осыпавшимися кедровыми шишками. Мы их собирали, несли домой, где из шишек выбивали орешки, обжаривали их на сковороде и ели. Орешки были маслянистые и очень вкусные.

Русские умели изготавливать жевательную резинку. Ее пекли из лиственничной смолы и тоже продавали на рынке. У этой жвачки был горьковатый вкус, и жевали ее все – и старые, и молодые.

У многих пихт были пробурены желобки, по которым стекала смола. Собранную смолу отправляли на дальнейшую переработку.

Зима в колхозе

Зима пришла с сильным холодом и частыми снегопадами. Маленькие домики утопали в глубоких сугробах. Началась такая метель, что из окна ничего не было видно, кроме снежных вихрей. Вдоль стен домика с завываниями разгуливал ветер. У дверей намело огромные сугробы. Приходилось изо всех сил разгребать снег, чтобы выбраться наружу. Постоянно стояли 40-градус-

ные морозы. Эта зима обещала быть намного более суровой, чем предыдущая.

У нас закончились запасы дров. Волей-неволей пришлось идти в лес заготавливать и возить дрова.

На улице от холодного воздуха сразу перехватило дыхание, а на глазах выступили слезы. Снег громко хрустел под ногами. Воздух был наполнен белым туманом, который днем покрывал солнце, а ночью – звезды. Деревья стали белыми от инея. Бесперывно падающие мелкие снежинки ложились на деревья, землю, замерзшие озера и реки. Тайга за рекой выглядела как волна белой пены. Время от времени на морозе потрескивали крыши поселковых домов. Деревья были белыми от верхушек до самой земли. Как большие, пышные ледяные цветы они стояли, сцепившись друг с другом заиндевевшими ветвями.

Брови и ресницы сразу становились белыми от инея. Было даже трудно дышать, однако, делать нечего, приходилось браться за работу. Снег в лесу доставал нам до пояса. Мы присмотрели самые прямые и толстые деревья, спилили их, а потом стволы распили на короткие чурбаны и вытащили на тропинку. Пилить вначале тоже было трудно – никто из нас толком не умел этого делать, но когда приспособились, работа пошла. Погрузили бревна на сани и, упираясь, потащили их домой, где, распилив, раскололи их на дрова. Чурбаны так замерзли, что раскалывались с сильным треском.

Еще мы ходили в березовую рощу за полями, где тоже искали сухие дрова. Домой вернулись совсем замерзшими. И одежда наша не подходила для того, чтобы идти в ней

на морозе в лес пилить дрова. У нас не было теплых, высоких валенок, поэтому, чтобы снег не пробивался сквозь чулки, ноги выше колен обматывали полотенцами. Наш ветхий домишко тоже невозможно было протопить как следует. Потолочные бревна, дверные косяки и подоконники побелели от инея. Оконные рамы покрылись толстым слоем льда, поэтому в комнате царил полумрак. Мы стояли съежившись и плели рыбацкие сети, за которые нам давали немного хлеба и денег. Кроме того, приходилось постоянно латать собственные лохмотья, чтобы они окончательно не развалились.

Долгими зимними вечерами мы рано ложились спать, чтобы лишний раз не жечь свет. Тем более что маленькая керосиновая лампочка без цилиндра еще и сильно коптила. Лежа, мы рассказывали разные истории и события, пока не засыпали. По вечерам перед сном забирались на крышу нашего домишки, чтобы кусками бересты и кирпичами заткнуть трубу и таким образом сберечь тепло в домике.

В нашем маленьком подвальчике под полом замерз картофель. Но мы его все равно ели – сладковатый, с неприятным привкусом. Картофельную кожуру натирали и пекли лепешки.

Иногда получали письма от знакомых, которые находились в Красноярском, Каргасокском и Парабельском районах. Письма нам приносили печальные новости. Зимой первого года многие наши соотечественники не вынесли суровых условий и скончались, особенно много среди них было пожилых людей и маленьких детей.

Судьба двух поколений колхозников

Из нашей, а также из соседних деревень последними на военную службу призвали несколько совсем молодых колхозников. У нас снова появился повод подумать о том, что скоро придет конец войне, потому что эти колхозники в Советском Союзе считались ненадежными. В начале войны их не призвали, а теперь, как последние силы, отправляли на фронт. Эти колхозники, так же, как и мы, считались высланными «спецами». Перед октябрьской революцией они жили очень состоятельно, а потом их выгнали из дома и сослали в Сибирь. В Сибири их поселили в лесистой и болотистой области, которую им следовало застроить домами. Здесь они отдали последние силы и здоровье строительству домишек и расчистке леса.

Сначала строили самые примитивные домишки, позже – уже получше. Когда прижились, обзавелись коровами. Но как только они устраивались получше, их снова переселяли на новое место, где все приходилось начинать заново. Конечно, от такой бессмысленной перемены мест, нечеловеческих условий и работы очень многие погибали, а кто-то сводил счеты с жизнью.

Остальные, оставшиеся в живых, были превращены в подобие скота. Каждый день их выгоняли на тяжелую, трудную работу, которой они обеспечивали себе только самое необходимое для выживания. Поэтому, само собой разумеется, у них уже не было ни сил, ни желания жить так, чтобы повысить уровень своей жизни, ведь как только они достигали чего-то лучшего, все наработанное и построенное ими тут же разоряли и разрушали. К тому же сейчас их крохотные

участки и нищие халупы обложили несоразмерно высокими налогами. Кто не мог уплатить налоги, тем приходилось продавать свою коровенку, единственный источник дохода, а потом жить в нищете и при этом платить налоги.

Их дети болели малокровием и рахитом. Многие даже двух- и трехлетние малыши не были в состоянии ходить, потому что ноги не держали тельце.

Много детей умирало в раннем детстве. Однажды приехал какой-то чекист и приказал жертвовать на нужды армии или шубу, или валенки. Жертвовать должна была каждая семья. У многих этих вещей не было, поэтому они снимали с себя лохмотья и отдавали их. Кто не хотел отдавать, тех ругали и угрожали выгнать из дома. Потому не было ничего удивительного в словах призывников о том, что если они окажутся на передовой линии фронта, то сдадутся немцам.

В колхозе царили невообразимый хаос и нищета, но представить и понять весь ужас дремучего невежества, в котором до сих пор пребывает русский народ, способен только тот, кто видел все своими глазами. Казалось, что жизнь здесь опоздала на несколько десятилетий.

Смерть бабушки

Однажды вечером бабушка вышла из дома, поскользнулась на льду и сильно ушибла руку прямо у запястья. Вероятно, при падении разорвалась артерия, потому что кровь текла ручьем и лишь с большим трудом удалось ее остановить. Поскольку никакой медицинской помощи поблизости не было, пришлось обходиться домашними средствами. В рану попала грязь, и рука стала опухать.

Образовалась огромная шишка, из которой через некоторое время стал выделяться гной. Из-за отсутствия горячей воды и мыла невозможно было выстирать бинты.

Воздух в комнате нашего домика был тяжелый, появился запах гниения. Окно нельзя было держать долго открытым из-за сильного мороза. С трудом упросили дать нам колхозную повозку и отвезли бабушку за восемь километров к фельдшеру. Пришлось долго ждать, пока фельдшер принял бабушку на осмотр. Вскользь взглянув на рану и даже не спросив о ходе болезни, он выписал какую-то мазь. О состоянии раненой руки и дальнейшем ее лечении мы так ничего толком и не узнали. Со временем отек уменьшился, рука зажила. Но в поврежденном месте у запястья рука высохла и стала вдвое тоньше.

После этого падения бабушка уже не оправилась. С каждым днем она чувствовала себя все хуже, сильно ослабела и начала жаловаться на острую боль в почках.

Наступило 31-е марта. С утра она пожаловалась на большую слабость и боль. Ничего не ела. Даже с ложечки ее невозможно было ни покормить, ни напоить, потому что зубы были судорожно стиснуты. Говорила она еще вполне сознательно, но не могла четко произнести слова. Вечером ее пришла навестить добрая мадам К. и принесла клюкву – это было единственное, что бабушка поела. Ягоды ее взбодрили. Она даже начала ясно говорить и порадовалась посещению мадам К. Бабушка сказал, что мадам К. – добрый ангел, который пришел навестить ее в последний раз. После ухода мадам К. бабушка вздремнула. Но, проснувшись, она провела очень беспокойную ночь. К утру 1 апреля 1943

года сердце бабушки перестало биться.

Утром мадам Д. обмыла и обрядила бабушку. Договорились с плотником, который сделал гроб из некрашенных досок и крест. На кресте латышские парни выжгли имя, даты рождения и смерти бабушки. Из леса мы принесли еловые ветки и рябину, из которых сплели венки. Бабушку положили в гроб, а гроб поставили на две скамейки. Пришли провожающие, соотечественники из нашего и соседних колхозов. Спели несколько погребальных песен. Свечи в углах гроба погасли. Гроб поставили на повозку и отправились на кладбище, которое находилось неподалеку от колхоза. Погода была очень холодная, дул резкий ветер.

Латышские парни уже вырыли могилу. Рыть было очень тяжело: земля промерзла на несколько метров вглубь, поэтому пришлось применять ломы. В результате могила получилась довольно мелкой. Опустили гроб в могилу, потом один студент-теолог из соседней деревни произнес короткое прощальное слово. Каждый из нас бросил в могилу по пригоршне земли. Торопливо засыпали могилу, положили на холмик простые веночки и, попрощавшись с бабушкой, отправились домой, так как нас подгонял сильный мороз. Вот так мы проводили в последний путь одного из членов нашей семьи – и кто же будет следующим?

Отчаяние вынуждает маму и сестер собираться в путь.

Вскоре после бабушкиной смерти мама стала собираться в путь в ближайший городок Парабель, чтобы найти там какую-нибудь работу. Там можно было заработать не-

много больше, чем в колхозе. Я проводила их до границы колхоза. Жалко было смотреть на них, поникших, упавших духом. А Майечки на голове появилась болезнь, которую русские называли золотухой. Затылок был сплошь покрыт гнойными нарывами. Волосы, которые слиплись от гноя и в которых завелись вши, пришлось обрезать. Да и сама она была совсем худенькая и бледная.

Вторая сестра, Дзидра, тоже очень похудела. У нее все тело покрывали большие нарывы, которые гноились и сильно болели.

В некоторых местах дорога была затоплена, там приходилось брести босиком. Дзидре было очень трудно, потому что холодная вода, прикасаясь к нарывам, заставляла корчиться от острой боли. Вторую ногу, на которой было больше нарывов, она держала в ведре, и так, придерживая ведро рукой, она перешла воду.

У мамы на лице была апатия ко всему. Сможет ли она содержать сестер? Было бесконечно жаль видеть, что они все трое едва могут идти. У каждой в руке был узелок со скудным запасом из наших вещей. Спросила себя – смогут ли они преодолеть трудности 40-километрового пути? Я стояла на обочине дороги и смотрела им вслед, пока они не исчезли у меня из виду.

В нашем домишке нас осталось только трое. Чтобы защитить себя от возможных дальнейших напастей, мы посадили на отведенном нам участке земли картофель и овощи. Ходили в лес, рубили березы, потом пилили их, раскалывали и складывали поленницы, чтобы за лето они высохли и следующей зимой у нас были сухие дрова.

В одном углу нашего домишки провалилась крыша. Бревна стен совсем сгнили, а камней, чтобы подпереть их, не было. В окрестностях колхоза мы не видели ни одного камня. Правда, в полях и в лесу из земли торчали огромные валуны. Но нам они негодились, поэтому мы, как смогли, починили полуразвалившийся дом.

Постоянно приходилось думать о том, как добыть пропитание. Вместе с Д. ходили на ближайшее болото ловить лягушек. Л. брела в воде и ловила, а я их убивала палкой и складывала в мешочек. Наловив примерно дюжину, мы несли добычу домой, где обдирали лягушек, очищали и варили в укропной воде. Мясо напоминало куриное и на вкус было просто превосходное.

Однажды Л. поймала в мешке на своей кровати парочку мышей, которые устроили в соломе гнездо. Их мы тоже ободрали и поджарили. Такие приключения вносили немного разнообразия в наши серые будни.

Агитбригада и встреча с нищенкой времен октябрьской революции

Однажды мы пошли в клуб, где со своими выступлениями гастролировала прибывшая из Парабели агитбригада. К большому нашему удивлению, в середине одного стихотворения о Сталине члены агитбригады стали смеяться. Тогда на сцену поднялся их руководитель и при всех как следует отругал артистов.

На второй вечер в соседнем колхозе показывали короткую пьеску, в которой в издевательском виде был представлен

Гитлер, и колхозники восприняли это с большим восторгом. После выступления начались танцы. По вечерам колхозная молодежь обычно развлекалась тем, что собралась вместе большой толпой. Они ходили вокруг и под гармошку пели сочиненные самими колхозниками куплеты.

В соседней деревне Покровке был маленький магазин. Там можно было купить соль, спички и разные мелочи. Начальникам по ордеру выдавали одежду из хлопковой ткани.

Однажды по дороге в магазин вы встретили старую нищенку. Та, услышав, что мы говорим по-латышски, подошла к нам и заговорила на ломаном латышском языке. Она рассказала, что давно приехала в Сибирь вместе с охранниками.

Сначала жили хорошо, но после революции условия изменились в худшую сторону. Отца и братьев арестовали, мать умерла. Ей самой пришлось устроиться на плохо оплачиваемую работу, но по политическим мотивам ее уволили. Нигде на работу ее больше не принимали, поэтому она вынуждена была стать бродягой – нищенкой. Она долгие годы провела в скитаниях, питаясь подаянием и живя милостью других людей. Летом она находила кров в тайге, зимой же ютилась в каком-нибудь уголке, в который ее пускали добрые люди. Она уже привыкла к своей судьбе. В Сибири много таких бродяг. Особенно на юге, где климат теплее. Они ходят вдоль берегов рек, чтобы не заблудиться в бескрайних лесах. На берегах рек есть протоптанные бродягами тропинки, по которым она исходила большие расстояния по просторам Сибири. И сейчас она снова довольно бодро продолжила путь в своих обносках, с мешочком за плечами и посохом в руке.

Работа подростков в тайге

Нам в колхозе приходилось тяжело работать. Самая трудная работа была весной. Нужно было вскапывать землю под посадку картофеля. Лошади почти все пали от голода. Поэтому мы должны были копать землю вручную. Для каждого была установлена определенная норма, которую следовало вскопать за день. Это была тяжелая, однообразная работа. Руки покрылись мозолями, они лопались и ужасно болели.

Вечерами мы ходили на луг собирать бодяк, крапиву и корни сабельника, из которых варили похлебку. Хуже всего, если в доме не было соли. Ведь и так травяную похлебку мы могли проглотить с большим трудом.

Достать картофель весной тоже было большой проблемой. Купить его мы не могли, потому что у всех запасы картофеля закончились.

Неожиданно 27 мая 1943 года пришло известие о том, что латышей мобилизуют на работы в Парабели. Жалко было оставлять посаженный картофель, поскольку мы не знали, какой будет следующая зима. Стали собираться в дорогу. Мы надеялись, что, может быть, наше будущее место работы будет счастливее этого мрачного колхоза, где умерла наша бабушка.

В Парабели

Ранним утром мы выехали из колхоза. Пожитки всех латышей погрузили на две подводы. Латыши из соседнего колхоза тоже ехали вместе с нами. Прибыв в Чигару,

немного отдохнули и отправились дальше. Дорога по большей части петляла через лес, лишь изредка мы выезжали в поле. Неоднократно давали отдых лошадям, а заодно и отдыхали сами. К вечеру сильно устали. Женщины в годах попеременно сидели на подводах. Приехав в маленькую деревню всего в двух километрах от Парабели, решили там переночевать. Была теплая летняя ночь, вдалеке мерцали мелкие огоньки Парабели, издали доносились звуки музыки. Мы чувствовали себя очень усталыми, поэтому быстро уснули. Рано утром покинули деревню.

В Парабели встретили нескольких латышей. Парабель – небольшой городок на берегу речки Парабели. В городке были только одно и двухэтажные дома, а также электричество и радио. Подъехали к клубу, который разместился в церкви с поваленной колокольной. Здесь нам велели выгружаться. Съезжалось все больше и больше латышей. Приехало также много бессарабов. Они разместились в вестибюле. Всего нас здесь было триста человек. Народу набралось так много, что мы едва могли протиснуться к дверям.

На второй день мы сходили к маме на работу. Ее мы там не встретили. Хотела уже уходить, но я увидела, что из кухни для рабочих выходит наша Дзидра с кружкой в руке. Трудно было ее узнать – так она отошала, осунулась, стала болезненно бледной, с темными кругами под глазами. Ноги были в одних нарывах, на ней болталось зеленое зимнее пальтишко, голову прикрывала вязаная шапочка. Ноги были босые. В руке она держала кружку – «кринку» – без ручки. В кружке была жижа, в которой

плавало несколько кусочков соленых огурцов и помидоров. Вариво отвратительно воняло. Это была еда, которую в Советском Союзе не стеснялись давать рабочим на обед!

У сестры в руке была ложка, которой она жадно хлебала это варево. Она сказала, что один рабочий не берет свою обеденную порцию, а отдает ее им, таким образом у них получается больше.

Лицо сестры выражало отчаяние, горе, голод и унижение. Кое-как утолив свой голод, она накрыла кружку крышкой и сказала, что оставшееся отнесет Майечке, которая с нетерпением ждет ее дома.

Нас, прибывших, регистрировали. Потом выделили муку и соленую рыбу. В первые дни шел сильный дождь, поэтому мы не могли развести на улице костер и что-нибудь сварить. Мы брали в ближайшей чайной горячую воду, разводили в ней муку и ели этот раствор. Правда, потом начинало тошнить.

Когда дождь перестал, удалось развести костер и сварить еду. В одном месте у знакомых латышей испекли хлеб. Но во избежание пожара нам запретили впредь разводить костер у церкви.

Пришлось со всеми котлами идти на берег реки и готовить там. По вечерам ходили осматривать Парабель. В конце главной улицы было кино и небольшая озелененная площадь. Здесь звучала музыка из усилителя. После мрачной тишины колхоза нам это понравилось.

Однажды в воскресенье мы сходили на рынок, где встретили много латышей, которые пришли сюда, чтобы продать свои

оставшиеся вещи. От них узнали, что многие из тех латышей, вместе с которыми мы были на барже, уже умерли.

Как-то утром нам велели собираться на работу. Нужно было перетянуть одну баржу. Человек десять шли вдоль набережной и за веревку тянули баржу против течения. Те, кто сидел на барже, гребли и пели милые сердцу латышские песни.

С прибывших барж выгружали соль. Чаще всего это происходило по ночам. Это была тяжелая и грязная работа, потому что соль сильно намокала. Иногда приходилось идти пару километров за город носить кирпичи. Здесь были большие груды кирпичей, которые надо было перенести на находящийся в двух километрах дальний берег реки, откуда на баржах их транспортировали дальше.

Перекинули через плечо веревку, спереди и сзади сделали петли, в которые вкладывали кирпичи. Так носили весь день, отчего сильно болела спина, а веревка врезалась в плечи. Поскольку с транспортом были большие трудности, тяжелые работы приходилось выполнять нам.

После сильных ливней дорога превратилась в море грязи. Земля была глинистая: как только вытягивали одну ногу из грязи, так вторая тут же увязала. Лишь с большими муками удавалось продвигаться вперед. Глинистая дорога, по которой топтались двести человек, стала совершенно непроходимой. Издалека выглядело очень странно, как люди, высоко поднимая ноги, пытаются идти с кирпичами на спине.

И в очень жаркие дни было трудно. Солнце пекло, плечи саднило, а веревка глубоко врезалась в плечо. Когда добрались до барачков, сразу же падали спать – грязными,

такими, как пришли с работы. Все равно какая была погода, лил дождь или же светило солнце, нас гнали на работу. Так мы мучились две недели, пока все кирпичи не были перенесены на берег реки.

Затем отделили пятьдесят человек. Тех, кто был без семей, оставили здесь на временные работы, остальных же отрядили ехать дальше – на Былин, в шестидесяти километрах от Парабели – в наше следующее место проживания.

Путь на Былин

Снесли свои пожитки вниз на набережную, где уже причалили баржи. Баржи должны были отвезти нас туда, где нам предстояло ждать пароход. Из-за низкой воды пароход не мог зайти в порт. В нашем распоряжении было несколько барж. На первых баржах оказалось много молодежи. У них были красивые, сильные голоса, и они пели «Вей, ветерок». Далеко-далеко эхом отзывалась эта грустная мелодия.

Был хороший летний вечер. Приехали мы быстро. Легли спать прямо на песке. На следующее утро пошли купаться в Парабели. Около обеда прибыл ожидаемый пароход «Тарас Шевченко». Забрались на пароход, где нам отвели места в темных углах, в коридорах и переходах. Пароход был такой же, как и тот, который мы видели, когда плыли на барже по Оби, белый, красивый. Можно было подняться наверх, в отделение первого класса, правда, оттуда нас согнали вниз. Однажды мы, молодежь, пришли в салон первого класса. Там был рояль. Среди нас многие умели играть.

Сидя в красивом салоне, на мягкой мебели, среди пальм и сияющих люстр, и слушая чудесную музыку, мы забыли, где находимся. В памяти возникли картины родины. Еще так хотелось жить!

Некоторые стали кружиться под звуки вальса, но тут вошел служащий и прогнал нас.

Мы сидели на палубе и смотрели на берег, заросший огромными деревьями. Нигде не видели ни одного обжитого места.

Вечерний закат погас, тени стали длиннее и шире, только далеко на западе еще полыхал золотистый свет. Чем дальше двигались на северо-восток, тем все более дикими становились берега. Поваленные бурей деревья свисали с берега, касаясь верхушками воды, и только их корни торчали вверх. Слои песка на изъеденных волнами голых крутых берегах сменялись скалами. Высокие берега покрывала уходящая в необозримую даль тайга. От края берега в необозримую даль уходила по-весеннему распускающаяся тайга, наполняя воздух сладким ароматом смолы.

В сибирской северной тайге растут практически только сибирские ели, зеленые иглы которых осенью опадают, а весной вырастают заново. Вдали мы увидели поднимающийся широкий столб алого пламени, который извивался как огромная змея, сливаясь с черным дымом. Там бушевал сильный пожар. Наверно, горела тайга, так как погода стояла сухая и довольно долго не было дождя. Тайга горит до тех пор, пока огонь не погаснет сам собой. Это происходит, если начинается сильный ливень или если огонь натывается на естественное препятствие – реки, озера или прежде выжженные места.

Бывало, что тайга горит все лето. Пассажиры рассказывали, что иногда она загорается сама собой от большой жары или ее поджигают бродяги. В местах выгорания остается черная земля с обгоревшими стволами деревьев. Позже, когда мы ходили в лес за ягодами, доводилось видеть такие гари. Я жалела, что у нас нет возможности посмотреть на пожар вблизи, ведь такое увидишь нечасто.

Поздно вечером пароход причалил к какому-то необитаемому острову, где нам велели сойти. Никто из нас даже подумать не мог, что этот одинокий остров станет островом смерти латышей.

Там не было солнышка, не было месяца,
Лишь путь на родину, костями усеянный...

На Былине

Этот остров, который должен был стать нашим следующим местом жительства, назывался Былин. Он находился на реке Кеть, притоке Оби.

Остров выглядел как пустынная равнина с несколькими ивами. Только вдали виднелись купы деревьев. На противоположном берегу росла густая тополиная роща. Белый песчаный берег порос зеленой травкой. На острове был сколоченный из досок навес, у которого была только одна стена и крыша. Этот навес должен был стать нашим домом. Еще здесь стояли четыре маленьких деревянных домика. В самом большом из них разместилась только что построенная рыбоконсервная фабрика, которая, правда, еще не работала, более того, вообще никогда не работала. В близлежащих домах жили рыбаки.

В большой спешке покинули пароход. Матросы и носильщики помогли снести на берег самые тяжелые вещи. Когда я с вещами бежала по коридору к выходу, заметила, что двери кухни открыты. Сама не зная, почему, я зашла туда. Возможно, я это сделал от того, что была очень голодна, но из еды там ничего не было. Хотела уже выбежать, но вдруг увидела на полке под столом маленькую чугунную сковородочку. Именно такая была очень нужна! Я схватила сковородочку, еще горячую и жирную, и бросилась к дверям. Спрятав сковородку под тряпками, сбежала по трапу вниз. И хотя эта сковородочка с парохода попала в мои руки нечестным путем, за все время в Сибири она служила мне верой и правдой, а на большом пароходе ее пропажу, скорее всего, даже никто и не заметил.

Белый пароход, пыхтя и шипя, ушел в ночную тьму.

Когда исчезли из виду огни парохода, возникло ощущение того, что разорвалась последняя нить, связывающая нас с внешним миром. Когда разместились под навесом, нам велели идти получать продукты. У одного домика, где находился продуктовый склад, а также магазин, снаружи стоял стол и весы для распределения хлеба и рыбы.

Выстроились в длинную очередь. По списку каждому из нас выдали по 800 граммов хлеба и полтора килограмма соленой рыбы. Около двух ночи продукты были выданы. Вокруг было темно, тихо и никакого света. Мы легли спать на сырую землю, потому что не смогли найти досок. Вот так, прямо на улице, мы в Сибири спали впервые. Наша дальнейшая судьба рисовалась все более мрачными красками.

Положение наше было таким же, какое изобразил Карлис Скалбе в своем стихотворении о ссыльном:

*...И если грызть придется хлеба ломоть, горький от слез,
Иль голову склонить – на хладный пол темницы,
Или в тайге далекой – на мхом поросшей на кочке,
Но и тогда я стану думать и гадать лишь об одном:
Мечту о родине я в изголовье положу,
И с ней я вновь счастливым стану.
И буду сладко спать как на руках у матери –
Пусть даже в смертных муках.*

Мы улеглись спать, но сон не шел... В ушах еще долго звучал смех матросов с парохода: «Их сюда привезли подыхать!»

Неужели их слова действительно сбудутся? Мысли летели над тайгой, над рекой Обью к далекой, далекой родине... Когда-то я снова окажусь там?

Заснула только на рассвете.

Строительство бараков

Уже в первые дни нам сообщили, что сами будем строить себе дом – барак. Он должен был быть примерно 80 метров в длину и пять метров в ширину, построенным из дерна. Врыли столбы и заложили основание дома. Нарезали пласты дерна, разделили их на четырехугольники, укладывали на носилки и подносили к месту строительства. Для строительства стены толщиной один метр куски дерна плотно укладывали один на другой, поэтому со временем они срастались в единое целое. Проемы окон и дверей оставляли пустыми. Когда весь

имеющийся поблизости дерн был унесен, начинали нарезать подальше. Вместе с тем нести стало труднее.

От скудного питания мы очень ослабли. Стоило нам только присесть во время коротких передышек, как мы тут же засыпали. Строительными работами руководили русские бригадиры. Работали мы с раннего утра до позднего вечера. После работы еще приходилось стоять в длинной очереди за хлебом. Паек вскоре уменьшили до 600 граммов. Детям и старикам давали по 400 граммов. Получали еще один килограмм соли в месяц.

В Янову ночь мы собрались на холме, подальше от барака, где развели большой костер. Собралась почти вся молодежь – человек 50. Расселись вокруг костра и пели латышские песни. Один молодой человек красивыми словами открыл Янов вечер. Среди нас также была бабушка, которая пела на всех латвийских праздниках песни.

Своим нежным голосом она спела нам песню «Родина» и кантату Витолса «Отчизне», которая нас очень растрогала. Голос у нее еще был сильный и звучный. И наше пение звучало далеко-далеко, ведь у многих были красивые голоса. Так мы проводили Янов вечер – с песнями и воспоминаниями, до тех пор, пока не погас костер.

Из-за частых проливных дождей крыша нашего барака начала протекать. Промокла и наша одежда. Часто ночью просыпались от того, что на голову текла вода. Утром лужайка перед бараком вся была покрыта мокрой одеждой, которая сушилась на солнце. Бывало, что дождь лил неделями, ничего не сохло, и наша последняя одежда начала портиться от сырости.

В жаркую погоду, когда были комары и мошкара, мы забирались спать на крышу, было прохладнее. По вечерам ходили на реку купаться.

Здесь нас было 200 латышей и 100 бессарабов. Бессарабы были нечисты на руку. Обычно они пользовались дождливой погодой, чтобы потом воровать разложенные для сушки вещи. Большинство бессарабов были деревенские и они во многом они были похожи на русских.

Поскольку здесь было и много маленьких детей, то их матери обратились к начальству с просьбой разместить детей в каком-нибудь закрытом помещении, потому что многие часто болели от того, что им приходилось спать на сырой от постоянных дождей земле. Из одного барака выселили рыбаков, и там поселили матерей с маленькими детьми. Во время дождя я часто ходила туда переспать под какими-нибудь нарами. Детям выделили продукты, из которых им на обед готовили мучную кашу.

В первые дни после нашего приезда умер маленький мальчик Ф. М. Одна учительница сказала короткую религиозную речь, потом мы спели несколько духовных песен. Малыша положили в примитивный деревянный гробик и похоронили недалеко от барака.

Те, у кого еще сохранились продукты, как-то держались, но те, у кого ничего не осталось, оказались в незавидном положении. Оборвали всю траву, мокрицу и крапиву, из которых варили еду. Вокруг не осталось ни одной травки, которая годилась бы в пищу.

В памяти осталась картина, в которой отобразилась крайняя степень голода. Когда в месячной норме мы

получали рыбу, косточки никто не выбрасывал: их сохраняли, высушивали на сковороде и съедали. Однажды Майечка сидела одна у костра. На сковородочке, которая стояла на двух кирпичках, было несколько рыбных косточек. Она их заботливо переворачивала с одной стороны на другую, чтобы они быстрее высохли. Не в силах ждать, она брала самые готовые и ела. Со сложенными на коленях ручонками, в лохмотьях, грязная, она там сидела и с нетерпением ждала, когда можно будет наконец хоть что-то положить в рот.

В лес за берестой

Восьмерых человек, в том числе, и меня, послали в лес за берестой для крыши барака. Получив дорожный паек на несколько дней, мы на лодке выехали с Былина. Шли вниз по Кети. Несколько раз выходили на берег в поисках бересты, но там не было хороших толстых берез. Берега поросли большими деревьями. Во многих местах видели мяту, из листьев которой варили чай. Наконец, в одном месте появились березы. Здесь нарезали много полосок красивой бересты, связали их, погрузили в лодку и отправились дальше.

Русские, живя здесь долгие годы в бедности и нищете, научились многое использовать с пользой. Березовая береста у них шла на разные нужды: и для покрытия крыш, и для изготовления посуды, лодочек, различных предметов домашнего обихода и даже лаптей. Сибиряки ловили рыбу с берестяных лодочек, ловко и отважно управляя своими «ореховыми скорлупками» на реке с сильным

течением. Их лодки из сухой березовой бересты, обшитые мелкими березовыми прутиками, весили не более восьми килограммов, но выдерживали как вес самого лодочника, так и пару пудов рыбы.

Такие лодки были непременным орудием труда местных рыбаков и охотников, Люди на спине переносили их с места на место по необходимости, на те озера и реки, где охотились или рыбачили. Видели также выдолбленные из дерева мелкие лодочки.

Некоторые места, в которых мы сходили на берег, выглядели так, будто там никогда не ступала нога человека. Мы наталкивались на огромные необъятные деревья, тополя и густые кустарники. Густо переплетенные макушки деревьев не пропускали солнечный свет. Белочки беззаботно прыгали по ветвям деревьев и бросали на землю шишки.

То там, то сям слышалась крики бурундука. Местами росли красивые цветущие кусты шиповника. Вокруг все было тихо. Не слышно было даже пения птиц.

Домой приехали в лохмотьях, потому что, пробираясь сквозь кусты, сильно разорвали одежду. Но все же во время поездки мы чувствовали себя намного лучше, чем на Былине, когда носили дерн и строили барак.

Работа в лесу в окружении комаров

Как только мы вернулись с нарезанной берестой, нас сразу же отправили далеко в тайгу, где мы должны были заготавливать доски для лыж – «болванки». Пройдя несколько часов на лодке по реке, мы сошли на поросший лесом берег и дальше пошли пешком. Через пару

километров добрались до указанного места. Здесь лежали груды сложенных досок. Там же поблизости в котле варился деготь. Мимо протекала речка, через которую были перекинута узкие мостки. Нам нужно было брать доски, опускать оба конца в котел с дегтем, переносить по мосткам на другой берег и плотно укладывать в штабеля, чтобы концы быстрее высохли. Только что пригнанные по речке доски были тяжелые от насквозь пропитавшей их воды. Мостки стали скользкие от травяной воды, поэтому часто, поскользнувшись, мы сваливались в воду. Но и тогда продолжали работать в мокрой одежде. Было очень жарко, комары кусались безжалостно. Комаров и мушек было так много, что те, кому не приходилось самим бывать в тайге, даже представить этого не могут. Головы мы покрывали защитными сетками, без которых от назойливых таежных кровососов отбиться невозможно. Сеточку смачивали дегтем, чтобы отпугивать комаров. У меня тоже была защитная сетка, но несмотря на это все лицо было в пятнах от укусов. Вечером мы, замученные и покусанные, отправлялись домой. Солнце садилось в тайгу, и казалось, что тихая тень деревьев закипает от звенящих роев комаров.

Предупреждения советского надсмотрщика за работой

У новой консервной фабрики был установлен станок для изготовления дранки. На нем работали четыре человека. Распиленные дощечки тут же относили наверх, на крышу, где мы прибивали их гвоздиками к брусам. Вначале эта

работа казалась интересной, но к обеду, когда солнце начинало припекать особенно сильно, терпеть уже не было никаких сил. Чем ближе мы поднимались к верхушке крыши, тем труднее становилось: как помотришь вокруг, так начинает кружиться голова. Скоро крыша была полностью обита дощечками. Строительство барака тоже подходило к концу.

Становилось грустно от мысли о предстоящей зиме, которую нам придется провести в этой землянке. Привезли доски, которые мы обтесали для пола. Барак проектировался с двумя большими и шестью маленькими комнатами.

Барак еще не был готов, когда на Былин приехал начальник «Военторга» Здобников. Он считался нашим главным руководителем, поскольку мы, как мобилизованные, считались прикрепленными к этой организации.

Этот начальник сказал, чтобы работали усерднее, иначе нам негде будет остаться зимой, жилья он нам не даст. Кроме того, мы съели слишком много продуктов. Впредь будут большие весы. Когда будем резать дерн, его взвешают, и это станет нормой того, сколько каждому нужно будет отнести. К счастью, свою угрозу он не выполнил. Он вызывал нас всех по имени, чтобы убедиться, не сбежал ли кто. Самые издевательские замечания были адресованы тем, у кого была сильно потрепана одежда. Как будто они были виноваты в том, что эти самые негодяи довели нас до такого состояния.

Дохлатина и голодный пир на у реки

Однажды утром мне и еще нескольким бригадир приказал косить на лугу траву. Это был болотистый луг, на

котором росла высокая, жесткая трава. Она доставала мне до пояса. Потом из этой травы надо было вязать длинные коврики, чтобы зимой прикрывать ими окна зимой, защищаясь от холода. Луг находился на берегу реки. Так как я не умела косить, то сгребала траву и вязала из нее снопики, которые на лошади отвозили к бараку.

Когда в обед мы спустились к реке, чтобы набрать воды для чая, увидели выброшенный на берег труп лошади. Он так раздулся, что стал большим и толстым. Те, кто уже жил впроголодь, решили съесть падаль, и, долго не думая, взяли ножи и вырезали лучшие куски. Мелко их нарезали и положили в котелки вариться. Мясо только чуть-чуть проварилось, когда проголодавшиеся люди жадно на него накинулись, разрывая зубами. Хотя мне тоже очень хотелось есть, я все же не могла взять в рот эту отвратительно синеватую конину. Мне стало нехорошо и я отошла в сторону. Голод превратил людей в подобие зверей.

От скудной пищи тело покрывалось большими нарывами. Больные как прокаженные сидели на солнышке, истощенные, грязные, покрытые вшами. Работать они не могли, потому что нарывы очень болели. Гной прилипал к одежде и засыхал, поэтому раздеться было невозможно. Врачебного наблюдения не было никакого.

Поездка за ягодами

Так как на Былине всех не могли обеспечить работой в полной мере, часть отправили на несколько дней собирать черную смородину. Мы зашли в приток Кети, а оттуда – в

большое озеро, на берег которого мы сошли. Уже с берега можно было увидеть огромные «леса» черной смородины. Построились и отправились в лес. Здесь были такие пышно разросшиеся кусты черной смородины, что их ветки простирались высоко над нашими головами. Ягоды были большие и сладкие. За короткое и жаркое сибирское лето они успели хорошо созреть.

Мы как следует наелись сладких ягод, которые уже сыпались с веток. Ягоды из наполненных берестяных лукошек высыпали в большие бочки, которые отправляли в города для дальнейшей переработки. Ночь провели на берегу озера, где из веток соорудили похожий на палатку навес. У входа развели костер, чтобы согреться и чтобы комары не кусались. С утра отправились дальше в лес. Дошли до берега реки, где наткнулись на рыбацкую хижину. Рыбаки подбросили нам несколько рыб, которые мы поджарили. В обед отправились назад на Былин, но сбились с дороги. Мы заблудились, а уже вечерело.

Река разделялась на несколько протоков. Мы плыли против течения, поэтому вперед продвигались очень медленно. Временами приходилось сходить на берег и тянуть лодку. Нечаянно наехали на большую рыболовецкую сеть, которую поставили рыбаки. Только разорвав ее, с трудом выпутались и спешно отправились прочь, чтобы рыбаки нас не заметили.

Надвигались сумерки, а мы еще скользили вперед. Пришлось снова выходить на берег и тянуть лодку. Внезапно начался крутой, глинистый берег. Дождь размочил глину. Глина стала мягкой как каша. Ноги в ней утопали до

колен — двигаться дальше было невозможно. Начался дождь. Мы устали, проголодались и хотели только одного — отдохнуть. Когда добрались до берега с высокой травой, тогда причалили, чтобы переночевать.

Посреди ночи пошел сильный дождь. Мы промокли до костей. А утром нашли наш путеводный знак — белую березовую бересту на колышке, по которому легко отыскивали дорогу. Через несколько часов добрались до острова.

Поездка за орехами

Примерно через неделю нас отправили за орехами в место, расположенное примерно в 30 километрах от Былина. Радовалась, что снова смогу куда-нибудь поехать и что-то увидеть. Уже вечером нам выдали хлеб на несколько дней, чтобы рано утром мы могли отправиться в путь. В четыре утра на большом наводнике (барже) мы выехали с Былина.

На барже нас было 50 человек. Баржа была большая и тяжелая. Так как буксира не было, нам, шести парам, пришлось попеременно грести. В Инкино, в 10 километрах от Былина, мы сошли на берег, чтобы дождаться парохода, который повезет нас дальше.

После полуночи, пыхтя, подошел «Пожарский». Отправились в путь и уже ранним утром увидели на крутом берегу город Колпашево, где мы сошли с парохода. Ночь провели на пристани. За нашими вещами на следующее утро прислали подводу. Мы сами шли за ней. Ореховые места находились еще примерно в 50 километрах отсюда.

Сразу за Колпашево находились большие картофельные

поля, на которых мы заполнили свои мешочки. Около обеда развели на обочине дороги костер, на котором варили или пекли украденный картофель. Мы давно не ели картофель, поэтому он казался нам очень вкусным.

Дорога шла через болото, поэтому была покрыта бревнами и хворостом, которые покачивались при ходьбе. Когда пришли в деревню Павлов Мыс, смогли купить молоко. Перед следующей деревней — Белояровкой — снова хотели пойти на колхозное картофельное поле, но на этот раз нам не повезло. Пришел сторож, отвел нас в колхоз и приказал высыпать собранный картофель, пригрозив в следующий раз наказать. После этой неудачи мы постарались как можно быстрее выбраться отсюда. По дороге встречалось много малинников, у которых мы наелись больших, сладких ягод.

Вечером добрались до одной деревни на краю леса. Некоторые остались в деревне, мы же, остальные, решили переночевать под открытым небом. Развели большие костры, расселись вокруг, пекли картофель и орехи. Рассказывали всякие истории и приключения.

На следующий день около обеда пришли в место нашего назначения. Часть разместилась в пустовавшей будке, остальные — у русских. Мы, шестеро, договорились переночевать у одной русской женщины, у которой была большая комната.

На следующий день нас разделили по бригадам и отправили в лес. В каждой бригаде было по десять человек. В ближайших лесах орехи были уже обобраны, поэтому пришлось отправиться в дальний лес за восемь километров.

Мы прошли каких четыре километра вглубь леса, нашли место, где разбили лагерь. На хворосте устроили спальное место. Недалеко находилось большое болото, где из оконца зачерпнули воды для чая. Каждого по очереди оставляли в лагере сторожить костер и орехи, а остальным нужно было идти еще глубже в лес.

Большой, тяжелой деревянной колотушкой, для тяжести изготовленной из зеленого дерева, били по стволу кедра, и от этого сильного удара земля вокруг дерева покрывалась ореховыми шишками, которые мы собирали в большие берестяные лукошки. Из лукошек шишки высыпали в мешки, которые относили в лагерь.

Орехи могли есть сколько угодно. Они были особенно вкусные после обжаривания на сковородке. По вечерам, придя в лагерь, жарили орехи и картошку, которую накопили на картофельном поле у лесной опушки.

Однажды после сильного ливня не хотелось спать на сырой земле, поэтому мы пошли переспать в ближайшую деревню. Недалеко от ворот была маленькая молочная, где нас напоили молочной сывороткой. Пили много и с удовольствием, потому что нас мучила жажда.

За орехами приходилось идти все глубже и глубже в лес. Однажды увидели большую яму, в которой лежали клочья мха, рядом видны были свежие следы и помет. Мы набрали на медвежью берлогу, но самого медведя, к счастью, не было. Собирать орехи здесь было опасно, поэтому мы постарались побыстрее вернуться в лагерь.

У нашего лагеря бригадиры соорудили примитивную сушилку для орехов. Вырыли длинную яму в челове-

ческий рост, а сверху положили металлическую сетку. В яме мы развели огонь, на сетку высыпали орехи, которые помешивали лопатками. Орехи предварительно дробилками выколачивали из шишек. Высушивали их на медленном, равномерном огне. Высушенные орехи засыпали в мешки и отправляли в город, где из них отжимали высокоценное ореховое масло. Когда мы выполнили свою норму, отправились назад в деревню. Там на следующий день нас поставили на выколачивание орешков из шишек, которые насобирали другие бригады.

Устройство для выколачивания было таким: усаживались на конец деревянной скамью с углублением посередине, в которое укладывали шишки, и деревянной палкой с поперечными желобками, похожей на рубель, каким в деревнях катают выстиранное белье, отбивали и терли шишки до тех пор, пока чешуйки не опадали полностью на землю, орехи же при этом оставались в углублении, а потом их ссыпали в общую емкость.

После этой работы меня вместе с другими на лодке отправили за дровами, которые мы собирали на берегу реки, чтобы растопить баню. Растопили баню, хорошо помылись, ведь мы долго не были в бане.

По вечерам мадам М. рассказывала разные интересные истории и пела оперные арии. Мы очень загрустили, когда нам сообщили, что нужно возвращаться на Былин. После мрачной жизни на острове проведенное здесь время казалось очень приятным. Кроме того, мы у нас уже не было постоянного чувства голода и недоедания, так как мы наелись жирных орехов, картофеля и других вкусных вещей.

Дорога по Оби на Былин

Возвращаться на Былин нам пришлось на лодке. Это был неблизкий путь. Из маленького притока мы вышли в широкую Обь. Был уже вечер. Стало пасмурно, загредел гром и пошел дождь. Понемногу ветер становился все сильнее. Внезапно началась буря. Стало совсем темно. Мы, к несчастью, находились как раз в самом широком месте Оби, где с крутых берегов в реку упали огромные, поваленные бурями деревья. Во многих местах вдоль берега из воды торчали верхушки поваленных деревьев. По Оби пошли большие волны. Ветер бросал нашу маленькую лодочку полную людей так, что она почти полностью погрузилась в воду. Лодочка поднималась и ныряла вверх и вниз на больших волнах. Нас несло к крутому берегу, но там причалить мы не могли. Немного дальше с другой стороны берег был чуть ниже. Там увидели луг со стогами сена. Недалеко от нас была большая ветвистая верхушка, едва заметная над поверхностью воды. Хотели направить лодку в сторону, но из-за сильного ветра не сумели это сделать. Казалось, что вот-вот наша лодочка зачерпнет воды и перевернется. Тогда один ловкий паренек веслом притормозил стремительный ход лодки. С трудом оттолкнулись от суковатой верхушки и с большим трудом стали двигаться к противоположному берегу. Лил сильный дождь, волны перехлестывали через борта лодки. Собрав последние силы, мы подгребли к более низкому берегу. Вышли сами, а также вытащили на берег лодки. Мы промокли до костей.

В больших стогах сена мы разгребли углубления, куда залезли переночевать. Как только сошли на берег, буря

усилилась. Никогда не смогу забыть эту жуткую ночь. Широкая Обь бушевала во всю свою мощь. Старые деревья клонились под порывами урагана. Казалось, что они вот-вот свалятся в реку. Гредел гром, и между его раскатами ярко вспыхивали светлые зигзаги молний.

К утру буря стихла, и река немного успокоилась. Мы сели в лодки и продолжили путь. Вскоре из Оби зашли в ее приток. Нас поразили берега с красивым белым песком. То там, то сям виднелись убогие хибарки рыбаков.

Вечером наши лодки причалили к Былину. За время нашего отсутствия прибыли также те сто латышей, которые были оставлены в Парабели. Они из простыней сделали палатки, в которых проводили ночь.

За брусничкой

Подошла ягодная пора. Мы поехали в одно место за сто километров. Плыли на барже день и ночь. Добрались до маленькой деревни Зайкино, где нас поселили в помещении пустующего клуба. Здесь пробыли около недели. Съели весь хлеб, который нам дали в дорогу. Ходили по домам, выпрашивая какую-нибудь еду.

В одном доме нам дали прогнившую редьку, от которой стало нехорошо. Многие ходили по ночам обыскивать сады, и приносили овощи и картофель. Несколько дней нам велели работать в колхозе, где мы копали картофель. В эти дни мы как следует поели и даже немного заработали.

Наконец могли отправляться в лес, где в 20 километрах находились бараки. Там встретили других латышей с Былина. Лес был большой и красивый – напоминал лес

рижского взморья. Наш барак был без крыши, только местами болтались прогнившие доски. Вместо окон зияли четырехугольные проемы, а вместо пола была утрамбованная земля. Все здесь было окончательно запущено, никто ничего не чинил. Наши латыши уже обосновались на старых нарах, нам же пришлось спать на холодной земле, которая еще и промокла от дождя. На следующий день нас, новоприбывших, отправили еще дальше в лес, поскольку поблизости ягоды уже были обобраны, в свою очередь тех, кто прибыл раньше, отправили назад на Былин. Среди них были и моя мама с сестрами. Мне разрешили выбирать. Я предпочла остаться в лесу, потому что больше хотелось наестся сладкой брусники, чем заниматься на Былине бесполезной работой.

Встретила сестер, а маму так и не повидала. Сестры рассказывали, что мама ведет себя странно. Однажды, придя из леса без единой ягоды, она бросилась к костру, что-то бессвязно говорила и кричала. И вообще она уже нормально не разговаривала. Почти все тело ее отекло, лицо тоже сильно распухло. От этого многие на Былине умерли. Хотела еще увидеть маму, но она ушла в лес за ягодами. Поскольку пора было отправляться в путь, не могла больше задерживаться.

Через десять километров прибыли на место. По дороге попали под дождь со снегом. Сильно промокли. Развели костер и стали сушить одежду. В этом месте было два маленьких барака – получше, чем предыдущие, по крайней мере, у них были крыши. Вычистили грязь и привели в порядок места для спанья.

Нужно было собрать 30 литров брусники. Это была дневная норма, за которую давали 500 г хлеба. Собранные ягоды ссыпали в бочки и отправляли дальше в города. Сначала мы могли выполнять дневную норму, потому что ягоды росли здесь же поблизости, где никто их еще не собирал. Позже, когда приходилось идти дальше, норму уже не могли выполнить. По вечерам, сдав ягоды, оставляли немного себе на ужин. Высыпали их сухими в котел и варили до тех пор, пока не получалось сладкое варенье. Ягоды здесь были особенно большие и сладкие. В Латвии я таких никогда не ела. У многих с собой были ведра и другая посуда, в которой они варили варенье, чтобы взять с собой на Былин.

По вечерам разводили большой костер так, как это делали русские. Два толстых сухих бревна укладывали рядом, но оставляя между ними большой промежуток. Бревна приподнимали примерно на один фут над землей, а оба конца подпирали вогнанными в землю колышками. Внизу из уложенных по всей длине мелких хворостин разводили большой костер, от которого бревна загорались и горели до самого утра, давая много тепла. По вечерам долго сидели вокруг костра.

Приближалась зима, а мы все еще были в лесу. Наступили холода. Пошел снег. По ночам сильно морозило. Во сне мы очень мерзли, потому что были полуголые. Нас очень беспокоило то, как мы доберемся до Былина. Ягоды были собраны, поэтому нас отпустили домой.

За нами приехала подвода, на которую мы сложили свои вещички. Снежный покров уже достиг примерно пяти

сантиметров. До сих пор мороз никогда не был таким сильным, как этим утром. У многих из одежды были только лохмотья, а ноги совсем босые. Обратная дорога была очень плачевной. Спотыкаясь и падая, мы бежали за подводой. Дорога была плохая, местами от растаявшего снега образовались большие лужи. У меня на ногах были насквозь дырявые боты, в которых при ходьбе наполовину оголялись ступни. Ноги я обмотала тряпками, но они совсем промокли.

Замерзшие, измученные и проголодавшиеся, мы вечером дошли до Зайкино. Клуб, в котором мы ночевали, был закрыт, и внутрь нас не пустили. Был уже совсем поздний вечер, когда мы стали ходить по домам и проситься переночевать, но никто нас, таких оборванцев, пускать не захотел. Кому-то все же удалось переночевать в доме, но всем остальным пришлось провести ночь на берегу реки под лодками.

На барже до Былина

С Былина за нами прислали две баржи, на которых разместились около 50 человек. Дорога была трудной, так как шли против течения. К вечеру пошел снег, подул резкий, холодный ветер. В дороге мы часто сменяли друг друга на веслах, чтобы согреться. Баржи были переполнены людьми и вещами. Мы ужасно мерзли. Подогнув под себя ноги, я, съезжившись, сидела на вещах. Перчаток на руках не было, поэтому я так замерзала, что не могла даже пошевелить ими, ноги тоже совсем окоченели. Был уже октябрь, и река могла замерзнуть.

В темноте дошли до маленького деревообрабатывающего центра в Копыловке, который был освещен. Прозвучала сирена, возвещающая конец работы. Рабочие заторопились домой. Мы ненадолго остановились, потому что здесь жил один наш бригадир. Через пару километров причалили к берегу, где стоял пустой барак, и здесь мы могли переночевать. Растопили плиту и грелись. И снаружи на берегу горел костер, потому что всем у плиты места не хватало. Барак был маленький, и нам пришлось сильно потесниться, чтобы все могли разместиться. Кто-то сидел, кто-то стоял или лежал. Лежа, мы согрелись, и утром совсем не хотелось вставать. Впереди была меньшая часть пути.

Снова сели на баржи, которые ночью сильно обледенели, и продолжили путь. Руки прилипали к замерзшим веслам. Из них шла кровь, как только мы отрывали их от весел. Очень медленно продвигались вперед из-за сильного, резкого встречного ветра, который гнал нас назад по течению. Временами даже казалось, что мы стоим на месте.

Не помогало даже то, что на веслах сидели восемь человек. Чем ближе подходили к Былину, тем сильнее чувствовали усталость. Местами, где берег был получше, те, у кого обувь была целее, выходили. К барже привязывали длинную веревку, за которую тянули баржу, а гребцы помогали веслами. Мы были почти такие же, как когда-то волжские бурлаки.

Снег уже падал большими хлопьями, покрывая землю все более толстым слоем. Снег покрывал и наши лохмотья.

Они намokли, заставляя нас безжалостно мерзнуть. Упираясь, тащили баржу, и так немного согрелись. Начался высокий, крутой берег. Пришлось снова сесть на баржу и плыть. К вечеру замерзли так, что не могли пошевелиться. Сошли и пешком двинулись дальше по берегу к Былину. На баржах остались только гребцы. Река вдоль берега начала затягиваться тонким слоем льда. Казалось, что наши баржи вмерзнут в лед.

Былин был совсем недалеко, вдалеке уже виднелся барак. На барже мы перебрались через протоку на остров. Ровно 15 октября прибыли на Былин.

Все принадлежит советскому «народу», самому себе – ничего

Перед нами стоял построенный длинный барак. Вскоре подошли и наши баржи. Взяли вещи и хотели нести в барак, но к нашим вещам подошли бригадиры-руководители и просмотрели наши пожитки. У тех, у кого были ведра или туюса с вареньем, все отняли, чтобы самим «господам» было что есть. Кто-то, правда, успел спасти запасы и унести в барак. Многие, пытаясь отстоять свое варенье, начали драться с бригадирами. У большинства все же его отняли, хотя никто никогда не говорил, что нельзя собирать и варить для себя.

Этот самоуправный грабеж вызвал большое возмущение. Многие взяли в руки дубины и пошли на бригадиров. Оборванные, слабые люди дрались с сильными русскими. Одна старушка, крепко прижав к себе берестяной туюсок с вареньем, хотела незаметно отнести его в

барак. Внезапно к ней подбежал русский и стал вырывать туюсок. Она изо всех сил сопротивлялась и умоляла, однако это не помогло. У нее разорвали последние лохмотья, саму толкнули на землю, отняв маленький туюсок. Падая, она так сильно разбила голову и спину, что сама встать уже не смогла. Мужчины отнесли ее в барак, где она от сильного сотрясения через неделю умерла.

За время нашего отсутствия около ста латышей отправили в Колпашево, в том числе, и маму с сестрами. И бесарабов больше не было. Для такого количества людей здесь не было работы, поэтому их вычеркнули из мобилизационных списков. Как писали из Колпашево, многим удалось устроиться в человеческих условиях, и нас они тоже уговаривали бежать прочь с Былина.

Зима на Былине

Вначале нас поселили в одном из больших помещений барака, где нас было более 20 человек. Наш барак напоминал ласточкино гнездо, слепленное из глины. От сильных осенних ливней крыша в одном углу провалилась, грязь стекала на головы, пришлось много раз ее перекладывать. Стены получились толстые, холод они не пропускали. И двери были крепкие, зато окна остались без стекол. Вместо стекол были натянуты белые простыни, поэтому в помещении царил полумрак.

Посреди комнаты стояла большая русская печь. Спали мы на дощатых нарах. Столов и стульев, естественно, не было. На удивление, баня тоже была построена на берегу

реки. От сильного голода и грязи в белье завелись вши. Мы выносили по ночам белье на улицу вымораживать, однако когда у других начала пропадать одежда, мы перестали это делать.

Из-за недостатка дров баню топили всего раз в две недели. Как-то нас направили на работу. С другого берега реки надо было принести шести для строительства ледника. Была установлена норма, по выполнению которой нам выдали хлеб. На обед спешили в барак, где была организована раздача супа. Его варили на кухне у барака. Вообще-то супом вряд ли можно было назвать эти теплые помои с кусочком рыбы. Сначала в котле варили рыбу, во всяком случае, иногда приходилось то и дело выуживать косточки, затем для густоты добавляли муки. Согласно дневной норме, одному человеку полагалось 50 г рыбы и 20 г муки. За супом приходилось стоять в длинной очереди снаружи у дверей в кухню. На такой еде мы прожили три месяца.

В большой комнате барака меня ночью обворовали. Украли еще оставшиеся у меня золотые украшения и лучшую одежду, которая позже оказалась проданной.

Наш руководитель нашел нам новое занятие. На противоположном берегу реки стояла поднятая со дна баржа. Она была построена из прочного дерева и сбита большими гвоздями. Начальству понадобились большие гвозди, и нам велели вытащить их из баржи.

Щипцами это сделать было невозможно, разрубить баржу им не пришло в голову, поэтому они придумали сжечь баржу, чтобы таким образом добраться до гвоздей. Нам велели принести из леса дрова, сложить их у баржи и

поджечь. Поблизости больших лесов не было, потому и дрова были редкостью.

Эти дрова, которые нам сейчас надо было нести, осенью мы собирали по воскресеньям и складывали в поленницы, чтобы зимой было чем топить.

Когда отказались нести дрова, начальник сказал, что мы не получим ни супа, ни хлеба. Один день мы просидели в комнате, однако голод взял верх, и нам пришлось идти работать. Была также установлена норма, сколько каждому нужно принести. Дрова мы носили целый месяц, пока, наконец, все не сожгли и не вытащили из баржи все гвозди.

Приехали русские, мастера плетения корзин, им нужно было помещение, поэтому нас из большой комнаты переместили в меньшую, где нас было 11 человек. Здесь было лучше. Наступил декабрь, с каждым днем становилось все холоднее. За дровами приходилось идти далеко и находили их с большим трудом. Принесенные дрова складывали у дверей комнаты, но по ночам их все равно воровали другие.

Каждый день в семь утра нас будил звон колокола. Колоколом служил привязанный к столбу лемех. Звонили также на обед.

Отек, голодная смерть и отчаяние

На Былине уже сейчас начался голод. Понятно, что никому не хватало этой маленькой порции, которую мы получали. Те, у кого еще сохранилось что-то из хорошей одежды, по воскресеньям ходили в ближайшую деревню менять ее на продукты. Самые голодные ходили по

помойкам у дверей в поисках картофельных очисток, чтобы сварить их и съесть.

Многие женщины заболели, понемногу опухали и умирали. В неделю было по пять случаев смерти. Люди опухали от голода, от плохой еды и переохлаждения. Сначала опухали ноги так, что трудно становилось ходить, затем отек переходил на среднюю и верхнюю части тела. Последним до неузнаваемости отекало лицо. Отек повреждал и мозг, потому слова уже не соответствовали поступкам. Кожа приобретала желтоватый, восковой оттенок, как у трупа. Большинство на Былине умирали от отека.

Начиная с декабря не проходило и недели, чтобы кто-нибудь не умирал. По утрам мы гадали, чья очередь будет следующей.

В начале декабря от колпашевских латышей я услышала, что 17 октября 1943 года в колпашевской больнице от отека умерла моя мама.

Я была в такой апатии, что новость восприняла равнодушно. Ее смерть меня не удивила, потому что осенью, во время сбора ягод в лесу, она была сильно опухшей. Мама с сестрами шла по улице, когда мама вдруг больше не смогла идти и упала. На повозке ее отвезли в больницу, где она той же ночью, ближе к утру, скончалась, не приходя в сознание.

Однажды я тоже вместе с другими ходила в деревню, но потом об этом пожалела, поскольку вернуться мне удалось лишь с большим трудом. Мы вышли воскресным утром. Дорога вела вдоль реки, а местами – по берегу реки. До деревни было двенадцать километров, если идти напрямик по реке. Недалеко от Былина находилась рыбацкая хижина, где

рыбаки угостили нас замороженной рыбой, которую они тоже ели. Замороженную рыбу мелко нарезают и едят по кусочкам с хлебом вприкуску. Это была хорошая еда, только непривычно холодная для зубов. Особенно всем понравилась жирная, вкусная сибирская речная стерлядь, самая дорогая рыба без мелких косточек. На вкус она была своеобразная, да и на вид тоже – темно-серая, с короткими острыми плавниками на спине. В сваренном из нее супе поверху плавал большой слой жира.

Деревня была маленькая и бедная, еды нам никто не дал. В одном доме дали мисочку с замерзшей капустой, в других местах на нас спускали собак.

Уже вечерело, когда мы отправились в путь. Пошел снег и быстро стемнело. У рыбацких лачуг начались проруби. Приходилось быть очень внимательными, чтобы не провалиться. Снег быстро покрыл лед. В темноте трудно было разглядеть проруби. В руках у нас были палки, которыми мы нащупывали лед перед собой. Внимательно, с опаской, мы пробирались среди прорубей, пока, наконец, не миновали опасный участок.

Очень усталые, с трудом передвигая ноги, мы пришли на Былин. Позже стало известно, что одна латышка, которая пошла отдельно от нас, упала в прорубь и утонула.

Строительство ледника

Уже летом было построено двухэтажное Строение, в котором собирались открыть рыбоконсервную фабрику. Поэтому сейчас надо было рядом построить ледник. Все делалось без какого-либо предварительного плана и

проекта. Забором оградили место, которое надо было заполнить льдом, чтобы получилось нечто похожее на ледяной погреб. Лед привезли сюда на санях, сгрузили за забором и залили водой, чтобы все превратилось в одну большую глыбу.

Наступили сильные холода, настоящие сибирские морозы. Одеты мы все были очень скудно. Вместо варежек руки были обмотаны тряпками, которые во время работы быстро рвались. На ногах – сплетенные из древесной коры лапти. Одежду за все это время нам не выдавали, а своя давно порвалась. Мы все мерзли и смертельно голодали.

Так, ничем не обеспеченные, при 50-градусном морозе мы работали на строительстве ледяного погреба со льдом и водой. Одни кололи и резали лед на небольшие куски, чтобы их можно было погрузить на сани, и сами впрягались в сани вместо лошадей. Сани разрешалось тянуть не более чем вчетвером. Пруд был довольно далеко, и вначале дорога казалась тяжелой. Позже по уже наезженной дороге тянуть сани было легче. Привезенный лед забрасывали за ограду. Другие носили и возили бочки с водой заливать лед.

Меня назначили на «мокрую» работу: черпать из бочек воду и заливать лед. Ведро было тяжелое от покрывавшей их толстой корки льда. Ноги в старых ботах сильно скользили на льду, и я часто падала, обливая себя холодной водой. Сшитые из старых тряпок перчатки намокали и примерзали к ручке ведра. Когда я их отрывала, половина перчатки оставалась на ведре. Не было и тряпок, из которых можно было бы сшить следующие перчатки. Ноги, намокнув, жутко мерзли. К обеду я совсем замерзала, поэтому, вбежав в барак, сразу же растира-

ла руки и ноги снегом, чтобы их оживить. От мороза они были сине-красные. Лишь через несколько лет сошел этот отвратительный цвет. Обморозила я и лицо, особенно нос. Так это продолжалось каждый день с утра до вечера.

Отдыхать нам почти не давали. Бригадир стоял рядом, выкрикивал приказы и записывал, кто как работает. Если кто-то совсем выбивался из сил и отдыхал, тому вечером не давали хлеба. Нормы выработки были установлены очень высокие именно для того, чтобы давать меньше хлеба.

По вечерам мы, перемерзшие до ооченения, стояли в длинной очереди за хлебом. Нередко бывало, что хлеба выпекали недостаточно. Многим нечем было утолить голод. Даже лучшие работники к собственному удивлению получали всего 400 граммов хлеба в день. У тех, кто взвешивал хлеб, был список, сколько кому можно давать хлеба.

Кулак помогает отстоять паёк хлеба

Начальство самым бессовестным образом воровало полагающийся нам хлеб, увеличивая рабочие нормы. Это уже стало невыносимо. Однажды утром, когда приехал наш главный начальник, мы собрались у конторы, где ждали, когда он выйдет, чтобы пожаловаться на нестерпимое положение. Выйдя, он злобно прикрикнул на нас, почему мы не идем работать. Мы сказали, что нам нужно увеличить хлебный паек. Он об этом и слышать не хотел. Когда перед ним выстроились сильные парни и, размахивая кулаками, сказали, что ему все-таки придется сделать это, он испугался и поспешно ответил согласием на нашу просьбу.

С этого дня работники стали получать по 600 граммов хлеба в день. Так мы и трудились здесь как рабы. За свою работу не получали ни копейки, только маленький паек хлеба, которым нас приманивали как изголодавшихся собак.

Стало известно, что несколько латышек замерзли в снегу. Они шли в деревню обменять последнюю одежду на продукты для своих маленьких детей. Туда дошли, но на обратном пути устали и сели на снег отдохнуть. Они уже начали отекать. Ноги были похожи на колоды, и как далеко они могли пройти с обмененными продуктами на спине? Как сели, так больше и не смогли подняться. Их стало клонить в сон.

Замерзших женщин на обочине нашел один русский. Позже их перевезли на Былин, где похоронили в общей неглубокой яме под ивами, как и других умерших латышей.

Детей, которые остались сиротами, поместили в русские детские дома, чтобы вырастить их настоящими советскими гражданами. Позже, когда стали уезжать в Латвию, их забирали из детских домов, если того требовали родные в Латвии. Правда, дети теперь разговаривали только по-русски.

Моя болезнь

Одним холодным зимним днем, когда мороз был особенно суровым, мы все еще работали на строительстве погребов. Лица у всех побелели от обморожения. Мы вымокли и замерзли до окончания. Зашли в контору погреться у маленькой железной печки, которая стояла в передней. Как только сняли дырявые перчатки, вбежал начальник и

заорал, что сегодня вечером никто не получит хлеба, если будем так работать. Он стал выгонять нас на улицу. Нечаянно упав, я облилась ледяной водой и только с трудом смогла подняться. Мне стало очень плохо. Из последних сил вернулась в контору – в уголок к печке. Через какое-то время меня увидел бригадир и, вытолкав наружу, стал подгонять, чтобы работала быстрее. Когда я зачерпывала воду, у меня сорвалась перчатка. Она примерзла к ведру, я попыталась ее оторвать, но та развалилась. Руки посинели от холода, ног я тоже уже не чувствовала.

Лицо застыло от мороза, а меня саму била холодная дрожь. Голыми руками я зачерпнула последнее ведро, но ноги стали подгибаться, а в глазах потемнело. Плача от боли, я как-то доплелась до барака и свалилась на нары. Кто-то снял с меня мокрую одежду, растер снегом руки и ноги, уложил и хорошо укрыл.

Чувствовала себя очень плохо. Временами меня трясла холодная дрожь, которая сменялась таким сильным жаром, что я сбрасывала одежду. В груди ощущала острую колющую боль, которая перешла вбок под ребра. Люди правильно говорили, что у меня воспаление легких. Так я отлежала три недели. В это время мне надо было пойти к нашему «врачу» за справкой для получения хлеба.

Горела как в огне, чувствовала, температура должна быть очень высокой. Ноги подкашивались, с мучениями я добрела до былинского «врача». Так называемый врач, по национальности русский, был никем иным, как всего лишь старым дрянным башмачником, который вряд ли когда-либо посещал хоть какие-нибудь фельдшерские курсы.

Сейчас он, в зависимости от ситуации, работал то сапожником – при необходимости починить обувь, то «врачом» – при необходимости «чинить» людей. Он поселился в конце одного барака. Когда я зашла к нему, он заканчивал латать старый сапог, и мне пришлось, стоя, дожидаться, когда он забьет последний гвоздь. Вдруг он злобно посмотрел на меня, закричал, что я ему мешаю и что мне вообще от него надо. Когда я ему объяснила, зачем пришла, он недовольно проворчал, что сейчас никто работать не хочет, каждый день приходят просить справки.

Вытерев руки о грязный кожаный фартук, он взял маленький листок бумаги и неумело, большими буквами написал справку, которую нужно было предъявить в конторе. Потом он взял с пыльной полочки какую-то большую бутылку с красноватой жидкостью, из нее налил в меньшую и, не спросив, что у меня болит, велел пить это лекарство три раза в день.

Во время болезни я получала 500 г хлеба в день. В виде проявления особой милости мне выдали пол-литровую баночку замороженной брусники.

Во время метели спать мне было очень тяжело. Окна вместо стекла были затянуты простынями. За ними наметало гору снега. Когда топили печку, снег понемногу таял, отчего простыни намокали, а потом замерзали и покрывались льдом. Мои нары находились прямо у окна, откуда на меня задувал ветер и сыпал снег. Во время болезни, когда у меня был сильный жар, лежала мокрая от пота. Затем поднялся ветер и с такой силой трепал простыни, что казалось вот-вот порвет их. Ветер дул сквозь одеяло, и

меня колотило от холода. Такие условия только ухудшали мое состояние.

За время болезни я сильно похудела и ослабела. Когда пошла за водой, то с мучениями принесла одно ведро. После болезни появился сильный аппетит, но есть было нечего. Иногда, когда другие обитатели нашей комнаты готовили еду из обмененных продуктов, от нее распространялся такой соблазнительный запах, что рот наполнялся слюной и невыносимо хотелось есть. В таких случаях я натягивала на голову одеяло.

От сквозняка, на котором я лежала, получила воспаление ушей. Уши болели, а позже их заложило, поэтому я ничего не слышала. Пошла к фельдшеру, русской женщине, которая недавно приехала. У нее, по крайней мере, царили чистота и порядок. Она каждый день промывала мне уши, и вскоре я снова стала слышать.

Мадам К. прислала мне продукты и написала, чтобы я попыталась попасть в Колпашево, так как на Былине я погибну. Она поможет мне устроиться и все будет хорошо. Я послушалась совета мадам К. и сказала фельдшеру, что уши у меня болят с каждым днем все сильнее. Она была очень добра ко мне и выписала направление к врачу в Колпашево. Мне удался обычный трюк, который использовали все, кто хотел выбраться с Былина.

Начальник тоже не отказал в разрешении. На работу я больше не ходила. Собрала оставшиеся вещишки, попрощалась с остальными латышами и стала ждать подводу, чтобы отправиться в Колпашево.

На пути в Колпашево

В обед мы выехали с Былина. До Колпашево было 90 км по зимнику. Туда отправились две подводы с шерстью, на одну повозку положили и мой мешочек. Когда отделились от Былина, меня охватило огромное чувство радости. Казалось, что за спиной оставила все самое плохое. На повороте я в последний раз бросила взгляд назад – бескрайняя снежная целина, только вдали у горизонта черной нитью тянулась полоса лесов. Посреди этой целины – длинный барак, который напоминал тюремный лагерь. Местами были окна, затянутые простынями. Недалеко от барака виднелись разные строения и кусты. Жутко было вспоминать все, что здесь произошло. За четыре месяца из 200 латышей скончались 50 человек, из бессарабов – столько же. Все они умерли голодной смертью, в основном – от отеков. Осталось много сирот. У многих на всю жизнь остался отпечаток от Былина. Вот такое количество жертв потребовал этот остров смерти латышей в Сибири. И это было не единственное место, где погибло множество наших соотечественников. В Сибири было немало таких мест, например, Васюган, где мало кому удалось остаться в живых.

Все оставшиеся на Былине латыши через два месяца уехали в Колпашево. Во время большого весеннего половодья наш барак развалился и его унесло вниз по течению.

Когда уже не могла идти, мне позволили забраться на повозку. Лошади были маленькие и истощенные, только ребра торчали. Они из последних сил тянули огромный воз.

В дорогу мы отправились вшестером: пятеро русских и я. Затемно добрались до деревни, где собирались переносить

шесть. Мы проехали всего 25 км. На проезжем дворе нам предоставили ночлег. Это были два больших помещения, одно для сна, другое – где поесть. Напившись горячего чая, мы стали разуваться. Стертые ноги покрылись огромными волдырями. В тепле быстро заснули.

Рано утром, еще до рассвета, стали собираться в дорогу. Ноги распухли и болели. Лишь с большим трудом удалось натянуть боты. Снаружи был сильный мороз, который с восходом солнца стал усиливаться. Мы шли и время от времени растирали снегом замерзшие ноги. Вечером добрались до какой-то деревни, где провели ночь. В этом месте я увидела и первых инвалидов войны, которые тоже здесь ночевали. Все они были в очень веселом настроении и пели разные романсы.

На третий день около полудня вдали увидели большое село. Это был Тогур, центр деревообработки. Вдалеке сияли золоченые купола белой церкви, на удивление оставленные в целости и сохранности. Груз шерсти оставили в Тогуре, там же остались и другие русские. Мы с извозчиками поехали дальше до Колпашево, которое находилось примерно в восьми-девяти километрах от Тогура.

В Колпашево

6 января 1944 года, под вечер морозного дня, мы въехали в Колпашево.

Колпашево находилось на высоком правом берегу Оби. В этом месте ширина Оби достигает почти двух километров, а дальше на север она еще шире. На берегу был большой причал. Суда здесь обеспечивают сообщение по

Оби от южного конца – Бийска у Алтайских гор до северного – Нарыма, Васюганской равнины. Городок основали богатые сибирские купцы. Старые здания в своеобразном стиле до сих пор оставались крепкими и величественными. Они были построены из тесаных бревен с покатыми драночными кровлями. Снаружи дома были украшены самой разной резьбой по дереву, которая придавала им интересный вид. Оконные ставни были светлого цвета.

В бывшей церкви со снесенными куполами разместился районный исполнительный комитет. Дома, построенные в последнее время, были изготовлены из более дешевых материалов и стояли некрашеными. Они были не выше двух этажей и в основном состояли из двух помещений – комнатки и кухни. Во всем городе было всего два каменных здания – баня и большой магазин.

Тротуары немощеных улиц были сколочены из досок, которые уже частично прогнили. В Колпашево было и электричество, и радиоузел. Здесь также были силовая электростанция, хлебопекарня, садоводство, а также много мастерских и артелей. Посреди города была большая рыночная площадь с павильоном. После деревни и замкнутой жизни на Былине Колпашево мне понравилось, потому что здесь я, наконец, смогла зажить по-человечески.

Въехав в Колпашево, мы остановились во дворе «Военторга». Отсюда пошла искать мадам К. Она жила в небольшом домике на берегу реки, где я ее легко нашла. Я была очень рада встретиться со своей благодетельницей. Она меня устроила на кроватное место в соседнем доме у латышей.

Сейчас в Колпашево было очень трудно с квартирами, потому что много русских бежали из колхозов в города в поисках лучшей жизни. В Колпашево съехались люди разных национальностей, в том числе, литовцы, эстонцы, латыши, бессарабы, приволжские немцы, украинцы и белорусы. Однажды зимой через город проехали тунгусы из Северной Сибири. Они перегоняли северных оленей.

На следующий день я пошла к коменданту за разрешением на проживание в Колпашево. Комендант был очень уж несимпатичный человек с одним стеклянным глазом. Он не хотел давать мне разрешение. Тогда я пошла к нашему начальнику Военторга, который поговорил с комендантом, и так я получила разрешение. Прописалась в милиции и уладила прочие формальности. Наконец я навеки была свободна от Былина.

На следующий день после прописки пошла в баню. Баня здесь была обустроена по-современному, в здании из красного кирпича, с удобными помещениями для мытья и ожидания. Было приятно через такое продолжительное время как следует помыться и надеть чистое белье. Вши тоже больше не кусали. Я удивилась тому, как сильно похудела за эти полгода на Былина.

Из-за нехватки лошадей нас запрягают в сани

Через несколько дней я пошла в больницу к сестре, которая там ожидала отправки в детский дом. Майечку уже увезли. Больница находилась в большом дворе с несколькими колодцами. В коридоре хирургического отделения

на диване лежала Дзидра. Она уже могла ходить. Здесь же лежали и другие латыши. Через две недели за Дзидрой приехали и ее увезли за 40 км от Колпашево, в детский дом в Круглом.

Вскоре я устроилась в вязальный цех артели «Объединение». Три месяца работала учеником, потом стала мастером. Здесь вязали руками платки, кофты и другие вещи. В артели работало много поляков и бессарабов. Бригадир тоже была поляка, пани Зина. Начальница нашей организации была неграмотная, а начальницей она стала потому, что была в партии. По вечерам она училась читать и писать.

Рабочие помещения были плохие, печка не давала тепла, сырые дрова потрескивали, но не горели. От сильного холода мы так замерзли, что не могли ни пальцами пошевелить, ни вязать.

Поскольку у артели своей лошади не было, нас часто посылали возить дрова. Мы впрягались в большие конные сани и отправлялись за дровами в лес в 10 км от города. На каждые сани следовало погрузить один стер. Дровами были большие поленья. Воз был нагружен с верхом, поэтому тащили его, упираясь. На крутой берег сани приходилось затягивать по очереди общими силами. Многие организации, у которых не было лошадей, дрова возили на волах. В колхозах тоже ездили на волах.

Весна 1944 года в Колпашево

Нигде с таким нетерпением не ожидают весну, как на севере, где лето длится всего несколько месяцев.

Прибыли первые пароходы, которые о своем появлении возвестили громкими гудками. Мы были очень встревожены, поскольку надеялись, что услышим не только пароходные гудки, но и радостные новости о родине и возвращении домой. Мы сейчас были ближе к городам и портам, поэтому казалось, что наши надежды обоснованы.

На причале было так много народу, что мы с трудом протолкнулись поближе, чтобы увидеть, кто приехал на судне. Этот пароход доставил нам очень мрачные новости – немецкая армия в большой спешке отступает. Мы не хотели этому верить, но это подтвердили и возвратившиеся с фронта инвалиды войны. В этом году мы уже не надеялись дожждаться чего-то хорошего. Инвалидов было много. Кто-то без ноги, кто-то без руки, другие контуженные. Родные с громким плачем отвели их домой.

Еще грустнее стало на душе, когда на весеннем пароходе на родину увезли сосланных поляков. Перед этим им выдали присланные из Америки одежду и продукты. У поляков здесь также был свой представитель, который очень заботился о них. Все поляки работали на хороших местах и очень помогали друг другу. Они держались вместе, не позволяя своим соотечественникам погибнуть.

Но как же их положение отличалось от нашего! Позже поговаривали, что нам тоже Красный Крест Соединенных Штатов присылал одежду и продукты. Красивую американскую одежду видели на «начальниках». Этой одеждой их премировали. Продукты в магазинах «начальников» выдавали по карточкам. У них ни в чем не было недостатка. Так нас всех обкрадывали. А Красному Кресту, скорее

всего, сообщили, что все присланное раздали пострадавшим.

В июле из детского дома приехала Майечка. Из Круглого в Колпашево прислали пятнадцать больных, истощенных детей, в том числе, и мою сестричку. Для них был предусмотрен двухмесячный отдых. Их разместили в помещении средней школы. Майечку невозможно было узнать, так она исхудала и ослабла. Волосы были сострижены до самой кожи. Мы очень обрадовались нашей встрече. Каждый вечер я ходила ее навещать. Она всегда ждала меня у ворот. Я носила все, что могла. Другие тоже давали мне гостинцы для сестры. Быстро пролетели эти два хороших месяца, и Майечка уехала.

Иногда у нас собиралось много латышей, тогда мы пели песни. Одна женщина хорошо пела старинные русские романсы. Мы погружались в воспоминания и не замечали, как идет время.

Эвакуированные актеры

В Колпашево было много эвакуированных актеров из Москвы и Ленинграда. Они показывали на колпашевской сцене разные пьесы. Театр находился в большом, хорошо благоустроенном здании. Здесь было просторное фойе с большими зеркалами, зал на 200 мест и небольшая сцена. У актеров была высокая зарплата, поэтому они могли покупать одежду, которая еще сохранилась у кого-то из наших, и часто бывали в наших комнатках. Они давали нам контрамарки, которые мы использовали с большим удовольствием.

Однажды я побывала на концерте с участием нескольких латышских артистов, которые работали в театре. В программе были произведения для скрипки, рояля и духового оркестра, а также хоровые песни, декламации и прологи из пьес. Мы, которые так давно не ходили в театр, восторгались выступлениями.

Малярия

В Колпашево малярией болели повально все: и русские, и латыши. И меня не миновала эта болезнь. Однажды, возвратившись домой с работы, я почувствовала недомогание и головокружение, меня стало знобить и лихорадить. На следующий день я не пошла на работу, а обратилась в поликлинику, так как подумала, что повторяется воспаление легких. Там сказали, что у меня начинается малярия. Врач-специалист Вишневская выписала мне горький порошок хинина и таблетки. Было очень странно жарким летом зябнуть так, что зуб на зуб не попадал. Натянула на себя всю одежду, которая была у меня. Через какое-то время меня снова бросило в жар, я вся горела. Сняла с себя одежду и снова легла. Мне казалось, что я задохнусь от жара. Температура была уже около 40 градусов. Аппетита не было. Меня сильно мучила лихорадка. Я так ослабела, что едва могла волочить ноги. Далеко ходить мне тоже было не под силу, казалось, что вот-вот упаду на землю. Даже спать не могла от ломоты в костях.

Проболела три недели. Малярия в такой же форме у меня повторилась и в следующем месяце, но потом я больше не болела.

Малярия – ужасная болезнь. Если она повторяется в сильной форме, это грозит смертью. Лихорадка, которая продолжается всего пару дней, чрезвычайно изматывает организм. Аппетита в эти дни тоже нет.

Тогда столько людей болело малярией, что больным приходилось подолгу ждать в длинных очередях. Никто не удивлялся, увидев на улице в самую жаркую пору тепло укутанных людей. По их виду сразу можно было сказать, что они болеют малярией и у них сейчас самый холодный период.

У поликлиники видела нескольких валяющихся нищих. Это были бессарабы, которые оказались в отчаянном положении. Страшно было смотреть, как они, оборванные, сидели там, снимали с себя тряпки и ловили вшей. Если им кто-то бросал кусок хлеба, они начинали драться между собой, потому что каждый хотел ухватить этот кусок себе.

Осень

Пришла осень, дождливая и холодная. От проливных дождей наша комнатенка выглядела печально. Крыша прохудилась и пропускала воду. Одежда совсем отсырела. От стен отваливалась и падала штукатурка, обнажая голые доски. Было件нятно, что здесь мы долго оставаться не сможем.

В сентябре меня и еще других с работы отправили в колхоз в пятнадцати километрах от города, чтобы помочь убрать картошку. С погодой нам не повезло, дождь лил не переставая. Мы пешком добрались до колхоза, где нас

сразу же отвели на работу. Лошадей не было (все они пали от голода), поэтому нам было велено выкапывать картошку лопатами. Также ни в одном колхозе не было картофелекопательных машин. Там, где еще оставались лошади, землю вспахивали плугом; где лошадей не было, копали люди. В некоторых местах работали на волах. Весной было также. В деревнях не пахали на лошадях, приходилось мучиться людям, вскапывая засохшую на солнце землю. Пахали только землю под зерновые, однако все обработать было не под силу, поэтому многие поля оставались в запустении.

В Сибири картошку сажают не в борозды, а как попало, поэтому и копать сложнее. Глинистая земля от дождей стала такая вязкая, что ноги утопали в грязи. Мы убрали несколько больших картофельных полей. Нас кормили картошкой, овощами и молоком. Хлеба не давали, потому что его больше не было. Ели мы хорошо. Через три недели, когда картофель был убран, нас отпустили домой.

Наш домишко был заколочен, а крыша провалилась. Остальные обитатели перебрались в другую квартиру. Переночевав одну ночь у мадам К., я перешла жить к другим латышам.

Теперь я жила в полукилометре от Колпашево. Центр города был на холме, а мы жили в долине. Домик был новый, с небольшой комнатой и коридором. Домик стоял посреди песчаных полей, на которых весной сажали картошку. Неподалеку от нас была лесопилка с будкой сторожа. Поблизости было много заготовленных дров, и мы умудрялись подбираться к ним по ночам, чтобы не тратить много денег на покупку дров. Следующей весной,

когда мы здесь уже не жили, во время большого половодья затопило и наш домик, и лесопилку.

Осенью по радио сообщили, что в октябре большевики взяли Ригу. Грустно было услышать, что город снова оказался во власти коммунистов. Через какое-то время стали приходить письма из дома. Я тоже написала, и в феврале 1945 года получила первое письмо из Латвии. Для меня этот день стал одним из самых счастливых в Сибири. Так началась радостная, полная сюрпризов пора ожидания писем. И денежный перевод тоже получила. В те дни, когда получала письма, перечитывала их бесчисленное количество раз, пока не запоминала их содержание наизусть.

Этап заключенных

Два раза в месяц нам надо было регистрироваться у нашего коменданта НКВД. Регистрацию сделали для того, чтобы никто не смог сбежать незамеченным. Если кто-то не являлся в конкретный день, начинали интересоваться, почему он не пришел.

Однажды, возвращаясь от коменданта, увидела вдалеке длинную колонну, движущуюся мне навстречу. Когда колонна приблизилась, стало ясно, что это этап заключенных из Матьянгского исправительно-трудового лагеря, который находился в 12 км от Колпашево. Они шли, чтобы отправиться дальше, в другие лагеря. Этап из примерно 300 мужчин медленно двигался вперед. По обеим сторонам колонны плотной цепью шли тюремщики с пистолетами в руках. Колонну возглавляли и замыкали охранники верхом на лошадях.

Заключенные выглядели совсем замученными. Эта жуткая картина, которую я увидела впервые, навсегда врезалась в память. Это были политические заключенные с 1937 года, когда в России последний раз произвели большую чистку – массовые аресты. Тех, на кого падало хоть малейшее подозрение, арестовывали. Здесь тоже действовали шпионы чека. Редко в какой семье не было арестованных.

Без выходных дней

Зимой по воскресеньям на рабочих местах устраивали так называемые «воскресники», которые считались днями добровольного труда и за них ничего не платили. Нужно было с другого берега реки возить дрова для хлебопекарни, школы и т.д. Трудились почти каждое воскресенье. Тех, кто не выходил на «воскресники», перед всем собранием строго отчитывали и ругали. Однажды ближе к весне, когда снег уже начал таять и местами появились проталины, нас погнали возить дрова. Это была ужасная поездка. Руководитель загрузил на сани очень много дров, и нам пришлось тянуть этот воз по лужам и голой земле. Сани были большие и тяжелые, а дрова – сырые. Лед на реке был уже ненадежный, местами подтаявший, но наше начальство это не волновало, ведь дрова надо было везти во что бы то ни стало.

Зимой мы получали почту с большими перерывами, так как из Томска, куда шел поезд, до Колпашево почту доставляли как в старые времена – на почтовых

лошадях. 300-километровый путь почтовые лошади преодолевали больше чем за неделю. Письма везли в дырявых почтовых мешках, поэтому по дороге часть высыпалась. Однажды кому-то пришлось идти из Томска пешком. Получилось так, что этот человек шел следом за почтовой повозкой. По дороге до Колпашево он подобрал много выпавших писем, которые позже раздал адресатам.

Весной тоже с первыми пароходами мы получали сразу по нескольку писем. Безалаберно работали и все другие учреждения.

Весна и лето 1945 года

Незаметно пришла четвертая весна в Сибири. Как и в прошлом году, мы ходили на пристань встречать первые пароходы. На этот раз мы уже не испытывали прежнего волнения, хотя в глубине души еще теплилась большая, сильная надежда на то, что когда-нибудь мы все же окажемся на родине. Однако и эти пароходы не принесли нам долгожданную весть.

9 мая 1945 года стал знаменательным днем в нашей будничной жизни. По радио сообщили, что в этот день закончилась война, был заключен мир (однако сердцем мы мира не ощущали). Начали фантазировать и строить разные предположения относительно нашей дальнейшей судьбы. Русские сильно радовались этой победе, устраивали пьянки и кутежи. Громкими овациями встречали возвратившихся с фронта солдат, которыми были переполнены все пароходы. В честь этой победы коммунистов на

рабочих местах нам выдали ордера на премии, которые можно было отоварить в «белом» магазине. В виде премии каждому из нас выдали по два метра серо-зеленой хлопковой ткани, из которой шили одежду солдатам. Стоимость ткани пришлось оплатить премией.

Нас отправляли на разные работы, в цехе работать приходилось мало. Мы сажали картофель для артели, по вечерам сажали для себя. Позже надо было полоть и разрыхлять. Иногда нам за определенную цену выдавали не освежаванные говяжьи головы и ноги. Часто заставляли трудиться по вечерам после работы и по воскресеньям, времени для себя оставалось мало. Правда, с одной стороны, это было хорошо, потому что отвлекало от мыслей о доме. Однажды разгружали с прибывших барж уголь. Уголь надо было забрасывать в тачки, и по мосткам катить тачки на берег. От пыли мы совсем почернели. Иногда нужно было выгружать с барж дрова. Весной течением сюда приносило много бревен, оторвавшихся от плотов. Тогда река наполнялась лодочками, которыми предприимчивые люди вытягивали плавающие бревна на берег и заготавливали дрова. Даже организации направляли своих людей вылавливать бревна. Нам тоже надо было вытаскивать бревна из воды и нести наверх на берег, где их заготавливали на зиму.

В свободные дни, если было тепло, мы ходили купаться. Поблизости от нашего домика было хорошее место для купания – на мелководье у самого берега. Многие колпашевцы приходили сюда по воскресеньям позагорать на белом песке. Однажды из ближних колхозов приехали латышские девочки – мои подруги. В тот раз у нас собралась

вся колпашевская молодежь, ведь мы жили отдельно, без русских. Девочки где-то одолжили патефон. Так, под звуки музыки мы весело провели несколько вечеров и даже ночей.

В жаркое летнее время в маленькой комнате спать было душно, поэтому мы забирались на чердак. Там был белый песок, на который мы постелили одеяла и спали на них. Ночи были теплые. В светлые лунные ночи спалось замечательно. Чердак был открыт с двух сторон, поэтому внутри свободно гуляли и ветер, и лунный свет. Правда, от сквозняка у меня сильно разболелись зубы, и я долго мучилась от этой боли.

Однажды в воскресенье артель решила отвезти нас за ягодами. Собрались на берегу, где нас ждал маленький буксир. Был жаркий день с небольшим ветерком. Примерно в 20 км от Колпашево буксирчик повернул в одну протоку и причалил у берега. Маленькая тропинка вела в лес, где росли кусты черной смородины, правда, ягоды на них уже были обобраны. И дальше ягод тоже не было, поэтому мы ничего не собрали, только с наступлением вечера поели больших ягод. Вечером вернулись к буксиру, но несколько человек заблудились, и пока их искали, стало совсем темно. На обратном пути было холодно, потому что дул сильный ветер. Так мы ничего и не собрали, только прогулялись.

В августе Майечка проездом навестила меня. Она два месяца отдыхала в томском санатории и сейчас возвращалась в детский дом. Пароход, на котором она ехала, причалил в Колпашево, чтобы разгрузиться. Майечка отдохнула и выглядела намного лучше, чем в прошлом году

в Колпашево. Я Майечку накормила, а потом вместе с мадам К. мы пошли проводить ее на пароход.

Мадам К. дала еще хлеба и сахара, которые Майечка тут же жадно съела. Был красивый августовский вечер, ярко-красное солнце клонилось к закату, когда на пароходе три раза позвонили, глухо прогудел пароходный гудок, и пароход отчалил от берега, медленно уходя на север.

Как-то одним дождливым днем, возвращаясь с работы, мы увидели, как конвой посреди улицы гнал небольшую группу латышей, которые двигались от пристани – их привезли на пароходе из Томска. Некоторые из этих латышей жили в соседних деревнях нашего колхоза, но сейчас их трудно было узнать, так они исхудали. Измученные, с небольшими узелками за спиной, они шагали по грязной улице. Большинство были мужчины и среди них всего несколько женщин. Один молодой мужчина поприветствовал нас словами: «Здравствуйте, латыши!» Хотели его расспросить, но охранники прикрикнули на нас, чтобы мы убирались. Некоторые латыши показывали на пальцах, на сколько лет каждый из них осужден. У большинства это было от 10 до 15 лет. Скорее всего, их взяли без всякой на то причины, как это происходило повсеместно. Причем в первую очередь в тюрьму старались посадить именно мужчин.

Так множество латышей были рассеяны по бесчисленным лагерям Сибири, где их перевозили из одного места в другое.

Осень 1946 года

С наступлением осени нас набирали на разные работы. В Матьянгу, в восьми километрах от Колпашево, прибыл первый груз зерна. Нужно было идти туда и выгружать зерно с баржи. Здесь уже были присланные из всех организаций рабочие, чтобы быстрее справиться с работой.

Мы должны были засыпать зерно в мешки и выносить на берег, чтобы потом снова загружать их на пароход для отправки в города. Одни держали мешки, другие деревянными лопатами и совками засыпали в них зерно, третьи несли мешки по крутому берегу вверх. Это была тяжелая работа. В скалистом берегу были вырублены ступеньки, которые образовали лестницу. На берег мешки заносили главным образом мужчины – «грузчики». Это были судовые грузчики, которые занимались погрузкой и разгрузкой прибывающих судов. В свободное время они работали на большой матьянской мельнице. Их одежда отличалась тем, что они носили довольно широкие брюки.

До вечера мы разгрузили большую баржу. Мы были счастливы, когда на грузовике нас отвезли в Колпашево, так как очень устали.

Во время уборки картофеля выкопали и убрали также артельный картофель, который нам обещали выдать осенью. Он простоял на складе до весны, где замерз и сгнил. Не достался никому.

На осенних работах в колхозе

В сентябре с места работы нас, двадцать человек, отправили в колхоз, чтобы помочь с уборкой осеннего урожая. Туда надо было добираться 25 км на барже и еще 10 км идти пешком. Свои вещи разместили на барже, сами уселись сверху и стали ждать отправления баржи. Ждали уже пару часов, когда наконец наступило обеденное время. Сошли на берег, чтобы сходить к колонке за водой.

Возвратившись мы увидели, что наша баржа уже отчалила от берега, не дав ни одного предупредительного сигнала. Маленький буксирчик тянул баржу. Мы кричали, чтобы они возвращались, однако баржа уходила все дальше. Нам ничего не оставалось как все 25 километров следовать за баржей, ведь на ней находился хлеб, который нам выдали на всю дорогу. На пароме перебрались на другой берег Оби, где мои подруги знали дорогу до колхоза.

Пару километров был сплошной песок, по которому мы шли с большим трудом. Ночь провели в какой-то будке вместе с рабочими, которые угостили нас огурцами. Собранные огурцы было предусмотрено отправить в Колпашево для засолки. Рано утром мы продолжили путь. В полдень пришли в деревню, в которой жили родители одной из наших спутниц. Там нас приветливо встретили и угостили. Отдохнув, мы снова отправились в дорогу. К вечеру мы очень устали и покрылись дорожной пылью. Ноги покрылись большими мозолями. Переправились через какую-то реку и пошли дальше вдоль самого берега реки. Вечером пришли в деревню, где должна была причалить наша баржа. Ждали дотемна, однако о барже не было ни слуху, ни духу.

Переночевали мы в деревне. Баржи прибыли утром. В пути сломался буксир, и прошло немало времени, пока его наконец починили. Вместе мы отправились в деревню «Ново-Линку», где нас уже ждали. Это была большая деревня, и там нам понравилось больше, чем в других. Поселили нас у колхозников. Нам попалась хорошая, аккуратная хозяйка.

Следующим утром нас повезли на работу. Местность эта была красивая, немного скалистая. Злаковые кое-где еще не были скошены. Мы пришли на скошенное, но еще не убранное гороховое поле. Вилами и граблями собрали горох в копны. После обеда набрали много гороха, который отнесли домой. Это был красивый, крупный горох.

Потом нам надо было работать на молотилке, которая еще находилась поблизости от деревни. Сюда свезли очень много злаков, поэтому работы хватило на несколько дней. Меня приставили к мякине. В тот день дул ветер, и мякина летала во все стороны. Забившиеся под одежду ости вызвали неприятный зуд. Глаза слиплись от пыли. Наступил вечер, стемнело, мы надеялись, что нам позволят отдохнуть, но машина и трактор гудели всю ночь без перерыва. Около шести утра нам разрешили поесть и отдохнуть. Мы так устали, что о еде и думать не хотелось. Улеглись на солому поспать.

Через пару часов машина снова завелась. Пришлось становиться на свои места. Мы отработали весь день до вечера, пока стог злаков не сошел на нет. Еду нам давали из полевой кухни, которая ездила вместе с машиной. Вечером нас отпустили в деревню и сказали, чтобы мы приготовились

больше времени проводить в дороге, так как машина будет уезжать от деревни все дальше и дальше.

Так мы молотили с утра до вечера и с вечера до утра, а спали при этом всего несколько часов. Позже удивлялись, как вообще мы смогли выдержать больше месяца.

Дешевая рабочая сила

Наш бригадир Ванька был одноногим инвалидом со скверным характером. Он ничего другого не делал, кроме как орал и кричал, чтобы мы работали еще быстрее. Зато водитель нашей молотилки Макар был славный русский, который старался замедлить чрезмерно быстрый темп работы и заботился о том, чтобы мы почаще отдыхали. Машину обслуживали 30 человек, включая водоносов, поставщиков продуктов и хозяйку. Поскольку мои глаза совсем заплыли, время от времени меня ставили на солому. Солому граблями надо было отодвигать дальше в кучу, которую один человек на лошади обхватывал длинной веревкой и оттаскивал дальше от машины. На соломе было намного легче, чем на мякине.

Нас кормили очень хорошо, и есть можно было столько, сколько хочешь. Часто варили гороховое пюре с мясом и картофельную кашу с молоком. Хлеб привозили уже взвешенным из колхозной клетки и делили с учетом того, сколько каждый работал.

Спали, зарываясь в огромные кучи соломы, в которых было тепло даже в самые холодные ночи, когда землю уже покрывал иней. Если лил сильный дождь, работу прерывали, и мы лежали в соломе, пока дождь не заканчивался.

Через некоторое время после того, как нам пришлось работать как рабам, день и ночь, без отдыха, мы почувствовали сильную усталость и начали протестовать, требуя, чтобы нас отпускали на ночь отдыхать, или в противном случае мы сбежим обратно. Поскольку мы были для колхоза очень выгодной и дешевой рабочей силой, а пора обмолота хлеба подходила к концу, нас успокоили, пообещав разделить на смены. Меня поставили в ночную смену. Последнюю ночь перед разделением на смены нам разрешили поспать. К счастью, поблизости была большая, пустая будка. Но здесь наш глубокий сон нарушил сильный шум. В будку зашел белый конь, на котором верхом сидел наш пьяный машинист, который захотел разыграть с нами «отличную» шутку. Сон как рукой сняло! Мы вскочили и прислонились к стене, так как боялись, что нас растопчут. Посреди комнаты была большая печь, вокруг которой машинист гонял коня. Чтобы тот бежал все быстрее, он бил коня кнутом. Конь бежал вскачь вокруг печки. Когда доски пола поломались, а из печки от сотрясения выпало несколько кирпичей, он, наконец, решил, что пора прекратить бушевать и смеяться. Вскоре после этого нам уже надо было выходить на работу.

С утра машина отправилась дальше, все больше и больше удаляясь от деревни. Пошел мелкий дождь, который опускался на землю густым туманом. Одежду сушить было негде. Меня отправили работать наверху машины, где надо было или принимать снопы, или серпом разрезать завязки на них. Чтобы машина не простаивала, работать приходилось без передышки.

Хозяйка ходила вокруг с кувшином воды, который мы осушали жадными глотками. Через несколько дней установилась хорошая, солнечная погода. Работать было так жарко, что пот тек ручьями. Однажды нам довелось побывать в красивом месте, где снопы были сложены в аккуратные, будто отмеренные стога. Ночью светил яркий месяц. Вдали слышались крики ночных птиц. Поскольку здесь негде было складывать солому, ее отвозили на берег озера и сжигали. Сухая солома горела большим, ярким пламенем, которое взмывало высоко в небо как огромный факел.

Мы проехали через лес, за которым начиналось огромное поле. Местами посреди поля были раскиданы небольшие березняки и березовые рощи, которые уже украсились разноцветными осенними листьями. В одном месте снопы были уложены в такие высокие стога, что издали они выглядели как большие пирамиды. Чтобы забраться на самый верх стога, пришлось приставлять к нему лестницу. Машина подъехала прямо к стогу, поэтому снопы можно было легко сбрасывать прямо на платформу.

Куда мы дальше ни ехали, нигде не видели стогов меньше предыдущих, а где-то были даже еще более высокие. Нам встречались самые разные виды хлебных злаков: пшеница, рожь, овес и ячмень. Мне сейчас нравилось стоять на высоких стогах, откуда было видно далеко вокруг. Сначала работа на молотилке казалась очень тяжелой, но со временем я привыкла, как привыкают к каждой работе. Тело закалилось, мускулы стали еще крепче.

На самом верху стога копны брать было легко, но чем ближе к земле, тем плотнее они прижимались друг к

другу. Когда начинали поднимать последний ряд снопов, из-под них большой волной вырывалось тепло. Земля под снопами дымилась от теплой влажности, поэтому не было ничего удивительного в том, что зерна в тепле прорастали. У проросших зерен вырастали большие стебли, поэтому их приходилось выдирать из земли.

Через какое-то время нас отпустили в колхоз помыться. На лошадях нас отвезли в деревню, где к нашему приезду растопили баню. Утром надо было снова выходить на работу. В дороге нас догнал наш комендант НКВД, к которому мы ходили регистрироваться. Это был высокий, черный грузин, контуженый на войне, поэтому иногда он вел себя довольно странно. Он ездил по деревням, улаживая разные дела. Когда вернулись на старое место, машину уже не увидели. По следам от колес на заезженной дороге нам удалось ее найти. Там было гороховое поле. Весь убранный горох собрали под небольшим навесом. Его молотить было намного легче, чем хлебные злаки. Здесь мы провели двое суток, а когда все закончили, снова поехали далеко вперед.

Водитель машины разрешил нескольким из нас сесть наверх, откуда далеко просматривались окрестности. Близился вечер. Вдали уже виднелись снеговые облака, а на поле еще оставалось много несжатого хлеба, который, как мы позже узнали, так и остался под снегом. Так погибло немало хлеба.

Толока молотбы у татар

Вернувшись в деревню, мы стали собираться на новое место, которое находилось в шести километрах отсюда.

Мы вышли после обеда. Дорога вела через гречишные поля, которые уже на расстоянии виднелись красноватыми пятнами. Ближе к деревне были поля репы. Через ворота мы зашли в маленькую татарскую деревню. Домики были маленькие, покосившиеся, очень грязные снаружи. Из-за углов домиков нас нам поглядывали маленькие, темные татарчата.

В конце деревни было длинное здание – барак, в котором мы должны были поселиться. Внутри был невообразимый беспорядок. На полу был такой слой мусора, что его пришлось выбрасывать лопатой. Установленные вдоль стен широкие полати были одним сплошным рассадником нечистот. Углы и окна были затянуты паутинами. С потолка тоже свисали длинные паучьи сети. Вычистили полати от мусора и улеглись спать. Но заснуть не могли, потому что тараканы ползали по одежде и телу. Это было настолько невыносимо, что с большими мучениями мы дождались утра. Воздух здесь был тяжелый, спертый, в ноздри неприятно бил запах ворвани, которой смазывают татарские сапоги.

Всякие мерзкие испарения просачивались одно сквозь другое.

Рано утром нас потревожила громкая ругань. Когда все поднимались, начались разговоры, крики, ругань на татарском языке, который мне напоминал цыганский язык. Нас отвели на льняное поле, где лен еще не был выдернут, и вообще, лен здесь удался неважно. Нам дали пол-литра молока и сырой ржаной хлеб. В обед нам предложили похлебку, при одном виде которой становилось плохо, и

мы от нее отказались. Вечером вернулись на ночлег в нашу деревню.

Рано утром мы снова были у татар. На этот раз надо было идти на молотьбу, и нам показали дорогу туда. Дошли до поля, но машину не увидели. Из ближайшего стога вылезли два татарина и начали что-то говорить по-татарски. Оказалось, что под кучей соломы и находилось то, что мы искали – наша машина. Мы и подумать не могли, что увидим ее в таком беспорядке! Старший из татар с темным, заскорузлым лицом, пышными рыжими усами, обросший длинными до плеч рыжими волосами, в грязной одежде и облепленных засохшей грязью сапогах, был водителем молотильной машины. Второй, помоложе, был машинист. Уже вчера они начали молотить, но поскольку народу было мало, солону пришлось оставить здесь же, у машины.

Прежде всего мы очистили машину от соломы, оттащив ее на приличное расстояние. Мокрыми руками рвали снопики, сброшенные в кучу как попало. Внизу они срослись вместе, и мы их вытягивали совсем как горячие пироги. Все остальные снопики тоже были наброшены кое-как. Здесь на каждом шагом мы сталкивались с невообразимым беспорядком. Отработали на этом месте всего неделю.

Получив хлеб в дорогу и попрощавшись с колхозниками, мы отправились в путь. Поздно ночью добрались до пристани на реке. Пристанью служила маленькая будка, где мы и провели ночь – в тесном, непригодном для сна помещении.

Счастлив тот, у кого есть корова или коза

Утром нам пообещали прислать лодку, чтобы добраться до Колпашево. Обещанному мы не очень-то поверили и продолжали путь пешком. На пароме переправились через реку. Проводники шли вперед быстрым шагом, и нам приходилось торопиться, чтобы успевать за ними. Недалеко от Колпашево сели на травку отдохнуть, позже отстали и сбились с пути, потому что здесь пересекалось несколько дорог. Здесь были и луга, на которых паслись коровы колпашевских жителей. Дальше вышли на правильную дорогу, сели на берегу на большое бревно и стали дожидаться переправы на другой берег. За довольно короткое время мы прошли 40 км, поэтому чувствовали сильную усталость. Какая-то повозка, проезжая мимо нас почти вплотную, чуть не наехала на нас. Втулка колеса задела и ранила мою ногу. В рану попала колесная мазь. Тогда я не обратила на это особого внимания, о чем позже мне пришлось сильно пожалеть.

У переправы собралось много людей, которые перебрались на этот берег подоить своих коров. Почти у каждой колпашевской семьи была своя корова, которую на лето отправляли через Обь – на большие пастбища.

Там было много пастухов, которые сообщая пасли скот, получая за это зарплату и молоко. Чтобы подоить коров, их владельцы трижды в день переправлялись через Обь. Осенью коров привозили обратно. Именно для этого в первую очередь и нужен был паром, который сейчас был переполнен доярками. Летом еще на нем ездили косари на дальние луга, а также те, у кого были какие-то дела в

ближайших заречных деревнях. В Колпашево также было много коз, которые паслись на улицах и во дворах – везде, где росла трава. Коз я видела повсюду. Говорят, что это признак бедности.

Паром заполнился людьми и отошел от берег. Уже смеркалось, когда мы прибыли в Колпашево. Со мной повторилась та же история, которая произошла осенью прошлого года, когда, вернувшись из колхоза, мы оказались перед закрытыми дверями. И на этот раз все произошло так же. Хозяйка нашего домика захотела его снести, поэтому нам пришлось искать крышу над головой в другом месте.

В новой квартире

Мы поселились в небольшом домишке, в котором жила одна русская семья. Домишко находился под Колпашево, за небольшим болотом, в местности с сосновыми лесами. Добраться сюда можно было по высоким дощатым мосткам, которые вели через болото. Когда узнали, что наши хозяева не совсем чисты на руку, мы постарались побыстрее найти другое жилье. В новой квартире в наше распоряжение предоставили одну комнату и две прихожие. Комната находилась на солнечной стороне, она была чисто выбеленная, с тремя маленькими окошками и крашеным полом. На второй половине дома жила сама хозяйка, старенькая «бабушка». Дом находился в центре города, рядом с радиоузлом. Каждый вечер мы могли слушать музыку, которую передавал радиоузел. Позже хозяйка тоже каждый второй вечер стала приносить нам свое радио. Я была этому очень рада, потому что музыку любила больше всего на свете.

Колпашевское кино

Кино, по сравнению с другими зданиями, было самым видным строением: деревянное, голубого цвета, с широкими входными дверями и лестницей, оно находилось посреди небольшого сада. Фойе было большое и просторное, с колоннами по бокам. Здесь же проходили танцевальные вечера. В одном конце было небольшое возвышение для оркестра, вдоль стен стояли скамейки, а в другом конце был буфет. Стены и потолок были аккуратно покрашены масляной краской. В кинозале было 800 сидячих мест.

С работы нас часто отправляли на какие-то политически-пропагандистские фильмы, поскольку на них обычно никто не ходил. Зато если показывали иностранные фильмы, зал был переполнен.

Летними вечерами здесь можно было приятно провести время. Перед началом сеанса играл так называемый джазовый оркестр, в составе которого было несколько аккордеонов, рояль, барабаны и другие музыкальные инструменты. Иногда опять же выступали три аккордеониста и один певец, который исполнял русские романсы.

Однажды показывали фильм, в котором были, якобы, убитые немцами в лесах Польши польские офицеры (Катынь?). Убитых раскопали и рассказали об их смерти. Рассказ сопровождала траурная музыка. Это были жуткие картины, когда комиссия рассматривала трупы убитых. Позже ходили слухи, что они были убиты русскими, а не немцами.

Зима 1946 года в Колпашево

Поздней осенью сюда прислали еще один вагон латышей, только что вывезенных из Латвии. Это были по большей части состоятельные владельцы крестьянских хозяйств. Сначала их какое-то время продержали в рижской тюрьме и только потом привезли сюда. Они были осуждены на пять лет ссылки. Здесь их устроили на разные работы.

Снова наступила зима. Грустно стало на сердце, когда ушли последние пароходы. Проводили их со слезами на глазах, потому что вместе с ними ушли и наши надежды. Дули свирепые ветры, начались метели и снегопады. Наш дом так засыпало снегом, что незанесенными оставались только маленькие окошки. Улицы утопали в высоких сугробах. Как только прокапывали тропинку, чтобы можно было пройти, так ее тут же снова заметало снегом.

Моя раненая нога начала гноиться, потому что в рану попала грязь. Я не обратила на это внимания – думала, что и так пройдет, но мне даже ходить стало трудно. Я ходила в амбулаторию, а там мне сказали, что рана серьезная и даже почти загноилась кость. Мне выписали больничный, чтобы можно было не ходить на работу.

На работе нам часто читали лекции о том, как защититься от венерических заболеваний. Лекции читала врач по кожным болезням Невроская. Венерические болезни здесь были очень распространены, ими болели 80% жителей. Но частые лекции и постоянные врачебные проверки все же никак не помогали с ограничением распространения этой дурной болезни.

Часто проводились собрания, на которых члены партии пытались убедить нас в том, что для перевыполнения пятилетнего плана надо работать быстрее и лучше. Когда некоторые рабочие начинали возражать, что нормы слишком высоки, зарплаты начислены неправильно, а в воскресенье не дают выходной день, их тут же прерывали, а собрание объявляли закрытым. Так начальство обходило требования рабочих и вынуждало их трудиться из последних сил ради выполнения пятилетнего плана.

Иногда рабочие после собраний показывали подготовленные выступления. Тогда казачок отплясывали так, что весь пол гремел. Однажды я сходила на мероприятие в среднюю школу, где выступали сами школьники.

Долг советскому государству

Для нас стало большой неожиданностью известие о том, что мы остались должны колхозу, где осенью работали на молотье. Мол, работали мы слишком мало, ели слишком много. Мы стали возражать, но нас не стали слушать и каждый месяц из наших зарплат удерживали за «обед». Мы работали день и ночь, не получали ни денег, ни продуктов, кроме скудной еды три раза в день, и при этом еще были должны! В Советском Союзе работники получали только десятую часть от заработанного. Остальная зарплата уходила чекистам и партийным деятелям.

Придя домой с работы я иногда еще вязала или писала письма на родину, откуда сейчас получала известия довольно часто. Так тянулись короткие зимние дни.

Неожиданно получила радостный сюрприз: пришло письмо из Лиепай. Его написала одна женщина, которая прошла путем беженцев вместе с моим отцом. Она писала, что случайно узнала адрес и папы, и мой. Папа сейчас находится в лагере принудительных работ в Карело-финской ССР и работает на строительстве Беломорканала. Это казалось совершенно невероятным, ведь из Риги мне писали, что папа находится за границей, потому именно так я все время и считала. Меня постоянно удручала мысль о том, что папа тоже находится в ужасных рабских лагерях. Написала ему на присланный мне адрес. Думала, что из лагеря не позволят переписку, поэтому ответа не ждала. И сильно образовалась, когда получила первое письмо. Так приятно было видеть и читать знакомый почерк. Это письмо я перечитывала бесчисленное число раз, пока не запомнила его содержание наизусть. Еще больше радости было, когда письма стали приходить чаще. Папа подробно описал, где и как он проводил время в разлуке с нами, сообщил, что произошло с нашими родными и знакомыми. Каждый день теперь был наполнен новым радостным ожиданием в надежде снова получить дорогое письмо. Отец писал интересные письма, которые я старалась сохранить, чтобы потом, спустя годы, у меня было, что перечитать и вспомнить минуты счастья даже в Сибири.

Зимним вечером

Возвратившись домой с работы, обычно шла на реку за водой. Бочка для воды была десятиведерная, поэтому с двумя ведрами приходилось ходить за водой пять раз. Река нахо-

дилась от нас на расстоянии 350 метров. Берега Оби у Колпашево были очень крутые. Летом на берег можно было подняться по ступенькам, которые были вырублены в отвесной скале, а зимой – по проезжему большаку. Прорубь вначале была вырублена рядом с берегом, но позже река промерзала так глубоко, что во льду трудно было проделать отверстие. Особенно по вечерам после работы большак был заполнен людьми, которые шли за водой с ведрами или с поставленными на сани бочками. Организациям воду возили на лошадях. На реке было много разных прорубей: и для зачерпывания воды, и для полоскания белья. Удивительно было смотреть на русских женщин, которые даже в самый большой мороз приходили на реку полоскать белье.

Иногда светлыми лунными вечерами я шла на реку за водой немного позже, чтобы полюбоваться видом, который здесь открывался. Таких светлых лунных ночей как в Сибири в Латвии никогда не было. Особенно светло при большом морозе, когда снег хрустит под ногами. Стоя у проруби, на приличном расстоянии от берега, можно было увидеть переливавшееся яркими огнями Колпашево и услышать музыку из громкоговорителя. Откуда-то издали доносился скрип саней и похрустывающего под их полозьями снега – это или ехал припозднившийся лесоруб, или везли сено с дальних лугов. Порой мороз был настолько сильным, что воздух наполнялся белым туманом, сквозь который едва пробивалось сияние месяца. Холодный воздух перехватывал дыхание, на глаза наворачивались слезы. Я зачерпнула воду и медленно пошла с коромыслом по берегу наверх. Навстречу шел какой-то запоздалый водо-

нос. Пока дошла до дома, вода в ведре покрылась тонким слоем льда.

Тюрьма

Наше место работы находилось рядом с большой тюрьмой. Каждый раз мы могли видеть, кого привели и кого вывели. Тюрьма располагалась в большом трехэтажном деревянном здании. Вместо окон на самом верху были маленькие, наклонные щели. Тюрьма была обнесена высоким забором с большими воротами. На заборе было обустроено несколько будок для надзирателей – сторожевых вышек. Во дворе еще было много разных строений. Рядом с воротами тюрьмы находилось окошко, через которое принимали принесенные заключенным продукты. Каждый день у окошка стояли длинные очереди посетителей с корзинками и пакетиками. Даже в самый сильный мороз очереди не уменьшались.

Зимой арестованных гнали пешком 300 километров в Томск, летом пересылали на отдельных пароходах. Колпашевская тюрьма была пересыльной. Зимой, когда часто бушевали метели, трехсоткилометровый путь был невыносимо мучительным для истощенных арестантов.

В последнее время были арестованы почти все те латышские мальчишки, которые здесь находились вместе с матерями и которые на момент высылки еще были несовершеннолетними. Их несправедливо осудили по какому-то политическому делу: якобы они собирались вместе, чтобы читать и петь патриотические латышские песни и

критиковать коммунистический строй. В конце концов оказалось, что в одном месте, где совместно проживали несколько латышских семей, по вечерам пели латышские песни и предавались воспоминаниям о Латвии. Какой-то шпион их подслушал и донес на них в соответствующие учреждения. С грустью приходится признаться, что среди латышей были шпионы, которые здесь, в Сибири, обрекали своих соотечественников на пытки, сдавая их в руки чекистских агентов.

Немало было и таких случаев, когда те люди, которых чекисты выбирали в качестве своих шпионов, отказывались от их предложения. Потом за ними следили, иногда даже арестовывали и ссылали в штрафные лагеря. Нам всем здесь следовало быть очень осторожными друг с другом. Если когда-то мы и собирались вместе, то говорили приглушенными голосами, потому что под окнами иногда подслушивали.

В гостях у сестер

В апреле получила двухнедельный отпуск, который собиралась использовать на то, чтобы навестить сестер в детском доме в Круглом, расположенном в 45 километрах от Колпашево. К счастью у меня оказались две попутчицы – девочки-латышки, которые жили в 10 километрах от Колпашево. Вышли на рассвете. Вначале дорога шла вверх по Оби, а потом вдоль берега. Дальше надо было идти по низинным лугам и по степи. Через каких-то десять километров мы прошли через небольшую деревеньку. Потом

снова долго не видели ни одного человека, ни одного дома. После полудня дошли до маленькой деревушки с несколькими избами, которые стояли на самой вершине холма, возвышаясь над горизонтом. Дальше дорога вилась по равнине, лишь кое-где вдали виднелись небольшие рощицы или кусты.

Когда смеркалось, мы вошли в деревню, окруженную лесами и болотами. В последнем доме деревни жили латыши, у которых я осталась на ночь. Когда зимнее утро занималось над тайгой, снова отправилась в путь – до Круглого оставалось километров десять. Утро было пасмурное, а позже началась метель. Мне еще предстояло перебраться через большое болото, где во время снежной бури многие сбивались с пути. Как только вспомнила об этом, меня охватило беспокойство. Метель усиливалась, дорогу разглядеть уже было невозможно. Казалось, что бреду по бескрайней степи, покрытой огромными сугробами. Направление указывали воткнутые по обочинам дороги еловые ветки. Если бы не это, ни о каком продолжении пути даже подумать было бы невозможно – каждый следующий шаг уводил бы с дороги все дальше и дальше. Ноги выше колен проваливались в рыхлый снег.

Ветер дул прямо в лицо, глаза невозможно было открыть. С большим трудом удавалось продвигаться вперед. Скоро почувствовала, что обе пятки стерты, а ноги стали болезненно чувствительными. Временами останавливалась, поворачиваясь спиной к ветру, и так отдыхала. Однако стоять подолгу тоже не удавалось, потому что я вспотела и начинала замерзать.

Обрадовалась, увидев вдалеке край болота, за которым возвышался поселок Круглое. Недалеко от края болота догнала воз с сеном, который ехал впереди меня. В метели я не разглядела колею санного следа. Когда вошла в поселок, метель уже начала утихать. Пройдя через поселок, на другом его конце увидела большой двор, огражденный забором. Во дворе было несколько одноэтажных деревянных домиков. Поняла, что это и есть детский дом.

Из первого здания выбежали дети. Внимательно присматривалась, не увижу ли среди них своих сестер. И действительно, из дома вышла Майечка. Остановившись недалеко от дверей, засунув руки в карманы, наклонив набок головку, она ногой постукивала по какому-то куску льда. Она выглядела так, словно была чем-то опечалена.

Я позвала: «Майечка!», но она кажется не услышала. Я подумала, что, может, это совсем не Майечка, поэтому позвала еще раз, и только тогда она подняла голову и внимательно посмотрела в мою сторону, но, наверное, не узнала меня. Наконец, когда я сказала: «Майечка, ты не узнаешь меня?», она радостно вскрикнула и подбежала ко мне. На ней было короткое пальтишко, на голове – ушанка (волосы были коротко острижены), на ногах – «бурки» (обувь, сшитая из ткани в виде высоких сапог), на которые были натянуты резиновые калоши.

Пока разговаривали, вокруг нас собралась толпа маленьких, любопытных сирот. Майечка побежала позвать Дзидру, и вскоре они обе уже стояли рядом со мной. Дзидра сильно вытянулась, но выглядела лучше, чем когда я ее видела в последний раз. На ней была фуфайка (куртка) и

юбка, на голове – шапка-ушанка, на ногах – валенки. Майечка была румянее, чем Дзидра.

Это опять была радостная встреча после долгой разлуки, которая продолжалась целых три года.

Чувствовала, что мы сильно отвыкли друг от друга, тем не менее это не помешало нам порадоваться встрече. Чтобы спокойно поговорить, мы зашли в один домик, где жили приветливые русские люди. Мы сели в маленькой комнатке и поговорили обо всем, что с нами случилось за это время. Правда, событий было не так уж много, ведь жизнь здесь была известна своей однообразием, помимо нескольких неординарных случаев.

Я подбодрила сестер, сообщив им, что латышских сирот весной из детских домов обязательно отправят на родину. Такие слухи тогда ходили по Колпашево, а позже они сбылись. Через некоторое время стала собираться в дорогу, так как боялась, что не попаду домой до наступления темноты, а остаться здесь было негде. Сестры проводили меня до ворот, где мы попрощались. Я оглянулась. Они обе все еще там стояли и махали мне на прощание.

Дорога назад была намного легче, чем сюда. Метель утихла, ветер сейчас дул в спину. За это время никто не проходил и не проезжал, поэтому пришлось снова брести по большим сугробам, не видя перед собой ни одного следа. Как было бы хорошо, если бы дорога шла через лес! Редкие деревья и кусты были всего лишь как островки посреди большого озера, за ними начиналось болото.

Сумерки уже опустились над болотом, когда наконец вышла на лесную дорогу и дошла до места своего ночлега.

С утра собралась в путь в Колпашево. Стало не по себе, как только вспомнила, что впереди еще 40-километровый путь, который придется пройти в одиночку, без попутчиков. Ноги были сильно стертые, поэтому хотелось как можно быстрее снова отправиться в путь, ведь чем дольше даешь отдых ногам, тем труднее заставить их двигаться. Пройдя часть пути, ноги уже привыкли, и боли я больше не чувствовала.

Этот день был солнечный и теплый. Чем ближе я подходила к Колпашево, тем лучше становилось настроение. По пути я ни разу не отдыхала, так как боялась, что снова почувствую сильную боль в стертых ногах.

У Колпашево догнала воз с сеном и дровами. К возу были привязаны два больших берестяных туеса с крышками, в которых было молоко. Зимой на рынке продавали по большей части круги замороженного молока и творог. Глядя с противоположного берега на Колпашево, можно было увидеть оживленное движение на льду. Проезженная через реку дорожная колея почернела от конского навоза и упавших с возов пучков сена. Солнце сияло, снег местами уже начал таять. Пришла домой с мокрыми ногами и спиной.

Красные майские праздники в Колпашево

1 мая на работе устроили праздничный вечер с едой и выпивкой. Шествий и демонстраций здесь не было. Вечер состоялся в самой большой колпашевской столовой. Помещение было неотопливаемое, поэтому сидели мы в верхней одежде. Только позже стало теплее. В простом помещении было накрыто несколько столов, где каждому в глиняной

мисочке было выделено праздничное угощение: винегрет с маслом, два пирога, ломтик белого хлеба, кусочек холодца, несколько сладких печений. И еще каждому поставили по поллитра «браги» – похожего на самогон напитка. Если хотелось еще получить браги, ее можно купить в буфете.

Сначала все вели себя очень прилично, однако позже все разошлись не на шутку. Многие принесли с собой спирт, который смешивали с брагой. От такой мешанины все быстро опьянели. Меня тоже заставили выпить полстакана этой смеси, после чего я почувствовала себя захмелевшей.

Позже пришел какой-то слепой аккордеонист, который начал играть вальсы и русские танцы. Начались пляски, подобных которым я никогда не видела и, наверно, никогда не увижу. Танцующие были так пьяны, что, сделав пару шагов и повернувшись, они тут же падали, потом вставали, пытались повернуться и снова заваливались. Многие падали друг на друга, блевали, валялись в рвоте, кричали что-то бессвязное, катались по полу.

И за столами было не лучше. Там ели и пили до тошноты. Били посуду, бутылки, начались драки. Одежда у всех была загажена. Если это были люди, то чем же они отличались от животных – скотов?

С каждой минутой становилось страшнее, все пили без какого-либо чувства меры. Начальники забыли о своем положении и вели себя еще хуже, чем рабочие. Все это безумство, которое здесь происходило, описать невозможно. Этот вечер напоминал какую-то оргию дикарей. Так завершался каждый вечер, который русские называли «вечеринкой». Когда оргия стала превращаться в распутство, я пошла

домой. На улице многие валялись по снегу и дрались.

По дороге домой довелось проходить мимо и многих других мест, где тоже отмечали майские праздники. Но и там было не лучше, чем на нашем вечере. Вот так встречали майские праздники у русских в Сибири.

Весна 1946 года

Пришла весна. На этот раз все выглядело так, что она будет радостнее предыдущей, так как по слухам всех латышей якобы отпустят домой, ведь именно сейчас исполнилось ровно пять лет с тех пор, как мы оказались в Сибири. Еще более достоверными казались слухи о том, что сирот из детских домов повезут домой. Таким образом, несмотря ни на что, был повод для радужного настроения. Снова с большим нетерпением мы ждали прибытия первых пароходов. На сибирских реках лед сходит примерно после 1 мая, а иногда и позже. Только в начале июня русло реки окончательно освобождается от зимних оков, унося большие горы льда в океан. С ледоходом начиналась навигация. Как только лед выходит, появляется торговый флот – пароходы, баржи и плоты везут северянам необходимые товары. Часто весной случались сильные наводнения, вода заливала предместье города Береговое.

На берегу началось оживленное движение. Из колхозов съезжались баржи с колхозниками, которые привозили на продажу картофель, овощи и муку. Люди на баржах ездили по реке, на которой еще там-сям плавали отдельные куски льда, крюками вылавливали плавающие бревна, вытаски-

вали их на берег и обрабатывали. В особо солнечные дни берег кишел людьми. Сюда съезжались и маленькие буксирчики, здесь их отмывали и чистили. На воде сверкали радужные пятна от вылитого масла. Иногда у берега даже невозможно было зачерпнуть воды, приходилось карабкаться по вынесенным на берег бревнам, на маленькие буксирчики или на моторные лодки.

И вот как-то одним солнечным вечером причалил белый пароход «Александр Невский» (наше счастливое судно, как оказалось позже). Это было самое большое, самое красивое и самое быстрое судно на Оби. Собралось много встречающих, которые махали судну, приветствуя его. Когда судно причалило и затихли машины, спустили трап, и пассажиры стали выходить на берег.

Гудки этих белых пароходов, особенно по весне, я никогда не смогу забыть. Я слышу их до сих пор и буду слышать всегда... Чаще всего пароходы приходили по вечерам, а уходили ночью.

Лежа в кровати, я всегда отчетливо их слышала, потому что жили мы в 300 метрах от порта.

Сообщение по Оби обеспечивали белые пароходы – их было около восьми. Внимательно прислушиваясь, я уже могла различить гудки каждого парохода. Ночью мы оставляли окна открытыми, и в нашей комнате было светло от яркого сияния месяца. Из радиосуилителя звучала музыка Чайковского. В душе поселилось затаенное предчувствие близкой радости. Не обманет ли оно меня на этот раз?

Сестры в пути на родину

Проснувшись утром, увидели, что вся земля облачилась в белый наряд: ночью выпал снег. Это было удивительно, потому что еще вечером мы шли одетые по-весеннему. Сегодня было 6-е мая. Мы радовались, что в этом году будет сухая весна, так как все уже высохло, а теперь, когда снег растает, снова станет грязно. Когда я в обед пришла с работы домой, застала Дзидру, которая сообщила радостную весть, что ее с Майей отправляют в Латвию. Казалось невероятным, что однажды это на самом деле может произойти!

Они приехали на пароходе «Александр Невский», который сейчас ушел в Матьянгу, чтобы взять уголь. Майечка с воспитательницей осталась на пароходе. Трудно было подумать о том, что мне придется остаться здесь одной, поэтому мы с мадам К. пошли к коменданту поговорить, не могу ли я тоже уехать вместе с сестрами. Но никакие разговоры не помогли. Комендант меня не отпустил. Сейчас из детских домов в Латвию везут только детей. Может быть счастье улыбнется и нам остальным?

Проводили Дзидру до парохода, который уже подошел. Дзидра поднялась на пароход, который вскоре отчалил от берега. Дзидра была очень рада, что ее мучения и унижения скоро закончатся, но вместе с тем ей было жаль, что мне придется остаться здесь одной. Майечку не видали, потому что на пароход нас не пустили. Отправили с Дзидрой на родину приветы нашим родным и знакомым.

Долго махали на прощание вслед уходящему пароходу, который увез моих сестер навстречу более светлому будущему. Долго стояли на берегу, пока пароход не исчез вдаль за излучиной реки. Не хотелось идти домой, было так невыразимо грустно и тяжело... Я чувствовала себя так, словно меня выбросили на одинокий остров, и мне придется долго тосковать в ожидании какого-то парохода, который спасет меня в этом безвыходном положении.

Знакомство с приволжскими немцами

Поскольку в вязальной артели работы больше не было, ее закрыли, а нас всех перевели учениками в швейный цех. Это, правда, было очень невыгодно, поскольку нужно было работать три месяца за маленькую зарплату ученика (150 рублей), а найти работу где-нибудь в другом месте не было никакой надежды. Сейчас собралось столько учеников, что всех их просто негде было рассадить. Наш цех сейчас разделили на две смены: с шести утра до трех часов дня и с трех часов дня до 11 вечера.

Работать в помещении приходилось немного, потому что, как только сошел снег, нас стали отправлять на разные работы. На лошади ездили в садоводство «Пихтовник», откуда нужно привезти ивовые ветки. Садоводство находилось в большом саду. Правда, здесь не было никаких декоративных кустов, а росли только огурцы и помидоры.

Двор цеха не был огражден забором, поэтому привезенные ветки нужно было посадить вокруг двора. Вырыли ямки, в которые втыкали ветки. У некоторых веток не

было ни одного зеленого листочка, но их все равно нужно было сажать. Потом мы вынесли со двора строительный мусор и засыпали им колдобины, чтобы хоть немного выровнять дорогу. Еще нужно было вырыть вокруг двора канаву, чтобы не заливало во время дождя.

Однажды нам сообщили, что нужно будет на три недели отправиться в лес на заготовку дров. Это была совсем неприятная новость, которая означала, что за это время не получу ни писем, ни каких-либо вестей из дома. Я уже привыкла каждый день с радостным нетерпением их ждать и получать. Кроме того, я надеялась получить новое известие от сестер, узнать, как они добрались до дома.

Нас разделили на бригады, в каждой по двадцать человек. Меня определили в первую группу, вслед за которой в лес должна была сразу же отправиться следующая. Накануне нам выдали хлеба на 13 дней, остальное обещали подвезти позже. С утра собрались во дворе цеха, откуда все вместе вышли в путь. До барака в лесу, где мы должны были поселиться, было 10 километров. Мы прошли через предместье города. Здесь находилось небольшое предприятие, где изготавливали всякие мелочи, в том числе, детские игрушки, которые клеили из старой бумаги и жестяных пуговиц. Дальше находились картофельные поля, за ними – лес.

На краю леса были построены маленькие землянки, в которых жили ссыльные – приволжские немцы. Здесь было около 30 землянок, которые они строили сами. И почти все они отличались друг от друга по своему виду. Маленькие окошки украшали белые занавесочки. У некоторых домиков

из шишек и одуванчиков были выложены разные орнаменты. Даже в этом проявлялась немецкая аккуратность и чистоплотность, хотя жили они здесь уже много лет и это поколение уже родилось в России. Одни жили очень хорошо, другие – в большой бедности, одним словом, кто как мог, так и устраивался.

Лесная дорога была широкая, идти по ней было очень приятно. В обед мы пришли к небольшому пруду, за которым дорога сворачивала к бараку – он был виден уже с большака. Длинный барак был построен из неотесанных бревен с покатою дощатой крышей и маленькими окошками. С каждой стороны вдоль стен стояли большие двухэтажные спальные нары, посередине – длинный стол. Все, само собой разумеется, было некрашеное и примитивное. В одном конце барака был небольшой очаг и жестяная печка. Здесь же был и сторож барака. В одной комнате находился лесной бригадир, который направлял всех на работу и записывал выработку каждого.

В течение нескольких дней нам нужно было перекладывать поленницы дров, которые за зиму развалились от снега и сильного ветра. Больше всего здесь было березовых и осиновых дров. Когда мы их сложили, нам выдали пилы и топоры, которые были такие неострые, что, работая, мы только зря тратили силы и время.

Бригадир завел нас глубоко в лес, где нас разделили по парам и выделили каждому свою делянку для подготовки деревьев. Каждому приказали заготавливать по четыре кубометра дров в день. Надо было повалить дерево, обрубить ветки и верхушку, распилить ствол на чурбаки,

разрубить на поленья и сложить в поленницы. Если попадались ровные, толстые деревья без веток, то, усердно работая с раннего утра до позднего вечера, можно было выполнить норму.

Борьба с тараканами

Работу в лесу была не из легких. Усталые, вечером шли в барак, который сейчас находился в трех километрах от указанного нам места. В бараке на плите кипятили воду, которую пили вприкуску с хлебом. Часто мы так уставали, что есть совсем не хотелось. В бараке завелось множество больших тараканов (прусаков), которые нас по ночам нещадно дожимали. С потолка они падали на лицо, залезали под одежду, ползали по телу. Мы жгли спички и отгоняли их, но как только ложились, чтобы заснуть, война начиналась заново. Спать было просто невозможно. За три недели мы совершенно измучились, потому что не могли ни отдохнуть, ни выспаться после тяжелого трудового дня. Утром вставали с тяжелой головой, не выспавшиеся, измученные. Едва волоча ноги, шли на делянку. На свежем воздухе сонливость проходила, мы начинали чувствовать себя лучше. За проведенный в лесу день нам платили только половину от дневного заработка, поэтому в конце за проделанную работу получили маленькую сумму.

Прошло 13 дней, и мы стали ждать, когда нам привезут хлеб. Так и не дождавшись, мы отправились в Колпашево, где и получили хлеб на более длительный срок.

Одним красивым, солнечным воскресным днем мы выпросили у бригадира разрешение отдохнуть. Бригадир

был хороший человек. Он часто рассказывал нам интересные истории и события военного времени. Он участвовал в Великой Отечественной войне. Он привел нас в красивое место в лесу, где протекал маленький ручеек. На берегу ручья я нашла фиалки, которые здесь были светло-фиолетового цвета и сладко пахли. Казалось, что тайга совсем неподходящее место для фиалок. Местами находила сморчки. Березы мне очень напоминали Латвию. Эти непроходимые леса, как много в них было ценного материала! Как много деревьев, завершив свой век, там же падали и истлевали! Люди рассказывали, что в этих лесах перед революцией скрывались многие революционеры.

Так прошли три недели, и нам надо было возвращаться в Колпашево. Придя домой, терла лицо и руки песком и водой, чтобы очистить руки и лицо от пятен смолы.

Перед дорогой

Вернувшись из леса, дома нашла письма с родины и от отца. После лесных работ работала в цеху, училась шить, но в мыслях была от работы очень далеко. В лесу я чувствовала себя лучше, чем здесь, в помещении. Из окон мастерской вида была видна широкая Обь. Когда мимо скользили белые пароходы, у меня возникало чувство, что вскоре я тоже отправлюсь в путь на одном из них. Порой от переполнявшего меня при виде парохода чувства радости я бросала работу и выходила на крыльцо, чтобы лучше рассмотреть его. Призывные гудки парохода звучали для меня предвестником далекого, неведомого пути...

Предчувствие меня не подвело. Однажды около обеда нас во дворе разделили на группы и каждому указали земельный участок под посадку картофеля. Словно заранее зная, я сказала, что мне участок не нужен.

Через какое-то время ко мне прибежала мадам К. и рассказала, что мне пришло разрешение на возвращение в Латвию. Казалось невероятным, что так скоро сбылись мои чаяния и тайные надежды. Как во сне я поспешила в местный совет, где был отдел снабжения сирот. Там две немолодые русские женщины интеллигентного вида ознакомили меня с порядком отъезда. Через два дня должен прийти пароход, на котором я поеду в Томск (в Колпашево пароходы приходили примерно три раза в неделю). Потом они сказали, чтобы я уладила все обязательства на рабочем месте. Они выписали справку, по которой меня непременно отпустят с работы. По дороге в Томск меня будет сопровождать работница из отдела снабжения.

Пошла на работу, где мне оформили все документы, выдали остаток зарплаты и дорожные талоны на хлеб и продукты. По этим талонам во всех городах можно будет получить хлеб. Попрощалась с товарищами по работе и стала собираться в дорогу. Не могла спокойно усидеть на месте, часто бегала на причал, чтобы посмотреть и спросить в справочном бюро, когда придет пароход. Много времени проводила на берегу Оби, высматривая пароход. Сложила свои вещички в мешок и ждала. Некоторые латыши дали мне посылочки с орехами и письма, которые мне надо было отвезти в Латвию и передать их родным. Пошла попрощаться с соотечественниками, которым не так повезло, как мне.

Незадолго до моего отъезда снова были арестованы многие латыши, в том числе и те, вместе с которыми я была на Былине. Позже слышала, что их увезли в исправительно-трудовые лагеря.

До прибытия парохода нужно было ждать четыре дня. Наконец однажды утром раздался громкий, глухой гудок. Поскольку у меня уже все было сложено для отъезда, я взяла свой мешочек и побежала на пристань. И правда, сейчас белый пароход причалил к берегу и ошвартовался. Поскольку пароход прибыл с опозданием, на причале собралось много желающих уехать. С прибывшего парохода сошли пассажиры, и все они стекались в небольшой скверик у причала, где их ждали родные. Люди шли один за другим с большими узлами. С большим трудом нам удалось протиснуться сквозь толпу ко входу, где встретились с нашей представительницей Верой Михайловной. Она уже купила нам билеты. Билеты мы покупали за свои деньги – в третьем классе. Вместе с толпой мы пробрались по мостику на пароход. Мадам К. тоже пришла меня проводить. Нам с билетами 3-го класса следовало разместиться в коридоре, так как на судне других помещений третьего класса не было. Мы были три латышские девочки, которые отправились в путь на этом пароходе. Люди все шли и шли, пока, наконец, все не было заполнено пассажирами. Пароход дал сигнал, были подняты мостки и судно медленно отчалило от берега.

Пароход сейчас шел в Томск. Когда мы покинули берег Колпашево, сердце быстро забило от большого счастья. Действительно, наконец исполнилось мое самое сильное

желание! Мы махали на прощание стоявшим на берегу латышам, которые пришли нас проводить. Среди них была и моя большая благодетельница мадам К., чей светлый образ и улыбку я сохраню на всю жизнь как самое дорогое, незабываемое воспоминание. Она была моим добрым духом, потому что никто из латышей не помогал другим столько, сколько это делала мадам К. Очень многим, оказавшимся в безвыходном положении, она протягивала свою руку! Среди них была и я. Кажется, что в глазах других людей ее человеческий образ обрел бессмертие.

На пути в Томск

Из Колпашево мы вышли 27 мая 1946 года на пароходе «Александр Невский», который увез домой и моих сестер. До Томска нам надо было провести в пути двое суток и пройти 300 км. Оставшиеся на берегу латыши жалобно смотрели нам вслед, вытирая платочками слезы. И как, должно быть, у них болели сердца при виде нас, счастливых, возвращающихся в Латвию! Когда же и им всем будет суждено вернуться на свою родину?

Мы быстро отдалялись от Колпашево. Как только завернули в излучину реки, он исчез из виду. Многие ехали без билетов, ловко избегая контролеров. Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу на своих мешочках у поленниц дров, где и провели ночь. С наступлением сумерек пошел сильный дождь. Сверкали молнии и гремел гром. Дождь шел всю ночь без перерыва. Среди ночи нас несколько раз дергали грузчики, которые брали из поленниц дрова и

бросали их в топку. Грузчиками работали и женщины – они были высокого роста и носили широкие как у мужчин штаны. Некоторые женщины даже работали кочегарами.

Ранним утром пароход остановился у большой деревни Могочино. Здесь было много народу – как отъезжающих, так и встречающих. Некоторые пришли, чтобы продать пассажирам свои продукты. Здесь были ведра и бидоны, заполненные топленным коричневым молоком, которое пассажиры быстро раскупили. Эта большая деревня считалась одной из самых обеспеченных, где продукты можно было купить дешевле, чем в других местах.

На другом конце парохода в Томск ехало еще несколько латышских детей из других детских домов. На пароходе мы ели взятый с собою хлеб, а иногда в пароходном ресторане покупали по тарелке дешевой похлебки.

День проводили на палубе, где осматривали все помещения. Каюты первого класса были красиво обставлены. Салон был большой и красивый, с мягкой мебелью, полированными столами, с большими пальмами и роялем, на котором, правда, никто не играл.

Сидели на скамейках, откуда открывался обширный вид на широкую Обь и ее берега. Долина Оби была просторная, а русло прерывалось множеством островов с пологими берегами. Местами берега реки поднимались высоко над уровнем воды. Чем больше мы приближались к Томску, тем красивее становились берега. Замечательно было сидеть на солнышке и разглядывать окрестности.

Этой ночью решили не спать, а остаться на палубе. Мне были интересно, как выглядят берега Оби ночью. Когда

зажглись звезды и месяц выглянул из своего укрытия, река лежала во тьме. Пароход скользил, оставляя за собой широкую, темную борозду со сверкающей пеной. К утру появился легкий туман, который качался над Обью.

На пароходе закончились запасы дров, поэтому он причалил у маленькой деревеньки, чтобы забрать топливо. На берегу были длинные поленницы дров, которые грузчики быстро загрузили на пароход. Тогда он продолжил свой путь. Ночь прошла, небо на востоке начало светлеть. Рассвет здесь был не таким, как в степи. Эта красиво проведенная ночь на Оби останется в памяти. Около полудня вдали уже можно было разглядеть Томск, который находился у залива, образованного излучиной реки. Подойдя поближе, увидели небольшой порт, в котором стояло несколько буксиров. Дальше на берегу возвышался большой причал.

Пароход причалил. В Томске прибытие парохода не было каким-то особенным событием, как это было в Колпашево. В Томске на берег сошла только примерно треть пассажиров, остальные отправились дальше – в Новосибирск, Барнаул и Бийск. В Томске нам уже не удалось увидеть свою представительницу, так как она успела от нас сбежать.

В Томске

С помощью местных жителей мы нашли нужное учреждение. Его начальницей была симпатичная русская женщина в годах, которая предоставила нам подробные сведения о нашем отъезде. Оказалось, что нас отправят

только тогда, когда в Томске соберут столько детей, сколько нужно, чтобы заполнить один вагон. Те, кого привезли еще раньше, еще ждут здесь, в том числе, и мои сестры. В Латвию уже уехали 300 детей из Красноярской области. Мы поедем во второй партии. Здесь нас пока разместят в детском доме, где еще есть свободные помещения.

Сначала нас отвезли в дезинфекционную баню, где нас самих и нашу одежду облили вонючей жидкостью. Начальница нас всех записала, а потом хотела отвезти в детский дом. Мне она сказала, что я смогу поселиться вместе с сестрами в другом детском доме. Она написала записку начальнице детского дома и дала мне в сопровождающие одного человека. Зашла к начальнице, которая приняла меня очень неохотно. Она указала мне комнату, в которой смогу поселиться.

Когда открыла двери комнаты, увидела своих сестер. Мы очень обрадовались тому, что снова встретились и сможем вместе продолжать путь на родину. Указанная комната была небольшая, с пятью кроватями. На двух спали мои сестры, а на остальных другие латышские дети. Ночью кровати сдвигали вместе и спали на них втроем. Здесь мы могли чувствовать себя свободно.

В большом дворе стояли два дома. В большом доме была спальня для детей, столовая и др., а в доме поменьше, где жили мы, в соседней комнате была кухня и еще несколько спальных помещений. Кормили нас здесь довольно хорошо.

На следующий день к нам пришла наша представительница Штенгмане из Риги. Сначала сюда собирались приехать и другие представители, но они остались в Москве, так как испугались дороги и прочих трудностей.

Представительница была очень энергичная и приветливая, она выдала нам белье, мыло и еще разные мелочи,

Однажды красивым июньским днем, после обеда, представительница всех нас отвела в кино. Оно находилось на главной улице, и это было само большое кино в Томске. Там были просторные помещения и зал ожидания с возвышением для оркестра в одном углу. Здесь перед началом вечерних сеансов играл оркестр, иногда устраивали танцы. В зале на стенах были разные фотографии из самых новых фильмов и лозунги. Людей на дневном сеансе было мало. Мы зашли в буфет, где представительница угостила нас мороженым и лимонадом. Мы посмотрели фильм «Сыновья», который к нашему большому удивлению был озвучен на латышском языке. Почему здесь показывали фильм на латышском языке? Это был фильм с пропагандистским содержанием. Сколько помню, в этом фильме также еще пели «Баю, баю, деточки-топтыжки» (Aijā, žužū, lāča bērni).

Томский лагерь принудительных работ

Вдали от городского предместья, у самого горизонта, виднелось большое, длинное здание – это был один из томских исправительно-трудовых лагерей. Подальше в этих местах было еще много таких лагерей. Если посмотреть повнимательнее, то можно было увидеть, как каждый вечер по дороге в ту сторону двигалась большая толпа людей. Очевидно, это были обитатели лагеря – заключенные, которые по вечерам возвращались с работы в тюрьму. А ранним утром видела, как они идут на работу.

Мне хотелось увидеть их вблизи, и мне это удалось. Однажды ранним солнечным утром, часов в шесть, я пошла в магазин за хлебом, потому что в это время там не было таких длинных очередей, как днем. Выйдя на улицу, я порадовалась красивому утру. В магазине получила хлеб без очереди, и пошла домой по мосту через канал. Недалеко от дома встретила длинное шествие, которое медленно двигалось в Томск. Это были заключенные из лагеря, всего около 400 человек. Конвой шел впереди, сгоняя всех с улицы на тротуары, поближе к домам. Колонну возглавляли и завершали верховые охранники. За верховыми шел целый ряд надзирателей с пистолетами-пулеметами наготове: в случае попытки бегства они тут же стали бы стрелять. По бокам колонны шли охранники с собаками, образуя замкнутую цепь. На заключенных мужчинах была одежда черного цвета, на женщинах – разноцветная. У всех на спинах были номера. Некоторые выглядели хорошо, другие были совсем истощенные, с желтыми, впалыми лицами. Последние, очевидно, уже долгое время провели в заключении. Им не разрешали переговариваться, но многие уже научились разговаривать, шевеля только губами. Заключенных вели через Томск на какие-то работы, в основном их использовали на строительстве дорог, рытье канав и на других подобных работах. Заключенные для государства были самой дешевой рабочей силой. Сколько среди них было латышей?

Кажется, что ни в одной стране не было столько лагерей принудительных работ, как в России, где скончались и приняли мученическую смерть тысячи человеческих жиз-

ней. Также, кажется ни в одной стране не было так много детских приютов, как в России. В этих приютах росли дети замученных в тюрьмах и в трудовых лагерях людей. Можно сказать, что было столько же сиротских приютов, сколько тюрем. Когда в 1937 году в России во время массовых арестов и чисток от антикоммунистических элементов были арестованы миллионы человек, детские приюты тоже оказались переполненными. Приюты были, да и сейчас остаются в невероятно плохом состоянии. Кроме голода, недостатка одежды, здесь свирепствовали болезни в виде эпидемий, потому что не было обученных врачей и медикаментов, чтобы ограничить болезни. Самыми распространенными болезнями в приютах были трахома, рахит, туберкулез и чесотка. Большинство детей из приютов были непригодны для дальнейшей жизни из-за умственных физических недостатков.

Наблюдения в Томске до отъезда

В Томске была большая рыночная площадь, которая ежедневно была переполнена людьми. Здесь торговали и новыми, и подержанными, а также старыми вещами. У края рыночной площади – у самого забора – были разные ларьки, в которых находились продуктовые магазины, буфеты, мастерские сапожников и фотографов, магазины одежды, парикмахерские. На рынок также съезжались продавщицы с тележками, которые торговали еще горячими русскими пирогами. На столах можно было купить всякую всячину. Мороженое продавали везде, даже на углах улиц.

В киосках на углах улиц продавали любимый русский напиток «морс», приготовленный из клюквенного сока и сахарина. Он был довольно дешевый.

Часто встречались калеки и инвалиды, которые играли на гармошках, таким образом зарабатывая себе пропитание, которое подавали слушатели.

Наша представительница хотела, чтобы мы все были вместе – так ей легче было за нами присматривать, поэтому нас перевели в тот детский дом, где находились остальные дети. Нам было очень жалко оставлять наше прежнее жилище, откуда открывался прекрасный вид на окрестности, и перебраться в указанное место. В этом детском доме, куда нам нужно было переехать, находились глухонемые дети. Это было большое двухэтажное здание. Нас разместили в двух комнатах, в одной были девочки, в другой – мальчики. Нам пришлось спать в зале, где был рояль. Старшие девочки каждый день по очереди должны были мыть помещения, чтобы было чисто, ведь мы спали на полу. Также мы ходили в баню.

Детский дом находился на окраине города недалеко от университета. Неподалеку отсюда была железная дорога. Еще мы ходили и на расположенный поблизости рынок. Как-то в очень хорошее воскресенье мы пошли на спортивные соревнования. В них участвовали студенты – легкоатлеты. Они состязались в беге, в прыжках в высоту и длину. Играл духовой оркестр.

В детском доме мы жили весело и шумно. Поскольку все дети здесь были глухонемые, они ничего не слышали из нашей шумной жизни. По вечерам мы ходили гулять в

зеленой зоне. Здесь был красивый парк с большими, старыми деревьями. Особенно много здесь было берез. Была танцплощадка и играл оркестр. Вход на танцплощадку был платный. Люди были одеты красиво. Скоро ли наступит время, когда и мы сможем ощутить то же, что ощущала эта молодежь?

Однажды нас отправили на летнюю базу детского дома – в подсобное хозяйство – полоть огород. Это было в четырех километрах от Томска. Когда мы пришли на место, то были очень удивлены, потому что летнюю базу представляли совсем другой, но только не простой будкой, сложенной из некрашенных бревен с невысоким крыльцом. Здесь в летние месяцы жили глухонемые дети. Вокруг дома было большое поле, на котором рос картофель и другие овощи. Вот их нам и надо было полоть. Здесь все сильно заросло сорняками, но у нас не было ни малейшего желания копаться в запущенном саду. Поработали до полудня, потом поели обед и пошли домой. Когда мы пришли домой, нас отругали за то, что пришли слишком рано, но это нас уже не испугало, потому что со дня на день готовились уехать. Пришел Янов день, Янов вечер провели вместе с нашей представительницей – пели песни и обсуждали радость предстоящего пути на родину.

Наконец пришло известие о том, что наш вагон в порядке и следующим вечером его прицепят к томско-новосибирскому составу. Мы были счастливы. Мысленно мы уже были в дороге, однако долгое ожидание уменьшило нашу радость. Никто же не знал, какое распоряжение поступит на следующий день. Возможно даже, что отъезд будет

отложен. Когда стало известно, что это последний день, который мы проводим в Томске, все мы очень разволновались. Многие дети здесь ждали уже два месяца. Пока мы жили в Томске, нас часто посещали томские латыши. В связи с отъездом руководительница детского дома велела подать нам праздничный ужин, в котором был русский пирог, винегрет и гарнир.

Детям, у которых порвалась одежда, со склада Гороно выдали одежду, чтобы никто не подумал, что мы жили в плохих условиях. Перед нашим отъездом пришла начальница Томского снабжения сирот, та самая, которая записывала нас, когда приехали в Томск. Один латышский мальчик от всех нас поблагодарил ее за заботу о нас во время нашего пребывания в Томске. Она, в свою очередь, поблагодарила нас и попросила, чтобы мы написали, как доехали. Ранним вечером нас усадили в грузовик. На станцию нам надо было ехать через весь Томск. Вскоре мы добрались до станции Томск 1, где стояли длинные ряды сцепленных товарных вагонов. В составе стоящего впереди поезда находился и наш вагон. Это был товарный вагон со встроенными в три этажа спальными нарами. Нам пришлось спать на полу, потому что уже все нары были заняты. В вагон уже привезли ящики с хлебом, печеньем и консервами.

Кроме нас в Ригу еще ехали одиннадцать русских женщин, которые заняли много места, а в дороге позволяли себе всякие удобства. Нам было очень тесно, потому что в одном вагоне нас было больше 80 человек. Поздно вечером в вагон вошел контроль, пересчитал нас и проверил по

списку, нет ли среди нас кого-то из тех, кому ехать не разрешено. Всю ночь и еще один день мы простояли в Томске. И только к вечеру второго дня локомотив свистнул, и мы поехали.

В пути на родину

Томск – Новосибирск – Омск – Петропавловск – Свердловск – Казань – Москва – Великие Луки – Резекне – Рига. Вечером 28 июня 1946 года мы выехали из Томска, где провели целый месяц, который можно было вспомнить с удовольствием. Нас охватило радостное волнение, так как еще предстоял долгий путь.

Как теперь выглядит и как изменилась Латвия за эти годы? Не окажется ли наша большая радость по поводу возвращения на родину преждевременной? Ожидает ли нас там то, что мы здесь все время надеялись увидеть?

Хотя в пути нам предстояло преодолеть разные трудности и неудобства, это были мелочи по сравнению с нашим радостным настроением. Поскольку нас было очень много в маленьком вагоне, двери вагона оставались открытыми и днем, и ночью. Дверь до половины была заставлена деревянной решеткой, чтобы маленькие дети не могли выпасть наружу. Днем мы стояли у дверей, глядясь в проплывающие мимо пейзажи. Из-за тесноты ночью трудно было спать, но в конце концов мы, усталые, убаюканные равномерным покачиванием, засыпали. Бывало и так, что мы с подружкой, когда не могли заснуть, стояли у вагонных дверей, рассматривая отблески светлой

ночи. Поскольку наш вагон был втиснут в состав товарного поезда, то вперед мы продвигались очень медленно. В больших городах часто приходилось стоять в ожидании сортировки вагонов. В дороге мы были дольше, чем вначале казалось нашей представительнице, поэтому стало не хватать еды. Большим неудобством было и то, что товарный поезд каждый раз останавливался на товарной станции. Если мы хотели что-нибудь купить, то на главную станцию нужно было далеко идти по железнодорожным рельсам.

Въехали в Новосибирск. Через долгое время снова увидели трамваи и автобусы. Здесь были высокие здания, характерное для большого города движение. После нескольких часов стоянки отправились дальше. Мимо маленьких городков и поселков мы проезжали без остановок, а в крупных городах поезд останавливался. На пути из Томска до Новосибирска почти нигде не видели домов или поселков. Была только тайга, местами – мелкие кусты или луга.

На участке пути до Омска видели много исправительно-трудовых лагерей. Были построены длинные бараки, окруженные колючей проволокой. Это напомнило нам ужасный 1941 год.

После Новосибирска мы пересекли Омск. Он находился на совершенно равнинной местности, где почти не было лесов. Омск – это промышленный город на берегу реки Иртыш. Издалека он выглядел довольно мрачно. За Омском появились большие холмы, между которыми, изгибаясь, протекал Иртыш. Представительница рассказывала, что в Омск еще до войны приезжали латыши: и добровольно, и в ссылку. Многие жили там до сих пор.

Дальнейший путь от Омска до Петропавловска шел по необъятной степи, только местами встречались мелкие кустики. Пару дней мы не видели ни одного человека, ни одного дома и вообще не было никаких признаков пребывания людей. Красивыми были рассветы и закаты в степи. Здесь открывался обзор на горизонт, потому что вид не заслоняли ни деревья, ни здания.

Поздно вечером въехали в Петропавловск, где на наш вагон напали хулиганы. Они камнями выбили оконные стекла и кидали камни в стены вагона. Какое-то время они дебоширили, но потом оставили нас и пропали. По мере приближения к Свердловску равнина понемногу превращалась в возвышенность.

Однако местность, в которой был расположен Свердловский округ, хоть и находилась над уровнем моря выше, чем предыдущая, была ровной. Свердловск – это крупнейший промышленный центр Урала. Он находится в живописной местности, поросшей красивым сосновым лесом. Поздно вечером приехали в Свердловск. Остановились рядом с каким-то зарешеченным эшеломом. Не могли узнать, откуда пришел этот эшелон с заключенными, ведь он мог быть как из Латвии, так и из других стран. Вооруженные чекисты охраняли вагоны и время от времени стучали палками по стенам и полу вагона. Конец палки был обернут тряпкой. Стучали, чтобы убедиться, не отломана ли какая-нибудь доска и не собирается ли кто-нибудь бежать. Это равномерное постукивание непрерывно продолжалось всю ночь.

Через какое-то время из вагона раздался сильный шум. Послышались короткие вскрики и стоны, потом распах-

нулись двери и, звякая ведрами, людей повели за водой. Поскольку двери вагонов находились с другой стороны, самых людей мы не смогли увидеть.

В вагонах охранников, расположенных в начале и в конце эшелона, раздались веселые, разухабистые звуки гармошки. Это звучало резким контрастом тому, что происходило в вагонах, где измученные люди с ужасом ждали того, что может произойти в дальнейшем.

Все, что мы увидели и услышали, напомнило нам полный отчаяния путь в ссылку в Сибирь в 1941 году. Неужели же никогда не закончится это ужасное преследование людей, эти ссылки в суровые сибирские степи? Неужели эти истязания людей останутся неотомщенными?

Когда мы проснулись утром, зарешеченного эшелона уже не было. Он уехал в направлении Сибири, где высланных ждали охраняемые бараки. За ночь мы подъехали к товарной станции Свердловска. Пошли в город искать продукты. В город можно было попасть по высокому мосту, который протянулся над железнодорожными путями. Узкий мост был предусмотрен только для пешеходов, и заканчивался он в привокзальном сквере. Большое здание вокзала находилось ниже платформы. На вокзале был большой зал ожидания и буфет, полный народа. Получив в станционном магазине хлеб, мы вернулись в наш вагон, который был отцеплен и стоял отдельно. Мы поняли, что нам предстоит долгое ожидание. Наша представительница пошла к начальнику станции напомнить о нас и о том, что нам нужно срочно ехать. Таким образом почти на каждой станции ей приходилось

заботиться о том, чтобы мы быстрее достигли конечной цели своей поездки.

Поздно вечером, когда мы все еще стояли у Свердловской товарной станции, нам пришлось пережить неприятное происшествие. Чтобы удобнее спускаться из вагона на землю, у нас была маленькая лесенка. Когда вернулись и сходили за водой, за нами по лесенке поднялись два типа подозрительного вида, но, осмотрев с фонариками вагон и не найдя нечего, что можно было украсть, они ушли. Ночью выехали из Свердловска.

На Урале

Уральские горы поражают дикой красотой своих лесов и горных лугов, на которых трава достает до пояса. Местами Урал каменист и покрыт мхом. В долинах рек живут люди, на берегах они строят дома и разводят огороды. На Урале во многих местах была только одна железнодорожная колея, поэтому в тех местах нам приходилось подолгу ждать встречного поезда. Тогда мы могли выйти из поезда и погулять по зеленым опушкам леса. Здесь было много крупной лесной земляники.

Дальше в пути мы проехали через два длинных туннеля. Пересекая Урал и проезжая по бывшей Вятской губернии, видели много барачников, которые были заселены заключенными. Было видно, что лагеря обитаемы, у барачников были люди. Вокруг барачников был возведен высокий забор из колючей проволоки, вдоль которого ходили вооруженные охранники. На окнах были решетки. Некоторые барачники

казались пустыми: окна и двери распахнуты, людей и охранников поблизости не было видно. Арестованных часто переводили из одного лагеря в другой. Мрачные мысли возникали при виде этих бесчисленных бараков, про которые рассказывали много ужасного и в которых были замучены и уничтожены тысячи латышей, эстонцев и литовцев.

Казань

Переехав через приток Волги – Каму, мы въехали в Казань, бывшую столицу татарского царства. Издалека было видно, как на солнце сияют башни мечетей, которые остались нетронутыми. В Казани поезд задержался всего на несколько часов, и мы успели побывать на рыночке около вокзала. Здесь было очень грязно, как это обычно бывает у татар. На рынке продавали разные товары: от продуктов до старых вещей. Здесь в ряд стояли котлы с супом, который здесь варили разными способами. Чтобы похлебка не остывала, котлы покрывали грязными тряпками. Рядом с котлом была тарелка с ложкой, чтобы похлебку можно было съесть тут же на месте. Чаще всего встречалась похлебка с самодельными макаронами. Татарки продавали разное печенье из муки, картофеля и других продуктов. По большей части здесь звучал только татарский язык. Пополнив свои запасы продовольствия и взяв в дорогу воды, мы вернулись в поезд, который вскоре продолжил путь.

Недалеко за Казанью мы переехали по железнодорожному мосту через Волгу, которая в этом месте была

довольно широка. У Москвы поезд остановился на одной маленькой станции. Там были поросшие соснами белые песчаные дюны, которые напоминали наше взморье.

Из ближайшей водяной башни у железной дороги, из которой локомотивы берут воду, мы принесли воды и помыли вагон. И сами помылись под водой из башни – как под душем. Наломали березок и украсили вагон.

В Москве

Вечером 11 июля въехали в Москву и остановились на одной товарной станции на окраин. Поезд медленно двигался вперед, остановился, потом снова продвинулся. Несколько вагонов отцепили, вместо них прицепили другие, и в таком составе подошел ближе к центру Москвы. Сейчас мы находились на большой товарной станции.

Пошли за водой, снова мыли пол и чистили вагон, так как наша представительница сказала, что нас посетит комиссия. Здесь у нас побывали «представители» латышей в Москве. К рельсам подъехал легковой автомобиль, из которого вышла «товарищ Лузе», одна из представительниц, которая привезла первую группу детей из Красноярска. Мы обрадовались, что нас везла не она, потому что выглядела она очень несимпатичной. Настоящий тип коммунистки, плечистая, широколицая, с коротко остриженными волосами, в которые был воткнут большой блестящий латунный гребень.

Она не хотела с нами разговаривать, только сказала, чтобы мы шли к машине за продуктами, которые привезли

для нас. Продукты были американские: сгущенное молоко, разные мясные консервы, бисквиты и другие вкусные вещи. Для нас это было хорошей поддержкой, так как наши запасы хлеба и продуктов уже закончились. Нам также пообещали привезти одежду, но ее мы никогда и не увидели.

Позже пришли и другие представители, которые, наскоро осмотрев наш вагон, снова ушли. Через несколько часов мы снова переместились еще дальше. Здесь сходилась много железнодорожных путей, можно было заблудиться в поисках вагона. Сейчас мы стояли рядом с пассажирским вагоном. Мы сходили в ближайший магазин, где нам удалось купить еще хлеба. Представительница снова разговаривала с начальником станции, чтобы наша стоянка не затягивалась. Он пообещал нам локомотив только следующим утром.

Ночь провели в Москве. Спать пошли поздно. Откуда-то издалека до нас доносились звуки музыки. Очень хотелось побыстрее добраться домой.

Проснувшись утром, увидели, что снова находимся в другом месте. Сейчас мы были в самом центре города, откуда видны были московские башни. Некоторые пошли осматривать Москву, хотя это было довольно рискованно, потому что поезд мог скоро отправиться. Далеко не уходили, потому что боялись остаться здесь. Шли по московским бульварам, видели красивые насаждения, площади с памятниками, правительственные здания. Вернувшись, увидели, что рядом с нашим поездом стоит эшелон с высланными, который охраняли чекисты. У этих вагонов окна не были зарешечены, поэтому мы хорошо видели лица людей, которые смотрели в окна. На них была немец-

кая армейская форма с сорванными погонами и отличительными знаками, почти все выглядели интеллигентно, между собой они говорили по-немецки. В сопровождении охранников они ходили за водой. После блестящих побед, о которых знал весь мир, их сейчас в униженном положении везли в отдаленные края Сибири, где их уже ждали страшные тюрьмы, узники которых приняли мученическую смерть, а также лагеря принудительных работ. В обед эшелон с немецкими военнопленными уехал в Азию, а мы отправились в Европу. Выехав из Москвы, мы проехали мимо канала имени Москвы, построенного на крови и трупях заключенных. Поздно вечером въехали в Великие Луки, где простояли всю ночь. Этот город был полностью разрушен, от здания вокзала тоже остались одни развалины. Вместо него была построена маленькая деревянная будка.

В Латвии

После обеда мы уже достигли территории Латвии. Проехали через Зилупе. Сколь родной нам снова показалась эта земля со своими полями, лесами, пашнями, лугами и городами! Мы все припали к окнам и дверям, чтобы не пропустить ничего не замеченным. Рассматривали латвийскую землю как милую сердцу, давно не виданную, но сейчас вновь обретенную драгоценность. Действительно ли это наша земля – наследие наших отцов и дедов, куда мы можем вернуться, или все же будем чувствовать здесь чужаками? Мимо проплывали пейзажи Латгалии. Ближе к вечеру въехали в Резекне. Резекненский

вокзал сгорел, поэтому вокзальные помещения сейчас находились в другом месте. Недалеко от станции находилась баня, куда мы пошли помыться.

Мы счастливо добрались до Латвии. Никаких болезней в вагоне не было констатировано, кроме несколько случаев чесотки. Потом мы побродили по рыночной площади, которая находилась недалеко от станции. Здесь можно было купить разные печенья и прохладительные напитки. В киоске купили латышские газеты. В привокзальном сквере увидели большую группу людей. Оказалось, это были латышские legionеры, которых отпустили домой из плена. Эти когда-то здоровые, сильные люди теперь превратились в высохшие, бледные скелеты. Их тела прикрывали потрепанные выцветшие шинели немецкой армии. Их лица распухли, обросли бородой. У многих распухло все тело и ноги, поэтому они ходили с большим трудом. У одного из них гноились ноги, поэтому он, наверно, совсем не мог ходить, только лежал и стонал. Многие латыши из проходящих поездов оделяли их продуктами, потому что им совершенно не было что есть. Мы тоже передали им оставшиеся у нас кусочки сахара. Они приехали из Тифлиса, где после капитуляции оказались в окружении. Многие заболели лихорадкой и завершили свой жизненный путь.

Итак, только въехав в Латвию, мы уже видели измученные лица латышей. Вечером пришло распоряжение, что из товарного вагона нам надо пересест в пассажирский вагон поезда линии Москва – Рига. Мы посчитали это пересаживание очередной пропагандой, которая должна была показать,

что мы приехали на пассажирском поезде, а не в вагоне для скота. Собрали свои вещи и отправились к указанному нам поезду, где нам выделили отдельный вагон. Когда мы пересели и устроились в пассажирском вагоне, почувствовали себя прекрасно. Если бы весь долгий путь нам пришлось проделать в таком вагоне, мы бы чувствовали себя совсем по-другому. Правда, поспать у нас не получилось, потому что в соседнем вагоне ехали русские офицеры, которые играли на аккордеоне и пели. Рано утром выехали из Резекне. Почти все красивые станционные здания до самой Риги были разрушены, от них остались только кучи развалин. Во многих местах видели военную разруху и ее последствия. Латвия снова пострадала от урагана войны, и сейчас мы своими глазами увидели его разрушительная сила. На Плявиньской станции снова встретили зарешеченный эшелон с арестованными, который, судя по всему, стоял в ожидании локомотива. Здесь снова были несчастные жертвы, которым предстоял далекий мучительный путь в сибирские лагеря. Неужели никогда не прекратятся эти преследования людей, эти ссылки? Мы отбыли свое наказание, вернулись на родину, а теперь высылали других, которым суждено претерпеть все то, что вытерпели мы. Многие из них уже никогда не вернутся. Это было первое наше наблюдение в Латвии, и действительность резко отличалась от того, о чем мы мечтали.

Завершая свои воспоминания, хочу вставить строки из стихотворения Карлиса Скалбе, которое по возвращении нашла у своей няни:

*Много мучеников было избранных
Для тебя, моя маленькая отчизна.*

Большинство из нас совсем по-детски вообразили, что в Латвии, пусть с небольшими изменениями, но все будет как раньше. Мы думали, что найдем ее такой же, какой оставили пять лет назад.

14 июля 1946 года мы прибыли в нашу столицу, в Ригу. Здесь нас встретили представители из детского дома, которые на автомобиле доставили нас в дезинфекционную баню, а потом в карантин. Прошло ровно пять лет и один месяц с 14 июля 1941 года, когда мы покинули родину и оказались на чужбине.

Если мне доведется дождаться времен, когда закончится власть коммунистов, я постараюсь отомстить им самым зверским образом. Я бы всеми силами добивалась возможности мучить их, пытать и убивать. Я хотела бы отомстить за доставленные нам муки, за глубокие унижения, за всю нашу искалеченную, разрушенную жизнь, за смерть бабушки и мамы, за наше здоровье, за драгоценные годы молодости, которые нам пришлось провести в Сибири, за те многие невинные жизни, которые приняли мученическую смерть и были погребены в мрачной земле Сибири. Достаточно вспомнить 1941 год, чтобы кровь закипела от желания отомстить.

А отмщение придет – рано или поздно. Когда я перечитываю эти сибирские воспоминания и углубляюсь в них, меня охватывает невыразимая ненависть к нашим мучителям – палачам, меня трясет от жажды мщения. Это чувство испытает каждый латыш, у которого в груди еще пылает огонь патриотизма. Ах, скорее бы наступил этот час расплаты!

Пишу 13 октября 1950 года – в тот день, когда меня хотели второй раз увезти назад, в Сибирь. Если мне на этот раз

улыбнется счастье остаться здесь, на родине, я никогда не забуду этот день 13 октября. Он останется у меня в памяти пламенным оружием мести в моей борьбе против коммунистов. Если же меня на самом деле увезут, то я хотела бы, чтобы эти написанные мною воспоминания прочитало как можно больше людей. Пусть эти сибирские воспоминания останутся доказательством для всех тех, кто хотел бы вести такую же борьбу, какую я себе представляю и к которой стремлюсь.

О дальнейшей судьбе моей доченьки Рутини вкратце расскажу я, ее отец. Ее заметки переписал буквально с написанных ею листочков, немного пропуская те места, где описана природа Сибири, города и впечатления от них. Я считаю, что главное – это рассказать друзьям и соотечественникам на чужбине, которые остались в живых и которым удалось спастись от гнусных поступков азиатских негодяев.

Как видно из записок Рутини, сироты вернулись из Сибири в июле 1946 года. Я в то время еще находился в Карелии – в Медвежьегорском лагере принудительных работ. Осенью того же года мне поручили перестроить лесопилку и пообещали, что после завершения перестройки отпустят домой. Я уже все время переписывался с Рутиней и знал, что она с обеими сестрами приехала в Латвию. Дзидриня находится в Бикерниекском санатории, Майечку из детского дома взяла супруга священника Б., и теперь Майечка ходит в Бикерниекскую лесную школу (школа для больных туберкулезом), где сама мадам Б. работает учительницей. Рутиня живет у моего двоюродного брата в деревенском доме в Цесисском уезде. (Двоюродный брат тоже был в лагере около Москвы – на угольных шахтах). Перестройка лесопилки закончил в конце октября и действительно всю нашу бригаду отпустили на родину. Я понял, что поехать в Ригу было бы очень рискованно, поэтому поехал к Рутине (в дом Салас Марсенской волости). На станцию Лоде поезд прибыл около пяти, и оттуда я пошел в Салас. В Салас зашел на кухню, где хозяйничала двоюродная сестра Аустра, которая не смогла сдержать громкого возгласа, здороваясь со мной, и тогда

из комнаты вышла моя Рутиня. На первый взгляд мне показалось, что Рутиня немного поправилась.

Через некоторое время, когда я немного пришел в себя, достал одежду, поехал в Ригу навестить Дзидриню и Майечку в лесной школе. В Бикерниекском санатории встретил Дзидриню, которая была меньше, нежели я себе представлял. Тогда мы вместе с Дзидриной сходили в расположенную поблизости лесную школу. Там вызвали маленькую Майечку, которая была вообще-то кругленькая, только маленькая. После первой встречи с детьми стал искать работу. После мелких хлопот перешел на работу в одном Бауском промкомбинате, где мне вскоре дали квартиру, и Рутиня с Дзидриной пришли жить ко мне. Рутиня работала в конторе промкомбината, а Дзидриня хозяйничала, кроме того, ей нужно было ездить в Ригу на кислородную терапию легких. Майечка жила у приемной матери мадам Б. в Риге, а летом у нас, в Бауске.

Так, с 1947 года до января 1951 года мы прожили вполне спокойно. Рутиня работала и ходила в вечернюю школу, но осенью 1949 года как последствия недолеченного в Сибири плеврита у Рутини появились признаки заболевания туберкулезом, и ей пришлось два месяца провести в Терветском санатории. Дольше в этом санатории не держали, потому что надо было освободить место русским, у которых своего санатория не было. Летом она была в санатории в Берзоне рядом с Добеле, затем лечилась дома и ходила на кислородную терапию в Баускую больницу.

В это время начали собирать и отправлять назад привезенных из Сибири сирот. Чекисты проследили за Рутиней

и однажды, в октябре 1950 года, к ней пришли чекисты, которые хотели отвезти ее в Елгаву, но Рутиня схватила ножницы и напала на одного из чекистов. Второй чекист стоял в углу комнаты и для защиты схватил топор, который стоял там же, в углу. По словам Рутини, если бы ей удалось добраться до топора, она раскроила бы голову хотя бы одному негодяю. Но чекисты разоружили Рутиню. Когда пришел с работы, чекисты рассказали, что Рутиня на них напала и что мы вдвоем должны поехать с ними в Елгаву. Но Рутиня громко заявила, что она никуда не поедет. Чекист подумал и сказал, что тогда он передает дело в Ригу и ушел. Через пару недель меня вызвали в Бауское чека. Меня допрашивали и интересовались, как я могу находиться здесь, если меня сослали в Сибирь. Я сказал, что был не в Сибири, а в Карелии. Значит, я сбежал из Сибири в Карелию, ведь у них есть соответствующий «документ», содержание которого они мне зачитали. Какой-то старший лейтенант Николаев сообщил, что 14 июня 1941 года он меня арестовал и отправил в Сибирь. Чекист растерялся и ушел к начальству. Через какое-то время он вернулся и извинился за то, что побеспокоил нас. Было ясно, что он сообщит в Ригу, а после получения ответа нам предстоит тяжкий, мученический путь в Сибирь.

Так и случилось. Через пару недель, 21 января, меня вместе с обеими дочерьми арестовали и перевели в пересыльную тюрьму в Риге. Там уже находилась арестованная Майечка. Так начался тяжкий путь пересылки в Сибирь через пересыльные тюрьмы. Для Рутини он оказался роковым, ведь был прекращен курс кислородной терапии легких. Путь до Томской тюрьмы продолжался четыре не-

дели. В отсек вагона для арестованных, который назывался столыпинским, предусмотренном самое большее для 12 человек, запихнули человек 30.

Самая большая пересыльная тюрьма была в Москве, через которую в день пропускают до 5000 арестованных. В каждой тюрьме все начиналось с проверки в в каком-то холодном предбаннике, затем в бане. Хорошо, что после бани вводили в протопленное помещение. Мы с собой взяли кое-какие повседневные вещички, которые всегда приходилось переносить в большой спешке. Повсюду были жадные глаза, и за малейшую невнимательность можно было очень дорого заплатить. Если везло, тогда не размещали в одной камере с ворами, но моим девочкам все-таки пришлось пару раз оказаться среди воров.

В Томской тюрьме, хоть в этом старом здании были плохие, негигиеничные камеры, но, по крайней мере, нас не разместили в камерах вместе с ворами. Через длительное время, недели через три, нас переслали в Тугань, примерно за 50 км от Томска, а оттуда еще дальше – в Корюкино, на изготовление тарных дощечек.

Состояние Рутини заметно ухудшилось. Поблизости не было никакой медицинской помощи. Какой-то медпункт с единственной медсестрой был в 27 километрах, а зимой туда можно было добраться только пешком или на санях, у Рутини же такой возможности не было.

Когда весной стали прибывать грузовики за заготовленными тарными дощечками, Рутиня наконец смогла попасть к медсестре, которая хоть и дала направление в Томск, но как же туда можно было попасть?

В середине мая нас перевели назад в Томск, причем заставили покупать билеты за свои же деньги! А из Томска на пароходе в Колпашево, в бывшее место поселения моей дочери. В Колпашево была большая туберкулезная больница, и вскоре туда положили Рутиню.

Сибирские захолустные больницы не соответствуют нашему представлению о больницах. В то время, в 1951 году, в Советском Союзе не было никаких противотуберкулезных лечебных средств. Когда начал появляться стрептоцид, его было очень мало, и давали его только членам партии.

В течение двух лет Рутиня несколько раз была в этой больнице. Питание было плохим, однообразным. Нам из Риги мадам З. присылала, в том числе, при посредничестве мадам Б., разные противотуберкулезные лекарства, в последнее время также из Америки, благодаря которым Рутине как-то удавалось выжить. Она рассказывала, что скорее всего из тех беспартийных больных, которых она встречала в больнице с момента своего первого поступления, никого больше в живых не осталось.

Меня снова арестовали в мае 1953 года. Майечка заболела нефритом (почечная болезнь), поэтому единственным нашим кормильцем стала инвалид Дзидра, которая с разрешения коменданта перешла работать в инвалидную артель на пошивочные работы и зарабатывала в среднем 220 рублей (старыми) в месяц. Питание ухудшилось, а вместе с тем еще больше ухудшилось и состояние здоровья Рутини.

Когда в 1956 году я вернулся из лагеря принудительных работ, Рутиня ослабела еще больше и не могла пройти

больше полукилометра. Недалеко от нашего дома жила одна эстонка, медсестра, которая делала Рутине уколы. Я отвез к ней Рутиню на санках. Друзья прислали PAS американского производства и другие медикаменты, но, к большому сожалению, у присланных лекарств не было инструкции, в каких случаях и как их надо употреблять. Никто их русских врачей их не знал, поэтому лекарства остались неиспользованными, хотя и могли бы принести много пользы.

Дорога назад на родину летом 1956 года была очень трудной. По возвращении в Ригу Рутиню с помощью доктора Б. срочно поместили в туберкулезную больницу на ул. Пернавас. Была надежда, что д-р Б в своем отделении добьется улучшения здоровья Рутини. Какое-то время действительно все шло хорошо, но затем вмешался директор туберкулезной больницы, который распорядился перевести Рутиню во второе здание, где находились более тяжелые больные. Из-за перевода в зимнее время, причем Рутине с почти 40-градусной температурой пришлось самой переносить свои вещички, еще больше усилилась лихорадка. Врач отделения, коммунистка, убедила, что в иностранных препаратах нет ничего особенного, а поскольку Рутиня уже длительное время принимает PAS и римифон, организм к ним уже привык, поэтому они больше не действуют и их употребление следует прекратить. Рутиня послушалась эту коммунистку. Однако без употребления обоих вышеупомянутых лекарственных средств туберкулез стремительно распространился в обоих легких, и 23 апреля 1957 года, в Юрьев день, Рутиня умерла...

Снова сонм дорогих теней умерших мученической смертью пополнился еще одной жизнью, которой пришлось пройти долгим путем мытарств и страданий и умереть, хотя еще так несказанно хотелось жить.